

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1907.

№ XXIII.

ДЕКАБРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ:

Стр.

Слово, произнесенное при освященіи храма въ деревнѣ Гутахъ 25-го ноября 1907 года. *Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.* . . . . . 569—570

Слово на день тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Николая II Александровича. Императора и Самодержца Всероссийскаго 6-го декабря. *Ректора Семинаріи Протоіеря Алексѣя Юшкова.* . . . . 571—578

Св. Іоаннъ Златоустъ по жизни и твореніямъ своимъ. (Продолженіе). *Д. Вертеловскаго.* . . . . . 579—599

Эрнестъ Ренанъ и его „Жизнь Іисуса“. (Опытъ психологической критики). (Продолженіе). *И. Боголюбова.* . . . . . 600—627

Недостатки классической теоріи силлогизма. *С. Глаголева* . . . . . 628—649

„Соціализмъ“ въ изслѣдованіи Виктора Натройна. (Переводъ съ 9-го нѣмецкаго изданія). (Продолженіе). *Сопщенника Н. Динскаго* . . . . . 650—664

II. ОТДѢЛЪ ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. I. Епархіальныя извѣщенія. — Росписаніе утвержденное Его Высокопреосвященствомъ 19-го ноября 1907 года очереднаго проповѣданія слова Божія протоіереемъ и священникомъ гор. Харькова и подгородныхъ селеній въ Кафедральномъ соборѣ въ воскресные и праздничные дни и домовыхъ церквахъ въ храмовыя ихъ праздники въ теченіе 1903 года. — Отъ Слѣдствія Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища. II. Церковное торжество въ Кронштадтѣ. *Р. П.* — Кронштадтскіи свѣточъ и газетныя главы. — *Протоіеря Іоанна Восторгова.* — О церковномъ пѣніи. — *М. Григоровскаго.* — Епархіальная хроника. — Иноепархіальный отдѣлъ. — Разныя извѣстія и замѣтки. — Объявленія. — (Стр. 665—708).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Соборная пл., въ ад. Присут. мѣстѣ.

1907.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣла богословско-философскаго. Въ него входятъ все, относящееся до богословія въ общирномъ смыслѣ: положеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ. Сюда же съ апологетическою цѣлю будутъ входить изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлечения изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

2. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковой, Петровскія линии, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостинный дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданій за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 р. 50 к. за каждый годъ; по 6 р. за 1890—1897 г., по 7 р. за 1897—1902 годы. За 1903 г.—9 р. и 1904 г. 8 р., за 1905 г. 9 р. и 1906 г. 10 р.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 140 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Брантано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождественца. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. БЕСВѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковскою епархіи. 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

4. „СОВЕСѢДОВАНІЯ“ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. благочинными, выборными отъ духовенства и другими лицами. 1906 г. Цѣна 40 к.

Истегі чоодмен.

Въром разумъваемъ.

Евр. XI.

С Л О В О

Высокопреосвященнаго Арсенія,

Архієпископа Харьковскаго и Ахтырскаго,

при освященіи храма въ деревнѣ Гутахъ *) 25 ноября 1907 года.

Привѣтствую съ построеніемъ и освященіемъ этого благолѣпнаго храма тѣхъ лицъ, которые построили храмъ,—и тѣхъ людей, для которыхъ онъ построенъ.

Первымъ глубокая моя благодарность за удовлетвореніе религіозныхъ потребностей живущихъ здѣсь, а съ послѣдними раздѣляю ихъ радость о построеніи и освященіи храма.

Доселѣ великое лишеніе было для жителей этсой мѣстности чрезъ неимѣніе храма; а между тѣмъ здѣсь живетъ и трудится на заводахъ не одна тысяча людей, которые въ воскресные и праздничные дни оставались безъ храмоваго богослуженія. Теперь это лишеніе чрезъ построеніе храма восполнено.

Честъ и хвала позаботившимся объ удовлетвореніи религіозныхъ потребностей здѣшнихъ жителей. Милость и благословеніе имъ Воже за это великое— доброе дѣло. Отнынѣ въ семь храмъ каждый разъ при богослуженіи будетъ возноситься молитва къ Богу о создателяхъ храма сего.

Какою же благодарностію вы, православные, воздадите за построеніе для васъ храма?—Доброю, бла-

---

*) Въ имѣніи сахарозаводчика Кенига.

гочестивою, трезвою и трудолюбивою жизнью. Это будетъ самая лучшая ваша благодарность... А къ храму сему вы должны имѣть вниманіе, усердіе и попеченіе о немъ.

При этомъ нужно замѣтить, что храмъ Божій для людей есть стражъ Божій, а благовѣсть колокола есть гласъ Божій, призывающій насъ на молитву. Внемлите сему гласу. Помните, православные, что храмъ Божій напоминаетъ намъ, что мы на землѣ временные жители, что настоящая наша жизнь дана намъ для приготовленія къ будущей, а потому она должна быть истинно-христіанскою, добродѣтельною.

Всѣ благословенія Божія, низводимыя въ храмъ Божіемъ, подаются только вѣрующимъ и добрымъ людямъ. Эти благословенія касаются временнаго благополучія нашего—въ сей жизни и вѣчнаго, спасенія—въ будущей. Только людей вѣрующихъ, благочестивыхъ и добрыхъ награждаетъ Господь здѣсь—на землѣ, и наградитъ *тамъ*—въ будущей жизни.

Послѣ трудовъ вашихъ—въ воскресные и праздничные дни—спыните, православные, въ храмъ Божій для общественной молитвы, каковая много важнѣе домашней молитвы. А даже и во всѣхъ мѣстахъ вашего житія ведите жизнь добрую—христіанскую, праведную, трезвую и трудолюбивую,—и будете достойны получать милость и благодать Божию въ храмъ сего и благословеніе Божіе на труды ваши въ настоящей жизни, и получите должное воздаяніе въ будущей—въ вѣчномъ блаженствѣ.

Кратко скажу вамъ—православные: Бога бойтесь, за Царя молитесь, старшихъ почитайте, ближнихъ любите, живите свято и—спасетесь. Аминь.

С Л О В О

на день тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА, Императора и Самодержца Всероссийскаго 6-го декабря.

*Иже благодать Божія спасительная всемъ
человѣкомъ, наказующи насъ, да отвершеса
нечестія и мѣрскыя похотей, цѣломудренно и
праведно и благочестно поживемъ съ нынѣш-
немъ тѣмъ (Тит. II, 11—12).*

Въ нынѣшній день собрались мы, братіе, во Святомъ храмѣ семъ, дабы вознести Господу Богу молитвы наши за Царя нашего и за всѣхъ, иже во власти суть (1 Тим. II, 2). Содержаніемъ этихъ молитвъ служатъ благодаренія за дарованіе намъ власти и связанныхъ съ нею благъ для человѣческихъ обществъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прошенія объ упроченіи власти въ нашемъ отечествѣ и ниспосланіи чрезъ это благоденственнаго житія всѣмъ намъ, какъ говоритъ св. Апостолъ: *да тихое и безмолвное житіе поживемъ* (1 Тим. II, 2). Такая благочестивая цѣль собранія нашего, благовременная при всякихъ обстоятельствахъ, представляется особенно настоятельною и спасительною въ нынѣшнее тяжелое время политическаго броженія и нравственнаго шатанія въ нашемъ дорогомъ отечествѣ.

Эта же самая цѣль, въ связи съ современнымъ состояніемъ нашего общества, побуждаетъ насъ, служителей Слова, предложить отъ того же Слова, какъ вѣчной и неизмѣнной истины, наставленіе о томъ, при какихъ условіяхъ возможно благоустроеніе жизни человѣка, какъ частной, такъ главнымъ образомъ и общественной. Ибо сама по себѣ молитва о тихомъ и

безмолвномъ житіи не можетъ еще ручаться за дѣйствительность такого житія: съ нашей стороны требуется еще внутренняя настроенность, соответствующая этой молитвѣ, а также и дѣятельность, благодаря которой жизнь наша дѣйствительно могла бы быть спасительной и достойной нашего званія, а тѣмъ самымъ и благоустроенной. Такое наставленіе или ученіе жизни мы находимъ, въ числѣ многихъ, въ словахъ Апостола Павла: *явися благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ, наказующи насъ, да отвергнемся нечестія и и мірскихъ похотей, шломудренно и праведно и блжчестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ.* Въ этихъ словахъ св. Апостоль указываетъ намъ, съ одной стороны, тѣ условія, которыя являются главнѣйшимъ препятствіемъ къ благоустроению человѣческой жизни, а съ другой—и тѣ качества и свойства членовъ человѣческихъ обществъ, которыми обуславливается такое благоустроеніе.

Благодать Божія, спасительная всѣмъ человѣкомъ, требуетъ отъ человѣка прежде всего, чтобы онъ отвергся нечестія и мірскихъ похотей, изъ которыхъ, такъ сказать, складывается вся жизнь міра внѣ благодати. *Все еже въ мръ,* говоритъ Ап. Іоаннъ Богословъ, *похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская* (1 Іоан. 11, 16). Такъ свидѣтельствуетъ о жизни міра Слово Божіе; въ этомъ же убѣждаетъ насъ и непосредственный опытъ. Если мы поглубже заглянемъ въ сердце естественнаго-необлагодатствованнаго человѣка, то въ немъ мы найдемъ три коренныхъ или господствующихъ желаній: во-первыхъ желаніе собственнаго чувственнаго удовольствія, т. е. похоть плотоугодія; затѣмъ, желаніе обладать тѣмъ, что видимъ и что можетъ доставить намъ удовольствіе, т. е. корыстолюбіе, и наконецъ, желаніе поставить себя выше другихъ и выше того, что мы изъ себя представляемъ, т. е. честолюбіе и гордость. А такъ какъ несомнѣнно, что желанія, зарождающіяся въ сердцѣ человѣка, оказывая вліяніе и на его умъ, являются главной движущей силой всей его жизни, то ясно, что плотоугодіе, корыстолюбіе и гордость и суть именно тѣ начала, которыми преимущественно, если не исклю-

чительно, руководится въ своей жизни и дѣятельности человечество въ его естественномъ состояніи.

Насколько же эти начала упрочиваютъ благосостояніе человека? Не требуется большихъ разсужденій, чтобы видѣть, что въ дѣйствительности они являются злѣйшими врагами всякаго благополучія.

Плотоугодіе неизбѣжно приводитъ человека къ духовному огрубѣнію и нравственному омертвѣнію. Опытъ показываетъ, что страсть къ чувственнымъ удовольствіямъ, разслабляя тѣлесный организмъ человека и похищая у него жизненныя силы, въ то же время притупляетъ его душевныя способности, дѣлая ихъ неспособными къ правильнымъ ихъ отправленіямъ, разрушаетъ внутренній миръ человека, лишаетъ чистыхъ радостей жизни, доводитъ нерѣдко до помѣшательства и совершеннаго безчувствія и во всякомъ случаѣ унижаетъ его до самаго постыднаго рабства. Если же человекъ, преданный плотоугодію, доходитъ едва-ли не до потери своего человеческого достоинства, то можетъ ли быть рѣчь о благоденствіи частномъ и общественномъ тамъ, гдѣ похоть плоти является однимъ изъ руководящихъ началъ жизни?

Далѣе, корыстолюбіе, завладѣвая человекомъ, также приводитъ его къ постыдному рабству и духовному слѣпотству, а иногда и къ утратѣ человеческого подобія. Домогаясь только пріобрѣтеній, корыстолюбецъ не гнушается для этой цѣли никакими, часто постыдными средствами, съ завистью относится къ тѣмъ изъ ближнихъ, которые имѣютъ большее, чѣмъ онъ состояніе, и во всякомъ случаѣ разрушаетъ основы любви, связующія всѣхъ ближнихъ между собою; въ тѣхъ же случаяхъ, когда страсть корыстолюбія всецѣло овладѣваетъ человекомъ (а это можетъ легко случиться съ нимъ), онъ доходитъ до скотоподобнаго состоянія. Страдая самъ ненасытной жаждой богатства, онъ своимъ поведеніемъ заставляетъ страдать и своихъ ближнихъ и такимъ образомъ нарушаетъ мирное житіе.

Наконецъ, гордость также унижаетъ и извращаетъ природу человека и ставитъ его въ самыя ложныя и непріятныя отношенія къ другимъ. Превозносясь своими мнимыми или даже и

дѣйствительными достоинствами предъ самимъ Богомъ, считая себя совершеннымъ настолько, что ему большаго совершенства какъ бы уже и не нужно. гордый съ презрѣніемъ и униженіемъ относится къ другимъ. Ложное мнѣніе его о себѣ самомъ заграждаетъ ему путь къ нравственному совершенству и вовлекаетъ его въ грѣхъ осужденія ближнихъ. Въ то же время, не находя удовлетворенія своимъ честолюбивымъ стремленіямъ, гордецъ носитъ въ сердцѣ своемъ вражду къ ближнимъ и при удобномъ случаѣ обнаруживаетъ ее и въ дѣлахъ, почему и является нетерпимымъ ни въ какомъ обществѣ. Словомъ, гордыня служитъ источникомъ постоянныхъ духовныхъ скорбей человѣка и несприятныхъ столкновеній его съ ближними.

Такимъ образомъ, ясно, что жизнь, руководимая мірскими похотями, сама въ себѣ носитъ начало своего разложенія; въ ней, если не явно, то по крайней мѣрѣ сокровенно царитъ нечестіе—этотъ врагъ всякаго человѣческаго благополучія, какъ свидѣтельствуется объ этомъ и исторія избраннаго народа Божія, впадавшаго часто въ нечестіе, и исторія языческихъ народовъ, а особенно исторія нечестиваго языческаго Рима.

И вотъ благодать Божія, наказующая насъ на всякое благо и создающая наше житіе, требуя, чтобы мы отверглись нечестія и мірскихъ похотей, въ противоположность симъ послѣднимъ заповѣдуетъ намъ цѣломудріе, правду и благочестіе, какъ средства, дающія вѣрное направленіе нашей частной и общественной жизни и опредѣляющія истинныя отношенія наши къ самимъ себѣ, ближнимъ и Богу.

Подъ именемъ цѣломудрія, по ученію христіанскому, нельзя разумѣть одно только сохраненіе человѣкомъ своего тѣла въ чистотѣ и непорочности: это послѣднее есть лишь паружное, такъ сказать, цѣломудріе, которое должно быть результатомъ цѣломудрія внутренняго—душевнаго. Душевное же цѣломудріе состоитъ въ томъ, что человѣкъ, руководимый всегда страхомъ Божиимъ, хранитъ свой умъ, свое сердце и свою волю отъ вторженія и зарожденія въ нихъ нечистыхъ и порочныхъ мыслей, чувствованій и желаній и отъ всего того, что можетъ возбуждать и питать ихъ. Только имѣя умъ чистый, неосквер-

ненный порочными мыслями, и сердце, не зараженное нечистыми чувствованіями и желаніями, человекъ можетъ свободно и правильно развиваться и достигать своего первоначальнаго назначенія—быть въ единеніи съ Богомъ. Господь Иисусъ Христосъ указываетъ на это, говоря, что только *чистые сердца* узрятъ Бога (Мтѣ. V, 8). И опытъ намъ подтверждаетъ тоже: свѣжесть, бодрость, оживленность, энергія и подобныя качества составляютъ удѣлъ цѣломудренной жизни; равнымъ образомъ, разумъ, память, воображеніе и нравственныя чувства—стыдливость и скромность, благожелательность и проч.—у цѣломудренныхъ проявляются во всей ихъ силѣ. А при такихъ только условіяхъ возможны и правильныя отношенія человека къ Богу, ближнимъ и самому себѣ. Ясно отсюда, что цѣломудріе является однимъ изъ главнѣйшихъ условій человеческого благополучія.

Далѣе, по ученію благодати, основаніемъ жизни служитъ правда, которая *возвышаетъ языкъ* (Притч. XIV, 34). Подъ правдой въ общемъ смыслѣ можно разумѣть уваженіе правъ каждаго человека и соответственныя его правамъ отношенія къ нему. Нельзя сказать, чтобы этой правды были совершенно лишены вообще человѣческія общества, даже и не христіанскія. Но правда эта сама по себѣ, насколько она проявляется у естественнаго человека, не столь высокаго достоинства, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и вовсе неимѣетъ нравственнаго значенія и даже наоборотъ можетъ свидѣтельствовать объ испорченности человека. Состоитъ она въ томъ, что человекъ относится къ ближнимъ такъ, какъ послѣдніе относятся къ нему, т. е. любитъ любящихъ его, благотворитъ благотворящимъ ему и т. п., равно какъ ненавидитъ ненавидящихъ его, оскорбляетъ оскорбляющихъ его и проч. Такую правду Спаситель называетъ фарисейской и языческой, и не она конечно должна лежать въ основаніи взаимныхъ отношеній членовъ христіанскихъ обществъ. Требуя отъ христіанина правды, Ап. Павелъ имѣетъ въ виду ту правду, сущность которой выражена въ словахъ Спасителя: *вся елика аще хотите, да творятъ вамъ челоѣцы, тако и вы творите имъ* (Мтѣ. VII, 12). Въ силу такой правды христіанинъ любитъ не только любящихъ его,

но и ненавидящихъ и враговъ своихъ, даетъ взаимъ нуждающимся, не клявѣ въ виду получить что либо взаимно, страдаетъ за правду безъ ропота и не уклоняется отъ правды для избѣжанія страданій. Въ этой правдѣ заключены всѣ добродѣтели, такъ какъ она есть истинная любовь, которая, какъ союзъ совершенства (Колос. III, 14), представляетъ собою исполненіе закона Божескаго и гражданскаго (Римл. XIII, 1—II), вмѣщаетъ въ себѣ всю полноту христіанства и необходимое условіе благосостоянія жизни общественной (1 Кор. XII, 12, 25, 27), ибо при ней не можетъ быть ни взаимныхъ обидъ, ни судовъ, ни хищеній, ни убійствъ, ни распрей, ни убожества.

Наконецъ, третье условіе благоденствія, по ученію благодати,—это благочестіе, которое *на все полезно есть, обтѣованіе имѣюще живота нынѣшняго и грядущаго* (1 Тим. IV, 8). Подъ благочестіемъ мы разумѣемъ какъ внутреннее настроеніе человѣка соотвѣтствующее требованіямъ христіанской вѣры, такъ и обнаруженіе этого настроенія въ жизни и дѣятельности. Въ силу этого, въ благочестіи вмѣщается и правильная вѣра и истинная нравственность человѣка. Здѣсь правильное познаніе Бога и правильное служеніе Ему, а вмѣстѣ съ нимъ и истинная жизнь, полная добродѣтелей христіанскихъ. Правильное Богопознаніе вызываетъ въ христіанинѣ любовь къ Богу, какъ всеблагому Творцу и Промыслителю; она же приводитъ его къ сознанію своего несовершенства и недостойнства, т. е. къ смиренію, которое является залогомъ всѣхъ добродѣтелей. Озаряемый и окрыляемый святою вѣрою, христіанинъ проникается и истинною любовію къ ближнимъ, украшается такими добродѣтелями, какъ справедливость, снисходительность, праведность, честность, миролюбіе, милосердіе и проч., которыя содѣйствуютъ тѣснѣйшему объединенію всѣхъ членовъ христіанскихъ обществъ въ единопупномъ дѣйствованіи на благо всѣхъ и cadaго въ отдѣльности, а связанное съ этимъ безусловное повиновеніе Верховной власти, которая даетъ вѣрное направленіе общественной дѣятельности, облегчаетъ и ускоряетъ достиженіе этого блага.

Вотъ каково въ краткихъ чертахъ ученіе жизни, которое преподаетъ намъ спасительная благодать. Несомнѣнно, здѣсь

предлагаются намъ тѣ начала жизни, которыми дѣйствительно обуславливается благоденствіе человѣческихъ обществъ. Но мало этого, опредѣляя истинныя начала жизни, христіанство даетъ своимъ послѣдователямъ и потребныя силы для усвоенія и проведенія этихъ началъ въ дѣйствительную жизнь, какъ говоритъ Апостоль: *вся намъ Божественныя силы Его, яже къ животу и благодетію, подана разумомъ призвавшаго насъ славою и добродѣтелию* (2 Петр. 1, 3). Съ нашей стороны требуется лишь искреннее желаніе воспользоваться всѣми дарами благодати, пребывающей въ Церкви, какъ хранительницѣ и раздавательницѣ ея всѣмъ вѣрнымъ чадамъ своимъ, иначе говоря, мы должны быть истинными чадами Церкви Христовой, всецѣло исполняя ея требованія, усвая ея ученіе и прилагая его къ нашей жизни: въ этомъ наше спасеніе и залогъ нашего земного благополучія.

Но что скажемъ мы, братіе, прилагая ученіе благодати къ современной жизни? Увы, съ великою скорбію сердечною мы должны отмѣтить, что начала христіанской жизни, спасительныя всѣмъ человѣкомъ, нынѣ едва-ли не въ большинствѣ нашего общества забыты, а иногда и прямо отрицаются, какъ несоотвѣтствующіе духу времени и настоящему развитію человѣчества. Мѣсто ихъ занимаютъ тѣ же похоти міра сего, которыми руководился въ своей жизни языческой дохристіанскій міръ. Естественнымъ слѣдствіемъ сего и является то печальное состояніе нашего дорогого отечества, которое теперь у насъ на глазахъ: нѣтъ мира, нѣтъ единопущія въ дѣйствіяхъ, нѣтъ живой любви, связующей всѣхъ во едино, а съ другой стороны вражда, ненависть, злоба, грабительство и крайняя распущенность нравовъ проявляютъ себя во всей силѣ; общественныя устои потрясены, всюду блужданіе и общая растерянность. Какъ быть, что дѣлать, какъ направить жизнь въ ея естественное и правильное русло—вотъ вопросы, которые волнуютъ всѣхъ и cadaго. Думаютъ, говорятъ, пишутъ, спорятъ, а успокоенія нѣтъ и нѣтъ и какъ будто и не предвидится. Почему же? А потому, что не тамъ ищутъ врачевства, гдѣ должно и гдѣ оно дѣйствительно есть. Увлеченныя стихіями міра, мы глухи къ постояннымъ призывамъ матери

нашей Православной Церкви: *приидите, чада, послушайте мене. страху Господню научу васъ*, говоритъ она; *ополчится Ангелъ Господень окрестъ боящихся его и избавитъ ихъ* (Псал. 33). Не хотимъ мы понять того, что въ Православной Церкви, съ ея вѣковѣчными устоями, въ ней одной только источникъ жизни—Слово Божіе, изъ котораго мы всегда можемъ черпать цѣлительный бальзамъ для недуговъ нашихъ. А потому, братіе, желая мира и успокоенія нашей отчизнѣ, обратимся къ Богу—Спасителю нашему, и Тотъ помилуетъ насъ. Возревнуемъ о наставленіяхъ благодати, предложенныхъ нынѣ вниманію нашему и, вознося молитвы за *вся челоѡтки, за Царя и за всѣхъ. иже во власти суть*, цѣломудренно и праведно и благочестиво проживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ. *И Господь всякой благодати, призвавшій насъ въ вѣчную славу во Христа Иисуса, совершитъ насъ, утвердитъ, укрѣпитъ и содѣлаетъ непоколебимыми* (I Петр. V, 10). Аминь.

Ректоръ Семинаріи *Протоіерей Алексій Юшковъ.*

Св. Іоаннъ Златоустъ по жизни и твореніямъ своимъ.

(Продолженіе *).

II.

Глубокое удивленіе вызываетъ въ насъ жизнь св. Іоанна Златоуста по высокимъ и разнообразнымъ добродѣтелямъ, которыми онъ былъ украшенъ, по любвеобильному и самоотверженному архипастырскому служенію его въ пользу Церкви Божіей. Но не меньшее удивленіе въ насъ вызываютъ и письменные труды Святителя, которыми съ неутомимою ревностію онъ занимался въ теченіе своей жизни, часто даже при исполненіи сложныхъ архипастырскихъ, церковно-административныхъ обязанностей. Творенія св. Іоанна Златоуста по разнообразному и обильному содержанію представляютъ цѣлую бібліотеку богословскаго знанія. По научно-богословской производительности св. Іоаннъ Златоустъ приближался къ Оригену, но превосходилъ знаменитаго учителя церкви вполне устойчивымъ, строго православнымъ направленіемъ своего богословскаго міровоззрѣнія, твердо обоснованнаго на началахъ Священнаго Писанія и вселенскаго церковнаго Преданія, насколько послѣднее опредѣлилось къ его времени. Потому и намъ онъ является однимъ изъ авторитетныхъ вселенскихъ учителей церкви, сближающимся по преимущественному сохраненію заповѣданнаго Господомъ ученія съ апостолами. По духу своему и подвигамъ св. Іоаннъ Златоустъ особенно сроденъ съ апостоломъ Павломъ, котораго онъ постоянно убла-

*) См. журналъ «Вѣра и Разумъ» за 1907 г., № 22

жалъ и прославлялъ въ своихъ проповѣдяхъ, не находя достаточно сильныхъ и выразительныхъ словъ къ тому, чтобы вѣрно и достойно охарактеризовать этого апостола. По словамъ Іоанна Златоуста, „Павелъ—величайшій учитель вселенскій послѣ Іисуса Христа. Это—сосудъ избранный, женихъ Христовъ, насадитель Церкви, храмъ Божій, лира Св. Духа. Онъ былъ мудрѣе философовъ, краснорѣчивѣе риторовъ, больше апостоловъ; имѣя въ себѣ говорящаго Христа и потому владѣвшій устами Христовыми, онъ среди страданій радовался; горько оплакивалъ падшихъ. Нѣтъ никого больше его и даже равнаго ему. Это столпъ Церкви земной, ангелъ, небесный человекъ. Въ немъ совмѣщаются всѣ добродѣтели не только человѣческія, но и ангельскія. Пылая огнемъ любви, онъ весь сталъ любовью. Онъ умиралъ каждодневно, смѣялся надъ смертію и презиралъ настоящую жизнь. Проводя труженническую тягостную жизнь, былъ восхищаемъ на третье небо“... Такъ ублажалъ св. Златоустъ ап. Павла, который руководилъ и вдохновлялъ его въ пастырскихъ подвигахъ и еще болѣе въ письменныхъ трудахъ. Насколько велика была производительность св. Златоуста въ этихъ послѣднихъ трудахъ, можно заключить изъ того, что древніе приписывали ему до 2000 сочиненій, изъ которыхъ до нашего времени сохранилась до 800 его бесѣдъ, до 338—писемъ и нѣсколько отдѣльных трактатовъ ¹⁾. Мы имѣемъ счастье теперь читать дивныя творенія св. Іоанна Златоуста въ прекрасномъ русскомъ переводѣ, предпринятомъ при Петербургской Духовной Академіи и оказывается, что изданіе ихъ обнимаетъ до 12 томовъ ²⁾. Творенія св. Іоанна Златоустаго по своему содержанію могутъ

¹⁾ По греческому Часослову всѣхъ твореній св. Іоанна Златоуста, дошедшихъ до познѣйшаго времени, насчитывается до 1447 и писемъ до 244. Житіе св. Іоанна Златоустаго. Изданіе Московской Синодальной типографіи стр. 24.

²⁾ Творенія св. отца нашего Іоанна Златоустаго, Архіепископа Константинопольскаго Свб. 1906. Признаемъ нелишнимъ напомнить, что избранныя творенія св. Іоанна Златоуста помѣщены въ небольшой книжкѣ, составленной іеромонахомъ Θεодосіемъ подъ редакціей преосвящ. Никанора, еп. Смоленскаго. Свб. 1897. Некоторые извлеченія изъ твореній св. Іоанна Златоуста въ краткомъ объемѣ и общедоступной формѣ сдѣланы въ Святоотеческой христоматіи прот. Благоразумова.—Москва, 1888 г., стр. 338—431.

быть раздѣлены на четыре класса: на проповѣдническія, нравственно-аскетическія, экзегетическія, или истолковательныя, догматическія и эпистолярныя или написанныя въ формѣ писемъ.

1. *Проповѣди* св. Іоанна Златоуста стоятъ въ тѣсной связи съ его пастырской дѣятельностью. На проповѣданіе Слова Божія святитель смотрѣлъ, какъ на главное и безусловно необходимое для пастыря средство къ религіозно-нравственному воспитанію паствы въ духѣ вѣры христіанской. Въ своемъ трактатѣ о Священствѣ св. Іоаннъ Златоустъ особенно настаиваетъ на необходимости проповѣданія Слова Божія, основываясь на словахъ Спасителя: „иже сотворитъ и научитъ, сей велий наречется (Матѣ. V, 19). Онъ лично преподавалъ лучшій примѣръ неутомимаго проповѣданія Слова Божія, преслѣдуя какъ обличеніе заблужденій и пороковъ своей паствы, такъ и положительное уясненіе началъ вѣры и нравственности. Святитель сознавалъ всю трудность своего положенія, особенно при обличеніи недуговъ своихъ современниковъ; но готовъ былъ твердо идти по крестному пути пастырства. Онъ никогда не намѣренъ былъ замалчивать недостатковъ и приспособляться къ слабостямъ паствы. „Я не молчу. Хочешь побить меня камнями за искреннее слово суроваго обличенія? Я готовъ пролить свою кровь, только бы остановить твой грѣхъ. Я не забочусь о враждѣ; объ одномъ только забочусь: о преуспѣяніи вѣрующаго“¹⁾). Независимо отъ величайшей ревности къ проповѣданію Слова Божія для блага своей паствы, Святитель обладалъ для этого необыкновеннымъ ораторскимъ талантомъ, выработаннымъ путемъ всесторонняго классическаго и богословскаго образованія, тѣмъ талантомъ, который далъ право ему на названіе Златоустаго уже съ V в.²⁾ Какъ проповѣдникъ, св. Златоустъ обнаруживаетъ прежде всего необыкновенную изобрѣтательность и творчество, выражающіяся въ са-

¹⁾ Творенія св. І. Златоуста III, 412.

²⁾ Bardenhewer, Pathrologie. Zweite Auflage. Freiburg 1901.—297. Конечно, сказаніе о томъ, что какая-то женщина впервые дала поводъ къ названію краснорѣчиваго проповѣдника Златоустомъ, едва ли справедливо. Въ дѣйствительности такого сказанія сомнѣвался уже архіепископъ Филаретъ Черниговскій. Историческое ученіе объ отцахъ Церкви II, 229.

момъ обиліи мыслей въ проповѣдяхъ. Нерѣдко на одну тему онъ произносилъ нѣсколько бесѣдъ въ опредѣленный періодъ времени и каждый разъ раскрывалъ прежнюю тему съ совершенно новыхъ сторонъ. Проповѣди св. Златоуста признавалъ необходимымъ тщательно обрабатывать, но нерѣдко, по требованію непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, онъ говорилъ съ меньшимъ успѣхомъ безъ подготовки. Сила и дѣйственность проповѣдническаго слова Златоуста, независимо отъ его необыкновеннаго ораторскаго таланта, обуславливались прежде всего особыми свойствами его проповѣдей. Проповѣди св. Златоуста отличались простотою, ясностью, естественностью и жизненностью. почему онѣ были *общедоступны*. Самъ проповѣдникъ не разъ выставялъ на видъ, что необычайно широкій успѣхъ проповѣди апостоловъ объяснялся, независимо отъ тѣхъ благодатныхъ даровъ, которыми они обладали, простотою ихъ рѣчи, такъ какъ они сами вышли изъ среды рыбаковъ, людей неквижныхъ. *Общедоступность* проповѣдей Златоуста зависѣла въ значительной степени и отъ того, что онъ свои мысли часто о предметахъ отвлеченныхъ уяснялъ путемъ сравненій и примѣровъ, заимствованныхъ то изъ явленій природы, то изъ прошлой исторической жизни, то изъ современной дѣйствительности, происходившей предъ глазами слушателей. Недаромъ св. Златоустъ особенно любилъ главными предметами своихъ проповѣдей избирать подвиги святыхъ и мучениковъ. Естественностію и жизненностію проповѣдей св. Златоуста объясняется то, что онѣ представляютъ богатый матеріалъ, но въ изящной, художественной обработкѣ для характеристики той эпохи, въ которую жилъ проповѣдникъ. По прекрасному замѣчанію Пюша, творенія св. Златоуста „изобилуютъ любопытными свѣдѣніями о нравахъ его времени. Въ этомъ отношеніи съ нимъ нельзя сравнить ни одного церковнаго оратора. Такъ какъ его проповѣдь является чисто практическою и житейскою, то мы не найдемъ у него ни одной бесѣды, ни одного трактата, гдѣ бы онъ прямо не обличалъ какого-либо порока, наиболѣе общаго руководимой имъ паствѣ. Притомъ, здѣсь не можетъ быть рѣчи о безплодной тратѣ.

краснорѣчія. Онъ вступаетъ въ безпощадную борьбу съ пороками и является слишкомъ хорошимъ моралистомъ, чтобы не знать, что первое средство уврачевать нравственный недугъ—хорошо узнать и ярко изобразить его, проникнуть въ его глубокія причины, дать почувствовать его непосредственныя и далекія слѣдствія ¹⁾. Этого мы не можемъ видѣть въ обычныхъ риторическихъ произведеніяхъ, развивающихъ общія темы въ шаблонныхъ, хотя часто и громкихъ фразахъ. Но, безъ сомнѣнія, самыя высокія литературныя достоинства проповѣдей бывають недостаточны для того, чтобы вызвать въ слушателяхъ идеальное настроеніе, которое могло-бы породить искреннее и горячее стремленіе къ добродѣтели. Это можетъ быть только въ томъ случаѣ, если проповѣдникъ самъ будетъ проникнутъ необходимымъ воодушевленіемъ. И св. Златоустъ былъ горячимъ и пламеннымъ ревнителемъ истины и добра. Онъ владелъ способностію воспламенить божественнымъ огнемъ душу и такого человѣка, который казался мертвымъ и безнадежнымъ для добра. При идеальномъ настроеніи св. Златоустъ былъ проповѣдникомъ—*поэтомъ*, выражавшимъ свои мысли въ наглядныхъ живыхъ образахъ и картинахъ. Къ этимъ достоинствамъ св. Златоуста, какъ проповѣдника, присоединялась его искренняя, горячая *любовь къ правдѣ*, которую онъ направлялъ къ высшему совершенству. Любовь эта слышится даже въ рѣзкихъ обличеніяхъ недостатковъ нравствы и она вполнѣ оправдывалась необыкновенною радостію проповѣдника, когда онъ замѣчалъ, что слушатели его, подъ вліяніемъ обличеній, дѣйствительно исправлялись и усовершеншались въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Наконецъ, дѣйственности проповѣди св. Златоуста и широкимъ успѣхамъ ея могли способствовать выдающіяся и даже *образцовыя нравственныя качества* самого учителя нравственности. Безъ преувеличенія можно сказать, что св. Іоаннъ Златоустъ совмѣщалъ въ себѣ самое тѣ добродѣтели, къ осуществленію которыхъ онъ призывалъ свою нравствы. Всѣмъ слушателямъ была извѣстна чистая, строго-аскетическая

¹⁾ Эме Пюшъ. Св. Іоаннъ Златоустъ и права его времени. Переводъ Измайлова. СПб. 1897. Стр.—VII.

жизнь святителя; всѣмъ извѣстна была его готовность оказать матеріальную и нравственную помощь всякому нуждающемуся; всѣмъ извѣстна была также его готовность претерпѣть всякія лишения и страданія за правду. И такія высокія, идеальныя качества проповѣдника придавали его слову *полную авторитетность*.

Обращаясь къ воспроизведенію фактическаго содержанія проповѣдей св. Іоанна Златоуста, мы замѣчаемъ въ нихъ два элемента—*обличительный* и *положительный*: съ одной стороны, въ проповѣдяхъ разоблачаются разнообразныя недостатки современнаго византійскаго общества, а съ другой—указываются религіозно-нравственныя средства къ устраненію этихъ недостатковъ. Проповѣдникъ въ этомъ случаѣ является мудрымъ врачомъ духовныхъ недуговъ своей паствы и любвеобильнымъ воспитателемъ ея. Духовныя недуги представляются св. Златоустомъ не во внѣшнихъ только видимыхъ болѣзненныхъ симптомахъ, но въ указаніи коренныхъ причинъ ихъ путемъ самаго тщательнаго психологическаго діагноза, которому могло благоприятствовать углубленіе въ духовную природу, достигнутое особенно уединенными аскетическими подвигами въ пустынѣ, давшими возможность по собственному личному самонаблюденію и самопознанію судить о свойствахъ ограниченной духовной человѣческой природы, а также о силѣ благодати. Потому съ строгимъ отношеніемъ къ грѣху и порокамъ людей святитель соединялъ сердечное любвеобильное отношеніе къ грѣшнику съ постояннымъ напоминаніемъ о возможности исправиться и возродиться для новой жизни *силою свободной воли человѣческой*, но при содѣйствіи благодати Божіей, получаемой, при посредствѣ Церкви, въ таинствахъ ¹⁾. Изъ многихъ проповѣдей Златоуста обличительнаго характера особенно заслуживаютъ вниманія: „Бесѣды его къ антиохійцамъ о статуяхъ, слово противъ зрѣлищъ, слово по случаю бѣгства консула *Евтропія* ²⁾“. Первая бе-

¹⁾ Такъ св. Златоустъ неоднократно замѣчаетъ: «если ты тысячу разъ впадеши въ грѣхъ; иди ко мнѣ и будешь исцѣленъ» 1, 5; XII, 117.

²⁾ Исцѣлящіе могутъ познакомиться съ этими образцами краснорѣчія св. Іоанна Златоуста по краткому сборнику іеромонаха Θεодосіа, указанному выше стр. 186—215.

сѣды намъ уже извѣстны по своему общему содержанию. Онѣ представляютъ цѣнный историческій памятникъ, свидѣтельствующій о томъ, какъ проповѣдникъ, при безпредѣльной любви къ своей паствѣ, при своей необычайной настойчивости и при содѣйствіи благоприятныхъ внѣшнихъ условій могъ достигнуть того, что силою своихъ блестящихъ краснорѣчивыхъ словъ въ дѣйствительности содѣйствовалъ религиозно-нравственному улучшенію своей паствы и успѣлъ пріобрѣсти взаимную горячую любовь съ ея стороны, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ позднѣйшія проповѣди, сказанныя въ Антиохіи св. Златоустомъ. Слово *противъ зрѣлищъ* произнесено было св. Златоустомъ въ Константинополѣ, на второмъ году его архипастырскаго служенія предъ Пасхою, въ великую пятницу, по поводу увлеченія жителей столицы цирковыми и театральными зрѣлищами, происходившими въ это время. Оказалось, что не только язычники, но и многіе христіане, оставивъ храмъ, переполнили циркъ и театръ, гдѣ съ необыкновеннымъ шумомъ выражали свой восторгъ по поводу конскихъ ристалищъ и сценическихъ представленій. Святитель до глубины души былъ пораженъ, удивительною нравственною испорченностію христіанъ, забывшихъ о силѣ и значеніи великопостныхъ подвиговъ изъ послѣднихъ дней земной жизни Спасителя, совершенныхъ для челоѣчества, которые были воспоминаемы и воспроизводимы Церковью. Самый приступъ въ этой проповѣди, съ одной стороны, свидѣлствуетъ о тяжкомъ настроеніи проповѣдника, а съ другой—представляетъ прекрасный образецъ его блестящаго краснорѣчія. „Можно ли это стерпѣть? Можно ли снести? Съ вами самими я хочу судиться противъ васъ-же... Послѣ столь долгихъ собесѣдованій, нѣкоторые, оставивъ ихъ, побѣждали смотрѣть на состязующихся коней и ввали въ такое неистовство, что наполнили весь городъ непристойнымъ шумомъ и крикомъ, возбуждающимъ смѣхъ, или лучше плачь... Даже и самого дня вы не постыдились, въ который совершились знаменія спасенія рода нашего, но въ пятницу, когда Господь твой распятъ за вселенную, когда принесена такая жертва, и отверсть рай, и

равбоиникъ введенъ въ древнее отечество, и клятва разрушена, и грѣхъ уничтоженъ, и долговременная вражда прекратилась, и примиреніе Бога съ людьми совершилось и все измѣнилось, въ тотъ день, когда слѣдовало поститься, славословить и возносить благодарственные молитвы за благодѣянія вселенной къ совершившему ихъ. тогда ты, оставивъ церковь и жертву духовную и собраніе братій, и забывъ важность поста, отдался въ плѣнъ діаволу и направился на то зрѣлище. Можно-ли это стерпѣть, можно-ли снести?..“ Наравнѣ съ цирковыми ристалищами въ другихъ однородныхъ проповѣдяхъ Святитель рѣзко порицаетъ увлеченіе византійцевъ театральными представленіями, имѣя въ виду особенно тѣ чувственыя драматическія пьесы, которыя, подъ вліяніемъ языческихъ традицій, давались на сценѣ и оказывали самое пагубное, разрушительное вліяніе на нравы христіанъ. Впрочемъ, св. Златоустъ доходитъ и до принципіальнаго осужденія увлеченіемъ театральными представленіями, отвлекающими отъ исполненія самыхъ существенныхъ религіозно-нравственныхъ обязанностей, болѣзненно расширяющими воображеніе нечистыми плотскими образами, ослабляющими и отравляющими тихія семейныя радости, а также и возвышенныя невинныя истинно-эстетическія удовольствія, которыя можетъ получать человекъ, нравственно не испорченный отъ созерцанія красотъ Богомъ созданной природы. „Театръ, говоритъ проповѣдникъ, наполняетъ сердце и мысль образами нечистыми, пріучаетъ къ жизни праздно и разсѣянной.—порождаетъ холодность къ обязанностямъ семейнымъ и къ святому благочестію“¹⁾. „Ты только что прожилъ нѣсколько часовъ въ идеальномъ мірѣ, болѣе прекрасномъ, чѣмъ природа и затѣмъ снова возвращаешься къ дѣйствительности. Какъ хочешь ты, чтобы дѣйствительность не оскорбляла тебя и не казалась тебѣ невыносимою? Ты возвращаешься домой и страдаешь непонятною тоскою, тоскою безъ всякой видимой причины. Твое слишкомъ простое жилище раздражаетъ

¹⁾ Частіе со взглядами Златоуста на театръ можно познакомиться по слѣдующимъ мѣстамъ его твореній, т. II, 294—348—349, IV, 855—856, VII, 69, 697. IX; 105.

тебя, потому что въ своемъ умѣ ты еще представляешь великолѣпныя сцены. Твоя жена тебѣ не правится, потому что она менѣе красива и хуже разукрашена. чѣмъ та актриса, или танцовщица, которой ты только что рукоплескалъ. На ней то, не сопровождавшей тебя въ театръ и на своихъ рабахъ ты замѣчаешь свое дурное настроеніе... Ты выносишь изъ театра неприличныя образы, и эти образы отпечатываются въ твоемъ умѣ. Этотъ скрывающійся въ твоемъ воображеніи властный и неразрушимый образъ не можетъ уничтожить ни жена твоя, ни ты самъ и вотъ почему теперь все въ домѣ твоемъ тебѣ не правится, ты уже не находишь никакой прелести въ своемъ домашнемъ очагѣ, въ собственныхъ дѣтяхъ, вотъ почему ты сдѣлался жертвой волненія безъ видимой причины. жертвой внутренней горячки возбужденныхъ чувствованій“. Отрицательное отношеніе св. Златоуста къ грубымъ чувственнымъ и безправственнымъ удовольствіямъ не служитъ свидѣтельствомъ того, что онъ крайне ригористически, съ односторонней точки зрѣнія осуждалъ всякія удовольствія. Св. Златоустъ не раздѣлялъ монтанистическихъ взглядовъ Тертуліана. Онъ только придавалъ значеніе благороднымъ удовольствіямъ. „Я не препятствую веселиться, но хочу, чтобы эго происходило не безъ цѣломудрія, не съ безстыдствомъ и безчисленными пороками“¹⁾. Св. Златоустъ далеко не врагъ истинной эстетики, понимаемой въ возвышенномъ и благородномъ смыслѣ этого слова. Онъ предлагаетъ любителямъ истинной красоты обращаться къ созерцанію разнообразныхъ чудныхъ явленій природы. „Ты удивляешься громадному зданію, украшенному колоннадами, которое служитъ произведеніемъ рукъ человѣческихъ, но посмотри на безпредѣльный небесный сводъ, на необозримыя и открытыя поля, на которыхъ пасутся стада. Кто не презираетъ всѣ произведенія искусства, когда въ душевномъ спокойствіи, безмятежно наблюдаетъ восходъ солнца, озаряющаго своими свѣтлыми лучами землю, когда онъ обращаетъ свой взглядъ на источникъ, текущій въ тѣни густолиственныхъ деревьевъ и скрывающійся въ отдаленномъ пространствѣ“.

1) Вес. на Мо. 6; IV, 813, X, 381—382.

Трагическая судьба Евтропія, стоявшаго на высотѣ величія и счастья, но внезапно низвергнутаго съ высоты величія и едва не растерзаннаго народною чернью, давала поводъ св. Златоусту огненными красками изобразить *всю человѣческую суетность*. И эта суетность прежде всего ясно представляется въ жалкой участи самого Евтропія. „Тотъ, кто вчера такъ высоко сидѣлъ на сѣдалищѣ, о комъ глашатаи кричали такъ громко, кому предшествовало такъ много слугъ, пышно шедшихъ по площади, теперь униженъ, всего лишенъ и нагъ, какъ прахъ сметаемый, какъ волна, протекшая“...

Кто былъ выше этого человѣка? Не превзошелъ ли отъ всѣхъ въ мірѣ своимъ богатствомъ? Не достигъ ли самой вершины почестей? Не всѣ ли трепетали предъ нимъ и боялись его? Но вотъ онъ сдѣлался несчастнѣе узниковъ, жалче рабовъ, бѣднѣе нищихъ, томимыхъ голодомъ, каждый день видя предъ собой изопреенные мечи и пропасть и палачей и веденіе на смерть. Онъ и не знаетъ, наслаждался ли когда-нибудь прежнимъ удовольствіемъ, и даже не видитъ солнечнаго свѣта, но среди дня, какъ бы въ глубокую ночь, сидитъ заключенный въ стѣнахъ и лишенъ употребленія глазъ. Сколько бы мы ни старались, мы не можемъ выразить словомъ то страданіе, какое онъ долженъ терпѣть, ожидая каждый часъ смертной казни... Гдѣ теперь блистательная обстановка консульства? Гдѣ ясные свѣтильники? Гдѣ рукоплесканія и пиршества и праздники? Гдѣ городской шумъ и славословія на конскихъ ристалищахъ и льстивыя рѣчи зрителей? Все это прошло; подулъ вѣтеръ и вдругъ листья ниспали, а древо обнажилось предъ нимъ... Гдѣ теперь притворявшіеся друзья? Гдѣ пиршества и обѣды? Гдѣ толпы тунеядцевъ и продолжавшіеся цѣлый день возліянія вина, различныя искусства поваровъ и поклонники могущества, дѣлавшіе и говорившіе все съ угодливостію? Все это было какъ ночь и сновидѣніе и съ наступленіемъ дня исчезло; это были весенніе цвѣты и съ {удаленіемъ весны, все увяло; была тѣнь и прошла; былъ дымъ и разсѣялся; были пузыри и лопнули; была паутина и расторглась... Гдѣ теперь твои виночершіи? Гдѣ тѣ, которые расталкивали народъ на площади и говорили тебѣ предъ всѣми тысячи похвалъ? Они

разбѣжались, отреклись отъ дружбы, ищутъ для себя безопасности въ твоёмъ мученіи..

Вмѣстѣ съ безнравственными театральными и цирковыми зрѣлищами св. Златоустъ строго порицалъ чрезмѣрную роскошь, соединяемую съ безумною расточительностію въ то время, когда въ Константинополѣ до крайности возрастало число безпріютныхъ нищихъ, не встрѣчавшихъ часто никакой помощи со стороны величайшихъ богачей, тратившихъ деньги на вишнюю обстановку и пустыя забавы. „Для чего скажи мнѣ, ты носишь шелковыя одежды, ѣздишь на златосбруйныхъ коняхъ и украшенныхъ золотомъ лошакахъ? Лошакъ украшается внизу; золото лежатъ и на покрывалѣ его; безсловесные лошаки украшаются, а бѣдный томимый голодомъ стоитъ при дверяхъ твоихъ и Христосъ мучится голодомъ! О крайнее безуміе! какое оправданіе, какое прощевіе получишь ты, когда Христосъ стоитъ предъ дверьми твоими въ видѣ бѣднаго, а ты не трогаешься“ ¹⁾. Роскошь ослѣпляетъ душу. Она пагубна для души и тѣла. Нѣтъ ничего бесполезнѣе человѣка, проводящаго все время въ бездѣйствіи и роскоши ²⁾ *Роскошь безцѣльна и неосмысленна* „Скажи, какая прибыль украшать мула, или коня золотомъ? И что особеннаго получаетъ твоя жена, обремененная такою тяжестью золота и камней?“ ³⁾

Отъ обличеній Святитель переходилъ въ своихъ проповѣдяхъ къ положительному раскрытію христіанскихъ добродѣтелей. Въ основѣ добродѣтелей, обязательныхъ для каждаго христіанина должны лежать любовь къ Богу и любовь къ ближнимъ. Любовь—глава добродѣтелей, корень и источникъ всѣхъ благъ ⁴⁾. Безъ нея все прочее не приноситъ намъ никакой пользы: ни познаніе тайнъ Божіихъ, ни вѣра, ни пророчество, ни нестяжательность, ни мученичество за Христа ⁵⁾. Безъ нея всѣ добрыя дѣла ничтожны. Она соединяетъ лицъ, находящихся на далекомъ разстояніи другъ отъ друга. Она сближаетъ, соединяетъ насъ между собою и возсозидаетъ. Она отвергаетъ всякое первенство ⁶⁾. Своими узами связываетъ

¹⁾ Твор. св. І. Златоуста VI, 54—55.

²⁾ IX, 316—317.

³⁾ Твор. св. І. Златоуста XI, 311.

⁴⁾ I, 106.

⁵⁾ I, 484, 755.

⁶⁾ III, 325.

Церковь. Она составляет истинный знакъ учениковъ Господа,—отличительное свойство рабовъ Божіихъ, признакъ апостоловъ ¹⁾. Она прежде всего выражается въ полной преданности Богу, въ любви къ Христу. Только *такая любовь которая имѣетъ своимъ основаніемъ Христа, тверда, постоянна, непобѣдима*. Самою общею формою любви къ Богу служить молитва. но молитва искренняя сердечная, пламенная. Самое пребываніе въ Богѣ зависитъ однако отъ нашей взаимной любви. Эта любовь должна простираться на всѣхъ людей и даже на враговъ. Правда, любовь ко врагамъ—такой подвигъ, который почти превышаетъ природу человѣческую ²⁾. Но она должна имѣть основаніе свое въ заповѣди и примѣрѣ Самого Господа. Кто любитъ враговъ, тотъ подражаетъ Господу. Только *любовь побѣждаетъ врага*. Она все побѣждаетъ. Она должна оказываться и недостойнымъ. Самая высшая степень любви—душу свою положить за други своя. Конечно, истинная любовь къ Богу и людямъ—величайшая жертва, но *безъ нея Господь не принимаетъ жертвы вещественной* ³⁾.

Частнымъ нравственно-практическимъ выраженіемъ любви къ ближнимъ должна признаваться благотворительность. Ученіе о важности и необходимости *благотворительности* развивается св. Златоустомъ настойчиво и разносторонне. Поводы для частаго напоминанія объ оказаніи помощи бѣднымъ представлялись для Златоуста въ постоянномъ обращеніи къ нему за помощью всякаго рода нищихъ, которые видѣли въ любвеобильнымъ архипастырѣ своего вѣрнаго и надежнаго защитника. На отношеніе бѣдныхъ къ себѣ указываетъ самъ св. Златоустъ въ своемъ знаменитомъ „Словѣ о милостынѣ“ ⁴⁾.

„Сегодня я намѣренъ. начинатьъ онъ свое слово, поговорить съ вами въ защиту дѣла справедливаго, благочестиваго, и достойнаго насъ. Къ этому меня призвали бѣдные этого города. Призвали не словомъ, не общими постановленіями,

¹⁾ VII, 183. III, 68.

²⁾ VIII, 512 XI, 62, IV, 341.

³⁾ VII, 360, 184, X, 452, XI, 233.

⁴⁾ Огрывки изъ этого классическаго слова помѣщены въ сочиненіи іеромонаха Θεοτοκίου стр 137—144 и въ Христоматіи протоіерея Благоразумова стр. 404—425.

но наиприскорбнѣйшимъ изъ зрѣлицъ. Когда я спѣшилъ чрезъ рынокъ и тѣсныя улицы въ ваше собраніе и видѣлъ, какъ многіе нищіе лежали на улицахъ съ увѣчными руками, или глазами, или покрытые неизлѣчимыми язвами, то было бы крайней жестокостью не рассказать вашей любви о нихъ, особенно когда и самое время призываетъ къ тому. Вѣдь хотя и во всякое время необходимо убѣждать людей къ милосердію по отношенію къ ихъ братьямъ, потому что и сами мы нуждаемся въ нихъ со стороны нашего Господа и Творца, но особенно теперь, во время сильнаго холода“. Настойчивость въ наминаніи о милостынѣ и многократное проповѣданіе св. Златоуста на одну и ту-же тему ставилось нерѣдко въ вину св. Златоусту со стороны византійцевъ, которые искали въ проповѣди чего-нибудь новаго и представляли въ этомъ отношеніи особыя запросы къ св. Златоусту, какъ талантливѣйшему проповѣднику, отличавшемуся неистощимою изобрѣтательностію и необыкновеннымъ творчествомъ „Миѣ говорятъ: ты ежедневно бесѣдуешь о милостынѣ. Да, несомнѣнно, и я не перестану говорить о ней. Если бы вы были такъ воспріимчивы, какъ я бы желалъ, то даже и тогда я долженъ бы былъ говорить о ней, чтобы предохранить васъ отъ ослабленія. А если вы останавливаетесь на полдорогѣ, то чья это вина? Долженъ ли упрямый ученикъ жаловаться на своего учителя? 1) И во время Златоуста, какъ теперь, нѣкоторые изъ христіанъ оправдывали себя въ равнодушномъ отношеніи къ бѣднымъ тѣмъ, что многого они дать не могутъ, а малая жертва является безцѣльною. Св. Златоустъ отвѣчаетъ на это возраженіе такъ „По Божьей милости число христіанъ въ Антиохіи доходитъ, я думаю, до 100,000. Если бы каждый изъ васъ далъ по одному ломтю хлѣба бѣднымъ, всѣ имѣли бы болѣе, чѣмъ довольно; если бы каждый далъ по оволу, мы больше не имѣли бѣдныхъ“ 2). Но ты скажешь: „Я бѣденъ, денегъ не имѣю „И двухъ лептъ не имѣешь“? Ну! Если и сего не имѣешь, дѣлись тѣмъ, что есть,—добрымъ расположеніемъ. Ибо это внушаютъ слова Господа: *Иже аще напоитъ единого отъ*

1) Бесѣда 88 на Мѡ. VII, 871. 872. 677.

2) Вес. 85 на Мѡ. II, 823; XI 880.

малыхъ силъ нашею студеной воды, не поубитъ мзды своея ¹⁾. Для того, чтобы расположить своихъ слушателей къ благотворительности св. Златоустъ выставляетъ на видъ различныя побужденія. Въ лицѣ бѣдныхъ мы должны видѣть самого алчущаго и жаждущаго Христа, котораго обязаны напоить изъ опасенія подвергнуться тяжелой отвѣтственности въ будущей жизни. Всѣ мы охотно подали бы Господу, если бы Онъ самъ пришелъ просить, но мы должны видѣть Его въ бѣднякахъ, которые приходятъ просить у насъ. Затѣмъ указывается на значеніе милостыни для заглаженія совершенныхъ грѣховъ, для приобрѣтенія въ лицѣ бѣдныхъ ходатаевъ предъ Самимъ Богомъ. *„Милостыня, говорится въ одной бесѣдѣ Златоуста о покаяніи, есть царица среди добродѣтелей, которая быстро возводитъ челоуѣка на небо и является лучшей представительницей“*. Милостыня имѣетъ сильныя крылья, она разсѣкаетъ воздухъ, поднимается выше луны, восходитъ за блистательное солнце и проникаетъ до высотъ небесныхъ. Но и тамъ она не остается, но проникаетъ также и небеса, спѣшитъ чрезъ сонмъ ангеловъ, хоръ архангеловъ и всѣ высшія силы и помѣщается предъ трономъ самого Царя. Познайте это изъ Св. Писанія, которое говоритъ: *„Корнелій, твои молитвы и твоя милостыня вознеслись предъ лицо Божіе. Это предъ лицо Божіе означаетъ: если ты имѣешь даже и много грѣховъ, но имѣешь милостыню въ качествѣ представительницы, то не бойся, ибо никакая изъ высшихъ силъ не устоитъ противъ милостыни, она требуетъ уплаты долга и носитъ свою закладную въ рукахъ своихъ. Ибо Самъ Господь говоритъ: „Что вы сдѣлали одному изъ меньшихъ моихъ братьевъ, то вы сдѣлали мнѣ“*. Какими бы грѣхами ты не былъ обремененъ, твое милосердіе перевѣситъ ихъ всѣ“ ²⁾. Уясняя частнѣе значеніе милостыни сравнительно съ другими добродѣтелями, св. Златоустъ о плодотворныхъ результатахъ милостыни замѣчаетъ такъ. Дѣвство, постъ и колѣнопреклоненіе приносятъ пользу только одному соблюдавшему ихъ и не спасутъ никого болѣе; но милостыня простирается на всѣхъ, она обнимаетъ всѣ члены Христа. А вѣдь гораздо прекраснѣе добрыя дѣла, простирающіяся на

¹⁾ 3 слово о милостынѣ X, 12.

²⁾ Вес. о покаяніи III, 1.

многихъ, чѣмъ ограничивающіся однимъ“. Допускается проповѣдникомъ и особый пріемъ для расположенія къ милостынѣ „Сегодня начинается торгъ милостыней, ибо мы видимъ плѣнныхъ и бѣдныхъ, мы видимъ блуждающихъ по рынку, мы слышимъ, какъ они плачутъ, рыдаютъ и сѣтуютъ, мы имѣемъ чудесную ярмарку предъ своими глазами. На ярмаркѣ однако, есть только одинъ предметъ; у дѣловаго человѣка нѣтъ другой цѣли, какъ купить товары дешево, а продать ихъ дорого. Такую ярмарку открылъ намъ Богъ: Покупайте дѣла праведности дешево, чтобы въ будущемъ получить болѣе высокую цѣну, если позволительно такъ называть вознагражденіе. Здѣсь праведность продается дешево, продается за незначительный кусокъ хлѣба, за бѣдную одежду, за чашку холодной воды. Пока длится рынокъ, купимъ милостыню, или лучше приобрѣтемъ спасеніе посредствомъ милостыни“¹⁾. „Дай бѣдняку монету, говорится въ другомъ мѣстѣ, и ты удовлетворишь судію. Сказать по правдѣ, милостивый судья позволяетъ подкупить себя за деньги, которыя не онъ беретъ для Себя, но которыя получаютъ бѣдные. *Покаяніе безъ милостыни и мертво и мшено крыльевъ*“²⁾. Покаяніе не въ состояніи возноситься, если оно не имѣетъ крыльевъ. Однако представляется опасеніе, чтобы милостыня не совершалась формально—въ видѣ только внѣшняго выполненія обязанности или въ силу тщеславія. Тщеславіе вездѣ пагубно, но особенно въ дѣлахъ человѣколюбія: здѣсь оно—крайняя жестокость, потому что извлекаетъ для себя похвалу изъ чужихъ бѣдствій и потомъ ругается надъ живущими въ нищетѣ. Если исчислять свои благодаренія, значитъ то же, что укорять облагодѣтельствованнаго; то не гораздо ли хуже выставять ихъ на показъ предъ многими. Милостыня состоитъ не въ томъ лишь, чтобы давать деньги, но чтобы давать съ христіанскимъ чувствомъ милосердія. Итакъ, запри двери, чтобы кто не увидѣлъ того, чего не должно показывать. *Милостыня, подаваемая изъ тщеславія—не есть милостыня, но безчеловѣчіе и жестокость*“³⁾. Но всякому ли просящему слѣдуетъ подавать милостыню и оказывать желанную помощь или слѣдуетъ въ этомъ случаѣ соблюдать осто-

1) Бес. VII, 6 о покаяніи.

2) II, 327.

3) X, 596.

рожить, чтобы не поощрять праздности и тученства и прежде оказанія помощи, принимать мѣры къ опредѣленію дѣйствительной нужды просителя? Св. Златоустъ выставляетъ на видъ необходимость оказанія помощи всякому обращающемуся за нею. „Милосердіе—пристань для нуждающихся, пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ знаменитыхъ словъ о „Іа-зарѣ“, а пристань принимаетъ всѣхъ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе и спасаетъ отъ опасности. злые-ли, добрые, кто бы ни были находящіеся въ опасности,—она принимаетъ ихъ въ свои объятія ¹⁾. Такъ и ты, видя человѣка, подвергшагося на землѣ кораблекрушенію бѣдности, не осуждай и не требуй отчета, но избавь отъ несчастья. Для чего ты подвергалъ бы себя напраснымъ трудамъ (по выясненію дѣйствительной нужды обращающихся къ милосердію)? Богъ освободилъ тебя отъ всякой заботы и безпокойства въ этомъ случаѣ. *Милостыня потому такъ и называется, что мы подаемъ ее и недостойнымъ* ²⁾. Достоинство бѣднаго составляетъ одна нужда; кто бы когда не пришелъ къ намъ за нею, не станемъ ничего изслѣдовать болѣе; потому что мы подаемъ не праву, но человѣку и жалѣемъ не ради добродѣтели, а за несчастья, чтобы и самимъ намъ привлечь на себя великую милость же Господа—намъ недостойнымъ сподобиться Его человѣколюбія. Если же мы станемъ въ сослужителяхъ нашихъ отыскивать и изслѣдовать достоинства, то и съ нами Богъ сдѣлаетъ то же; и стараясь истребовать отчетъ отъ равныхъ намъ рабовъ, сами лишимся высшаго человѣколюбія. Имъ же бо, говоритъ Господь, судомъ судите, судятъ вамъ. (Матт. VII, 2) ³⁾.

При этомъ для милосердія не можетъ быть своихъ и чужихъ, друзей и враговъ; предъ нимъ всѣ равны. Христосъ, вися на крестѣ, молился за своихъ враговъ; ап. Павелъ, побиваемый камнями, терпѣвая тысячи страданій, все дѣлалъ для враговъ своихъ; такъ и намъ должно любить враговъ. Любовь къ врагамъ, внушительно повторяетъ проповѣдникъ, есть любовь къ Богу, даровавшему заповѣди и законъ, есть подражаніе Богу. *Знай же, что оказывая благодѣянія врагамъ.—ты благодѣтельствуешь не имъ, а себѣ, не имъ лю-*

¹⁾ XII, 969, 1,798.

²⁾ IX, 764.

³⁾ I, 808—809.

бшиъ, а потинуешься Богу ¹⁾) Благотворительность должна, по словамъ св. Златоуста, подражать Всеблагову Милосердому Богу, у Котораго нѣтъ лицепріятія. Развѣ Богъ когда либо говорить намъ, такъ какъ вы не дѣлаете ничего полезнаго.— я погашаю луну, закрываю лоно земли, осушаю озера, источники и рѣки, удерживаю ежегодные дожди... Нѣтъ, но Онъ всегда снабжаетъ насъ своими дарами съ одинаковою щедростью: Онъ расточаетъ ихъ не только для праздныхъ, но и для злыхъ. По прекрасному замѣчанію Пюша ²⁾), это пламенное и восторженное краснорѣчіе, хотя и является при изъясненіи евангельскихъ наставленій, почерпается однакожъ не единственно изъ источниковъ евангелія. Оно охвачено пророческимъ огнемъ. Здѣсь уже слышите не нѣмой и сладостный голосъ Божественнаго святителя, но чувствуете сильный, повелительный голосъ Исаи. Подражай Небесному Отцу, Который посылаетъ солнце свое на праведныхъ и неправедныхъ!... Таковы божественныя слова, безпрестанно служащія текстомъ для Златоустовыхъ толкованій, но еще чаще онъ изъясняетъ ихъ съ энергіею и сердечною строгостью еврейскихъ пророковъ. Однако представленныя наставленія св. Златоуста могли до извѣстной степени приводить его слушателей къ выводу о томъ, что этими наставленіями онъ явно поощрялъ праздность и становился въ явное противорѣчіе съ словами Священнаго Писанія, выраженными ап. Павломъ: *Не трудившися, да не яствъ.* 2 Солун. III, 10. Не думайте, выясняетъ онъ, что я приказываю, или хотя бы только позволяю оставаться празднымъ; конечно, нѣтъ— но я хочу наоборотъ, чтобы всякій трудился, ибо лѣньность совѣтница всякаго порока. Я повелѣваю только не быть жестокимъ и безчеловѣчнымъ. Одинаково пужно слово и для богатыхъ и для бѣдныхъ. Да, св. Павелъ сказалъ эти слова, которыя повторяютъ, и онъ былъ правъ, сказавъ ихъ, ибо въ томъ же посланіи къ Фессалоникійцамъ, онъ написалъ также: не переставайте творить добро. Ст. 13.

Итакъ, ясно ли вамъ, что здѣсь нѣтъ противорѣчія, а на-

¹⁾ XI, 64.

²⁾ Эме Пюшъ. Св. І. Златоустъ въ правн его времени. Переводъ съ французскаго Измайлова. СПб. 1897, стр. 78.

противъ, все находится въ полной гармоніи! Если вы согласны давать, то нищій откажется отъ праздности, а вы отъ безчеловѣчности. Въ одномъ случаѣ ап. Павелъ обращается къ богатымъ, въ другомъ къ бѣднымъ. Каждому даетъ онъ свое наставленіе, различное по положенію, но подобное по цѣли и результату. Вообразите, что мы присутствуемъ при ссорѣ, принимаемъ участіе въ каждомъ изъ противниковъ и держимъ къ нимъ рѣчь, различную по ихъ характеру, заботясь только объ одномъ—объ ихъ примиреніи. Такъ же точно отецъ, съ одной стороны, говоритъ педагогу: „будь нѣсколько свисходительнѣе, обращай съ большею мягкостью, а съ другой стороны, сыну: будь послушнѣе, твой долгъ повиноваться даже тогда, когда приказаніе несправедливо“. Такъ превосходно св. Златоустъ въ возвышенномъ порывѣ любви примиряетъ всѣ противорѣчія.

Заботы св. Іоанна Златоуста объ улучшеніи положенія бѣдныхъ, а также о водвореніи единства между всѣми христіанами на началахъ взаимной любви наводили его на мысль о желательности возстановленія и среди христіанъ такого общенія, которое было у христіанъ первенствующихъ въ Іерусалимской Церкви. Златоустъ съ такимъ увлеченіемъ рисуетъ картину идеальнаго состоянія христіанъ въ первомъ вѣкѣ, что по видимому онъ не только считаетъ желаннымъ, но и весьма возможнымъ воспроизведеніе и въ настоящее время такого состоянія, при которомъ у всѣхъ христіанъ было бы полное общеніе даже въ имуществѣ. Но несправедливо было бы понимать идеи св. Златоуста въ крайнемъ соціалистическомъ, или коммунистическомъ смыслѣ. Общеніе въ имуществѣ въ Іерусалимской Церкви было основано, по толкованію св. Іоанна Златоуста, не на обязательномъ законѣ, но на началѣ любви; оно было не принудительнымъ, но вполне добровольнымъ, не исключавшимъ права сохранять личную собственность каждому желающему. И въ этомъ высоко нравственномъ характерѣ общенія въ имуществѣ первыхъ христіанъ заключалась ихъ неподражаемая идеальная особенность. Поэтому изъ неоднократныхъ сильныхъ обличеній современныхъ богачей и даже изъ признанія ихъ преступниками и беззаконниками за жестокосердное отношеніе къ бѣднымъ

нельзя заключать, что св. Златоустъ былъ врагомъ богатства отдѣльныхъ лицъ, или даже совершенно отрицалъ право личной собственности въ современномъ соціалистическомъ смыслѣ. Св. Златоустъ много разъ выразительно говоритъ, что онъ осуждаетъ не богатство само по себѣ, а только его дурное употребленіе. Богатство само по себѣ не есть еще зло, но оно становится такимъ тогда, когда люди не умѣютъ, или не хотятъ имъ пользоваться согласно закону о любви къ ближнему, внушеніямъ челоуѣколюбія и милосердія. Это ясно высказывается св. Златоустомъ „Многіе осуждаютъ меня, говоритъ онъ, постоянно повторяя, что я нападаю на богатыхъ. какъ и они всегда нападаютъ на бѣдныхъ. Я нападаю на богатыхъ, но не вообще на богатыхъ, а на *тѣхъ, которые худо пользуются своимъ богатствомъ*. Я всегда говорю, что обвиняю не богача, но грабителя. Иное дѣло богачъ и иное грабитель; иное достаточный и иное корыстолюбивый. Различай предметы и не смѣшивай того, чего не должно смѣшивать. Ты богачъ? Я не пренятствую. Ты грабитель? Я осуждаю. Ты владѣешь своимъ? Пользуйся имъ. Ты похищаешь чужое? Я не молчу. И богатые мои дѣти, и бѣдные мои дѣти; одна и та-же утроба произвела тѣхъ и другихъ; при однѣхъ болѣзняхъ рожденія родились тѣ и другіе. Поэтому, когда ты притѣсняешь бѣднаго, я обвиняю тебя; притомъ ты не столько вредишь бѣдному, сколько самому себѣ, потому что бѣдный не получаетъ никакого важнаго ущерба,—онъ тернитъ только денежный убытокъ,—а ты тернишь вредъ въ душѣ ¹⁾. По словамъ Пюша ²⁾ нѣкоторыя изъ идей св. Іоанна о богатствѣ и бѣдности, повидимому, сходны отчасти съ положеніями древней философіи и выраженіе, которое онъ имъ даетъ, довольно близко напоминаетъ нѣкоторыя изреченія, дорогія для языческихъ поэтовъ и риторовъ. Сюда нужно отнести столь часто повторяемыя мѣста, что богатство и бѣдность сами по себѣ ни добро, ни зло, но относятся къ числу среднихъ и безразличныхъ вещей; что далѣе, самое богатство, чаще всего, положеніе менѣе вѣрное и счастливое, чѣмъ бѣд-

¹⁾ Твор. св. І. Златоуста 1, 788—796.

²⁾ Пюшъ стр. 62—63.

ность ¹⁾. И св. Златоустъ любитъ описывать перемѣны и невѣрность богатства, равно какъ и мученія скупости. Наоборотъ, многократно онъ съ глубочайшимъ сочувствіемъ изображаетъ сладость бѣдности. Что сказать мнѣ о солнцѣ, этомъ блистающемъ и ослѣпляющемъ свѣтилѣ, радующемъ наши глаза? Не—доступно ли это наслажденіе всѣмъ бѣднякамъ и богатымъ? Что сказать о вѣнцѣ, образуемомъ звѣздами на небесной тверди? Что сказать о лунѣ? Не одинаково ли всѣмъ принадлежать они? Больше того, что всего удивительнѣе,—мы бѣдняки, а еще болѣе наслаждаемся ими, чѣмъ богатые. Чаще всего они, измученные невоздержностію, проводятъ свою жизнь въ безчинныхъ ширшествахъ и въ тяжкомъ снѣ, который слѣдуетъ за ними и даже не замѣчаютъ этихъ возвышенныхъ зрѣлищъ; они не выходятъ изъ своего дома и живутъ въ тѣни; напротивъ, положеніе бѣдняковъ таково, что никакой классъ людей не наслаждается такъ полно красотами природы. Въ деревнѣ они пользуются болѣе чистымъ воздухомъ, чѣмъ въ городѣ... ²⁾ Неравенство состояній—богатство и бѣдность является важнѣйшимъ и яснѣйшимъ доказательствомъ Промысла Божія и служитъ въ пользу людямъ, потому что связываетъ ихъ взаимною нуждою другъ въ другъ и ведетъ къ взаимной помощи. „Уничтожь бѣдность, и ты уничтожишь весь порядокъ въ жизни и разстроишь жизнь нашу ³⁾: тогда не будетъ ни корабельщика, ни кормчаго, ни земледѣльца, ни домостроителя, ни ткача, ни сапожника, ни плотника, ни кузнеца, ни каменщика, ни хлѣбопекаря и никого изъ подобныхъ ремесленниковъ, а безъ нихъ все разстроится. Между тѣмъ теперь бѣдность, какъ лучшая учительница, находясь при нихъ, противъ воли побуждаетъ ихъ къ работѣ ⁴⁾. Если бы все были богаты, то все бы могли жить въ праздности и тогда бы все разстроилось и погибло. Поэтому каждый долженъ быть доволенъ своимъ удѣломъ и назначеніемъ, какъ бы оно ни было незначительно и не высоко. „Хотя бы ты былъ ремесленникомъ, не считай своего такого занятія унижительнымъ для себя и не стыдись; и—да постыдятся тѣ,

¹⁾ II, 173.

²⁾ Твор. св. Злат. VII, 887.

³⁾ Твор. св. Злат. VIII, 518.

⁴⁾ Твор. св. Злат. IV, 826.

которыя напрасно ѣдятъ хлѣбъ и живутъ въ праздности“¹⁾).

Ученіе св. Іоанна Златоуста о благотворительности лучшимъ образомъ свидѣтельствуется, по прекрасному замѣчанію Пюша²⁾, что онъ между всѣми св. отцами IV вѣка является вдохновеннымъ и неутомимымъ апостоломъ милосердія. Панегририкъ этой „царицѣ добродѣтелей“ есть тема, къ которой онъ возвращается въ каждомъ изъ своихъ словъ, и поистинѣ удивительно разнообразіе и неисчерпаемое изобиліе его мыслей и образовъ. Чтобы быть столь удивительно краснорѣчивымъ, недостаточно было обладать продуктивнымъ и замѣчательно гибкимъ умомъ и изумительною легкостью рѣчи, для этого пужень былъ иной, вѣчно живой и бьющій ключемъ источникъ т. е. переполненное любовью сердце. Умъ—нищій, а сердце—богачъ и никто такъ не умѣлъ обогатить одно сокровище другимъ, какъ св. Златоустъ. Однажды предъ своими антиохійскими слушателями онъ съ полнымъ пренебреженіемъ къ себѣ, прекрасно восхваляя евангелиста Іоанна, сказалъ, что самъ онъ—увы!—не имѣлъ ничего общаго съ послѣднимъ, кромѣ имени. Но онъ былъ слишкомъ скромнень, онъ именно послалъ въ себѣ тотъ же духъ любви и нѣжности, который преданіе усвоило возлюбленному ученику Господа³⁾. Вотъ что всегда заставляло слушателей съ равнымъ усердіемъ выслушивать его, вотъ почему еще и теперь мы можемъ читать безъ утомленія эти длинныя и безчисленныя бесѣды, почти всегда имѣющія одинъ и тотъ-же предметъ и представляющія ничто иное, какъ рядъ постоянно новыхъ, постоянно естественныхъ и непринужденныхъ варіацій на тему о любви...

А. Вертеловскій.

(Окончаніе будетъ).

1) Твор. св. Злат. IX, 747.

2) Пюшъ, св. I. Злат. стр. 64.

3) Въ такомъ смыслѣ отзывался о св. Іоаннѣ Златоустѣ ввеп. Іоаннъ Кассіанъ. „Помните Іоанна, говорилось въ письмѣ къ членамъ Константинопольской церкви, того Іоанна, который, подобно евангелисту Іоанну, апостолу Іисусову, возлежалъ всегда на персяхъ Господа. Историческое ученіе объ Отцахъ Церкви. Филарета арх. Черниг. 2, 227.

ЭРНЕСТЪ РЕНАНЪ И ЕГО „ЖИЗНЬ ИСУСА“.

(ОПЫТЪ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КРИТИКИ).

(Продолженіе *).

Всѣ чудеса Христа Ренаномъ раздѣляются на двѣ категоріи: на такія, которыя просто-на-просто являются созданіями легенды, въ которыя самъ Христосъ естественно никогда не могъ повѣрить, и на распространеніе которыхъ Онъ соглашался, лишь принуждаемый къ этому со стороны жаждущей чудесъ толпы, и на такія, которыя основываются на реальныхъ фактахъ, лишь преувеличенныхъ и видоизмѣненныхъ воображеніемъ, въ которыя и самъ Христосъ, какъ сынъ своего вѣка и народа, естественно вѣрилъ.

„Репутація чудотворца, говоритъ Ренанъ, была Иисусу навязана; Онъ не слишкомъ этому противился, но ничѣмъ и не содѣйствовалъ этому; во всякомъ случаѣ Онъ сознавалъ неосновательность общественнаго мнѣнія въ этомъ отношеніи... Иисусъ былъ чудотворцемъ и закляпателемъ лишь по неволѣ. Какъ всегда бываетъ съ великими божественными натурами, онъ скорѣе подчинялся чудесамъ, которыхъ отъ него требовало общественное мнѣніе, нежели совершалъ ихъ. Обыкновенно чудо является дѣломъ публики, а не того, кому оно приписывается. Если бы Иисусъ и отказывался упорно совершать чудеса, толпа создала бы ихъ для него; самымъ великимъ чудомъ было бы, если бы онъ не дѣлалъ чудесъ; въ этомъ случаѣ всѣ законы исторіи и психологіи толпы потерпѣли бы сильнѣйшее нарушеніе. Онъ былъ не болѣе властенъ умѣрить жадное стремленіе толпы и собственныхъ своихъ

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 21 за 1907 г.

учениковъ къ чудесному, нежели св. Бернаръ, или св. Францискъ Ассизскій. Чудеса Іисуса были тѣмъ насиліемъ, которое надъ нимъ совершилъ его вѣкъ, уступкой, которая была вырвана у него потребностью эпохи“ (Жизнь Іисуса. Гл. XVI).

Ничего такимъ образомъ страннаго не должно намъ представляться въ томъ, что Іисусъ принялъ на себя роль чудотворца, навязанную ему общественнымъ мнѣніемъ. Онъ былъ безспорно величайшимъ изъ людей, но все же человѣкомъ, не могущимъ отмѣнить законовъ человѣческой психологіи. Онъ не могъ въ этомъ отношеніи осилить воли толпы.—и онъ покорился ей. Такъ необходимо должно было произойти. Никакого вліянія въ противномъ случаѣ онъ не произвелъ бы на человѣчество.

Вдумаемся въ самое дѣлѣ въ психологію религіознаго дѣятеля, убѣждающаго людей, воздѣйствующаго на ихъ сердце и волю. „Одна наука, говоритъ Ренауъ, чиста, ибо она отвлеченна; она не имѣетъ дѣла съ людьми, ей чужды задачи пропаганды. На ея обязанности доказывать, а не убѣждать и не совращать. Тотъ, кто открылъ теорему, публикуетъ ея доказательства для тѣхъ, кто способенъ ихъ понять. Ему нѣтъ надобности всходить на кафедру, жестикулировать, нѣтъ надобности прибѣгать къ ораторскимъ уловкамъ, чтобы убѣдить тѣхъ людей, которые не видятъ, что теорема его рѣшена вѣрно... Одна лишь наука ищетъ голую истину. Одна наука подтверждаетъ истину разумными доводами и подвергаетъ строгой критикѣ всѣ способы доказательства“. Но, благодаря именно этому, „наука до сихъ поръ и не пользуется вліяніемъ на народъ“ (Жизнь Іисуса. Предисл.). Потому-то мы, одаренные научнымъ сознаниемъ, и являемся людьми „съ холодными и боязливыми натурами, плохо понимающими, какъ можно быть всецѣло подъ властію идеи, апостоломъ которой выступаешь“. Потому то мы, глубоко серьезные люди, въ прямолінейномъ сознаниіи которыхъ добросовѣстность и обманъ—понятія другъ друга взаимноисключающія, и являемся безсильными, неспособными совершить какого либо великаго дѣла. „Все великое совершается народомъ, народомъ же нельзя руководить, не раздѣляя его идей. Философъ, который, зная это,

удивляется и замыкается въ своемъ благородствѣ, заслуживаетъ высокой похвалы. Но нельзя порицать того, кто беретъ челоѳчество со всѣми его иллюзіями и пытается вліять на него и чрезъ него. Цезарь отлично зналъ, что онъ не сынъ Венеры. Франція не была бы тѣмъ, что она есть, если бы въ теченіе тысячи лѣтъ не существовало вѣры въ святое муро Реймса. Намъ, въ нашемъ безсиліи, не трудно называть это ложью и, гордясь нашей робкой честностью, презрительно относиться къ героямъ, которые приняли битву съ жизнью при совершенно иныхъ условіяхъ. Когда намъ съ нашей разборчивостью удастся совершить то, что тѣ дѣлали своими обманами, тогда мы будемъ имѣть право строго судить ихъ... Нѣтъ великаго дѣла, которое бы не было основано на легендѣ. Единственно кто въ этомъ виноватъ,—это челоѳчество, которое желаетъ быть обманутымъ". (Жизнь Іисуса. Гл. XV).

Для челоѳка не можетъ быть иного выхода, какъ или, сознавши неизменность челоѳчества, замкнуться въ себѣ и прекратить всякую попытку воздѣйствовать въ духѣ и направленіи своего міровозрѣнія на толпу, или принявъ челоѳчество въ томъ видѣ, въ какомъ оно есть, смѣло воздѣйствовать на него, отрѣшившись отъ правилъ честности и добросовѣтности. „Челоѳчество имѣетъ настолько слабый умъ, что самое чистое дѣло не обходится безъ содѣйствія какого либо нечистаго элемента". Что же остается дѣлать герою, имѣющему предъ собой подобное челоѳчество? Онъ можетъ, поставивши выше всего честность и добросовѣтность, замкнуться въ уединеніи. Такія личности бываютъ. Это—герои мысли (философы). Но бываютъ и другіе герои—натуры болѣе смѣлыя, болѣе рѣшительныя. Это—герои религіозной вѣры. Эти вдохновенныя натуры, встрѣчаясь съ глупымъ и бессмысленнымъ челоѳчествомъ, „не могутъ примириться съ своимъ безсиліемъ и принимаютъ челоѳчество такимъ, какъ оно есть, со всѣми его слабостями". Смѣло идутъ они на свое дѣло; честность и добросовѣтность не служатъ въ отношеніи къ нимъ связывающей ихъ руки пормой,—и они совершаютъ переворотъ. „Многое великое не могло бы совершиться безъ лжи и насилія. Если

бы въ одинъ прекрасный день воплотившійся идеаль явился предъ людьми съ цѣлю господствовать надъ ними, то онъ очутился бы предъ лицомъ глупости, которая желаетъ быть обманутой, предъ лицомъ злобы, которая требуетъ того, чтобы ее укротили. Безупреченъ только созерцатель, который стремится лишь найти истину, не заботясь ни о томъ, чтобы доставить ей торжество, ни о томъ, чтобы дать ей практическое примѣненіе“ (Жизнь Иисуса. Предисл.). Всякій же дѣятель, тѣмъ болѣе дѣятель религіозный, не можетъ остаться безупречнымъ. Глупость и бессмысліе человѣчества, съ которымъ онъ по необходимости тѣсно соприкасается, обязательно проявятъ надъ нимъ свою власть и наложатъ на него свой грязный отпечатокъ. Это неизбѣжная дань толпы своему кумиру за то поклоненіе, которое онъ ей внушаетъ. „Невозможно годами вести жизнь чудотворца, и десятки разъ не попасть въ безвыходное положеніе, вынуждающее подчиниться толпѣ. Человѣкъ, при жизни сдѣлавшійся легендарнымъ, подпадаетъ подъ тиранническую власть своей же легенды. Дѣло начинается съ наивности, легковѣрія, абсолютной невинности, а кончается всякаго рода затрудненіями и, чтобы сохранить за собою мнимое могущество, приходится выходить изъ этихъ затрудненій помощью отчаянныхъ средствъ. Принятая на себя обязательства необходимо выполнить: неужели дать погибнуть дѣлу Божію только потому, что Богъ медлитъ проявить Свою волю“? (Жизнь Иисуса. Предисл.).

Иисусъ не могъ преодолѣть этихъ законовъ человѣческой психологіи. Онъ долженъ былъ въ этомъ отношеніи покориться толпѣ, долженъ былъ дать запятнать себя ролью чудотворца, такъ какъ въ противномъ случаѣ его дѣло не имѣло бы никакого успѣха въ человѣчествѣ. Если бы онъ ограничился однимъ нравственнымъ ученіемъ, одной Нагорной проповѣдью, произошло бы только то: „стало бы однимъ раввиномъ больше“. „Для успѣха каждой идея необходима уступка; изъ жизненной борьбы никогда нельзя выйти незаятнаннымъ. Въ самомъ дѣлѣ недостаточно познавать добро; надо дать ему среди людей преуспѣваніе. Для этого необходимы средства менѣе опрятныя. Конечно, если бы Евангеліе ограничилось нѣсколь-

кими главами Матѳея и Луки. оно было бы ближе къ совершенству и не давало бы въ настоящее время столько поводовъ для возраженій; но не будь въ немъ чудесъ. развѣ оно завоевало бы міръ? Если бы Иисусъ умеръ въ тотъ моментъ своей жизни“, какъ прозвучала его Нагорная проповѣдь. конечно. въ его жизнеописаніи не было бы иной стравицы, дѣйствующей на насъ непріятно; но ставши болѣе великимъ въ глазахъ Бога, онъ остался бы неизвѣстенъ людямъ; онъ затерялся бы въ толпѣ безвѣстныхъ великихъ людей, безспорно лучшихъ изъ всѣхъ; истина не получила бы всеобщаго распространенія, и человечество не воспользовалось бы громаднымъ нравственнымъ превосходствомъ, которымъ надѣлилъ Иисуса его Отець. Иисусъ, сынъ Сираха, и Гиллель высказывали почти столь же возвышенныя истины. какъ и Иисусъ Христосъ. Однако Гиллель никогда не прослыветъ за истиннаго основателя христіанства. Въ области нравственности, какъ и въ искусствѣ, то, что говорится, не имѣетъ никакого значенія; важно только то, что дѣлается; въ этомъ все. Идея, скрытая къ картинѣ Рафаеля, стоитъ не многого, все дѣло въ самой картинѣ. Также и въ морали истина получаетъ нѣкоторую цѣнность, только когда она выходитъ изъ области чувства, а всю свою цѣну она пріобрѣтаетъ, только когда осуществляется въ мірѣ какъ фактъ“. (Жизнь Иисуса Гл. V). Но чтобы найти доступъ къ міру, проникнуть въ него и осуществиться въ немъ, истинѣ необходимо смѣшаться съ ложью, такъ такъ „міръ—это комедія, божественная и алская въ одно и то же время, странный хороводъ, которымъ руководитъ геніальный хормейстеръ, и въ которомъ добро и зло, дурное и прекрасное дефилируютъ предъ нами каждое на своемъ предназначенномъ мѣстѣ, стремясь къ достиженію таинственной конечной цѣли“. (Тамъ же. Предисл.).

Стремясь заставить міръ принять свое возвышенное ученіе, Иисусъ естественно „не ограничивается ролью обаятельнаго моралиста, умѣющаго вложить въ нѣсколько живыхъ и краткихъ афоризмовъ поученіе высокой нравственности; онъ становится геніальнымъ революціонеромъ, который пытается обновить міръ въ самыхъ его основахъ и осуществить на землѣ

созданный имъ идеаль... Убѣжденіе, что онъ водворить царство Божіе, совершенно овладѣваетъ всѣмъ его существомъ. Онъ считаетъ себя мировымъ реформаторомъ. Небо, земля, вся природа, безуміе, болѣзнь и смерть не болѣе какъ орудія въ его рукахъ. Въ увлеченіи своей героической волей онъ считаетъ себя всемогущимъ“ (Жизнь Иисуса. Гл. VII). „Невинныя афоризмы, прекрасныя проповѣди нравственности теперь переходятъ въ рѣшительную политику. Законъ будетъ отмѣненъ, и именно онъ отмѣнитъ его. Мессія явился, и именно онъ—этотъ Мессія. Царство Божіе скоро объявится, и именно онъ его объявитъ“. (Гл. XV). Но развѣ Мессія не долженъ быть „сыномъ Давидовымъ“? Развѣ онъ не долженъ родиться въ Вифлѣемѣ? (Ср. гл. XV). Развѣ онъ не долженъ совершить много чудесъ? (Гл. XVI). Общественное мнѣніе осило въ этомъ отношеніи Иисуса, и ему оставалось одно—покориться толпѣ, согласиться на создававшіяся вокругъ его личности легенды, стать чудотворцемъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ ему пришлось бы отказаться отъ своей мисси. (Ср. гл. XVI).

Иисусъ отдалъ эту необходимую дань толпѣ. Стремясь осуществить свой возвышенный идеаль, онъ пожертвовалъ своей прежней безупречной чистотой. Онъ принялъ на себя роль чудотворца. Такъ должно было произойти. „Всякая идея утрачиваетъ свою чистоту, лишь только она обнаруживаетъ стремленіе осуществиться. Никогда нельзя добиться успѣха безъ нѣкотораго тренія, отъ котораго страдаетъ чуткая душа. Такова уже участь слабаго ума человѣческаго, что обыкновенно все наилучшее достигается лишь плохими средствами“. (Жизнь Иисуса. Гл. XVI). Этой участи Иисусъ не избѣжалъ, ибо и онъ былъ все же „сыномъ человѣческимъ“. Кто въ этомъ виновать?—„Единственно человѣчество, которое желаетъ быть обманутымъ“. (Гл. XV). Для воздѣйствія на него нѣтъ другого средства, кромѣ насилія и обмана. „Если бы въ одинъ прекрасный день воплотившійся идеаль явился предъ людьми съ цѣлю господствовать надъ ними, то онъ очутился бы предъ лицомъ глупости, которая желаетъ быть обманутой, предъ лицомъ злобы, которая требуетъ того, чтобы ее укротили“ (Предисл.). И если бы идеаль пожелалъ господствовать надъ

подобнымъ человѣчествомъ. ему не оставалось бы никакого другого выхода. какъ вооружиться, насиліемъ и обманомъ. Въ противномъ случаѣ онъ принужденъ былъ бы возвратиться на небо и, замкнувшись въ чистомъ эфирѣ, никогда оттуда не спускался на землю.

Вотъ какъ разсуждаетъ Ренанъ, желая представить намъ образъ Иисуса обаятельнымъ, не смотря на такія его дѣйствія, которыя въ наши дни могли заслужить неблагопріятный отзывъ. Только человѣчность Иисуса проявилась въ подобныхъ дѣйствіяхъ его; только полная невозможность заставить людей принять его возвышенное ученіе о царствѣ Божіемъ, не ставши въ ихъ глазахъ Мессіей, сыномъ Давидовымъ и чудотворцемъ, вынудила его пожертвовать своей безусловной чистотой.

Допустимъ, что такъ и происходило въ дѣйствительности. Тогда, сохраняя въ неприкосновенности законы человѣческой психологій, какой мы должны нарисовать образъ Иисуса? Какими чертами мы должны охарактеризовать его, если только стремимся дать художественно цѣльный и вполнѣ законченный образъ?

Омѣтимъ дѣлая. Иисусъ воплощалъ въ своей внутренней жизни безусловную нравственную чистоту. Это и былъ именно идеаль. спустившійся съ неба на землю. Такими чертами характеризуетъ его въ первое время его дѣятельности самъ Ренанъ. „Богъ жилъ въ немъ, говоритъ онъ; онъ чувствовалъ его въ себѣ и бралъ изъ своего сердца то, что оно ему говорило объ его Отцѣ. Онъ жилъ на дошъ Бога, находясь съ нимъ въ постоянномъ общеніи; онъ не видѣлъ его, но слышалъ, не нуждаясь ни въ громѣ, ни въ пылающей купинѣ, какъ Моисей, ни въ знаменательной бурѣ, какъ Іовъ, ни въ оракулѣ, какъ древніе греки, ни въ ангелѣ Гавріилѣ, какъ Магометъ... Высшее познаніе Бога, какое только было у человѣка, это то, которое имѣлъ Иисусъ... И это было у него не теоретическимъ принципомъ“, а его собственной внутренней жизнью. „Онъ проповѣдывалъ не свои убѣжденія, а себя самого... Тогда въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, можетъ быть, года Богъ дѣйствительно обиталъ на землѣ... И рай дѣйствительно снизошелъ бы на землю, если бы идеи молодого учителя такъ далеко не

зашли за тотъ уровень средней добродѣтели. выше котораго человѣческому роду до сихъ поръ никогда не удавалось возвышаться“. (Жизнь Иисуса. Глава V). Иисусъ былъ, слѣдовательно, воплотившимся идеаломъ. Но идеаль, вспомнимъ разсужденіе Ренана, по своей природѣ есть лишь чистое отрицаніе дѣйствительности. Онъ безсиленъ возстановить ее, сохраняя въ неприкосновенности свою чистоту и незаятнанность. Онъ силенъ лишь своимъ сужденіемъ, своимъ отрицаніемъ ея, силенъ тѣмъ, что видитъ въ точности страшную, головокружительную бездну человѣческой глупости, чудовищной злостности, непобѣдимаго безсмыслія.

Спрашивается, какой типъ человѣка выработался бы при этихъ условіяхъ? Для каждаго хотя немного знакомаго съ законами человѣческой психологіи должно быть ясно, что въ этомъ случаѣ явился бы фанатикъ, какого никогда еще не носила земля. Непереносимое чувство отвращенія къ жизни и въ тоже время всепоглощающая жажда жизни,— вотъ что должно было бы образовать внутреннее существо подобнаго человѣка. Онъ чувствовалъ бы въ высшей степени интенсивно всю пошлость жизни и въ тоже время также ясно сознавалъ бы, что безъ этой окружающей его презрѣнной толпы онъ—чистое ничто, пустой призракъ, который тотчасъ же разсѣется, какъ только онъ наложитъ на себя руки. Страшное, невообразимое противорѣчіе пронизывало бы его самосознаніе. Онъ невыносимо страдалъ бы отъ его двойственности. То чувство силы, своего могущества, то чувство безсилія, подавленности ежеминутно смѣнялись бы въ его сознаніи. Его терзало бы постоянно внутренне сомнѣніе. Онъ бился бы въ конвульсіяхъ; издавалъ бы такіе вопли, какихъ не слыхалъ еще Ницше у своихъ живо замуровавшихъ себя отшельниковъ. (См. выше. Вѣра въ чудеса и психологическое оправданіе ея).

Если бы натура подобнаго человѣка выдержала, и его воспаленный мозгъ моментально бы не сторѣлъ, предъ нами явился бы человѣкъ безъ всякой вѣры въ Бога, съ чудовищно эгоистической вѣрой въ самого себя, съ величайшимъ отвращеніемъ и презрѣніемъ ко всему человѣчеству, съ жаждой вѣщней силы и вѣшняго могущества, исключавшей возмож-

ность всякой моральной силы. Такой человекъ всегда и во всемъ опирался бы на самого себя, на свою собственную личность. но онъ не вступилъ бы во внутреннюю интимную связь съ людьми; отъ взоровъ презрѣнной толпы онъ защитился бы непроницаемымъ покровомъ; онъ давалъ бы видѣть толпѣ лишь свой виѣшній ликъ, требовалъ бы отъ людей лишь виѣшняго себѣ поклоненія и почитанія; всѣ человѣческія, чисто моральныя чувствованія онъ убивалъ бы въ нихъ, они вызывали бы въ немъ только глумленіе. онъ видѣлъ бы и прививалъ бы людямъ одно скотство. Словомъ въ немъ воплотилось бы все зло человѣческой природы.

Само собой понятно, что въ первый періодъ его внутреннего развитія его вѣра въ Бога не была бы чувствомъ живой, внутренней связи съ Божествомъ; внутренний холодъ,—это столь естественное для одинокой эгоистической личности явленіе,—постоянно ощущался бы въ его душѣ, заставляя его всѣми средствами возбуждать въ себѣ вѣру въ самого себя, такъ какъ только подобная вѣра приводила бы его въ состояніе успокоенія. Точно также его безупречная нравственная чистота была бы лишь виѣшней праведностью, холоднымъ исполненіемъ закона, находящимъ себѣ отраду въ созерцаніи недостатковъ и пороковъ другихъ.

Вотъ былъ бы какой духъ, живившій Иисуса, если бы мы, допустивъ дѣйствительность тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ, по мнѣнію Ренана, онъ явился предъ толпой чудотворцемъ вопреки своему самосознанію, отчетливо воспроизвели его психическое состояніе, точно придерживаясь законовъ человѣческой психологіи и чутко прислушиваясь къ показаніямъ художественнаго чутья. Вотъ только какой образъ Иисуса нужно было бы при этихъ условіяхъ признать совершенно правдивымъ, соответственнымъ природѣ вещей.

Но кто и когда, читая Евангеліе, проникался бы чувствомъ великаго отвращенія и презрѣнія къ человѣческому роду; кто вникая въ образъ Спасителя, данный Евангелистами, задыхался бы въ атмосферѣ людской глупости, которая желаетъ быть обманутой, чудовищной злобы, которая требуетъ, чтобы ее укротили?!

Самъ Ренанъ говоритъ: „каковы бы ни были неожиданности, которыя готовятъ намъ будущее, Иисуса никто не превзойдетъ. Культъ его будетъ вѣчно обновляться; легенда его будетъ вѣчно вызывать слезы; его страданіями будутъ терзаться лучшія сердца; и во всѣ времена всѣ будутъ провозглашать, что среди сыновъ человѣческихъ никогда не рождалось болѣе великаго, нежели Иисуса“. (Жизнь Иисуса. Гл. XXVIII).

Что же въ такомъ случаѣ представляетъ изъ себя данный имъ образъ Иисусъ?—Совершенно противорѣчивую картину, построенную при полнѣйшемъ отрицаніи законовъ человѣческой психологіи, при рѣшительномъ игнорированіи показаній художественнаго чувства. Ренанъ, пытаясь представить образъ Иисуса болѣе соответствующимъ съ своей точки зрѣнія природѣ вещей, поступаетъ какъ разъ вопреки тѣмъ правиламъ, которыя онъ самъ себѣ далъ. Онъ разбрасывается по частностямъ, вырисовываетъ ту или другую отдѣльную черту, не стремясь все это объединить въ одномъ цѣльномъ и законченномъ образѣ. Если бы онъ не останавливалъ своего художественнаго взгляда на отдѣльныхъ эскизахъ своей картины, а схватывалъ общій ея видъ, улавливалъ душу ея, онъ непременно бы замѣтилъ, что его Иисусъ — противорѣчивое существо, не заключающее въ себѣ ничего цѣльнаго и гармоничнаго и потому чистая фикція, а не дѣйствительность, какъ, напр., лопадь, съ человѣческой головой или женщина съ рыбьимъ хвостомъ.

Такія созданія человѣческой фантазіи имѣютъ, конечно, значеніе, и создаются они при полномъ соблюденіи законовъ человѣческой психологіи. Ихъ основой обыкновенно служитъ темное, неопредѣлившееся чувствованіе. Такое же точно неопредѣлившееся чувствованіе руководило и Ренаномъ при описаніи имъ жизни Иисуса. Раскрывая его личность, я говорилъ, что Ренанъ представлялъ собою мечтательную, сентиментальную природу, которая порывается къ идеалу, но въ то же время очень не любитъ сообразовать свою жизнь съ идеаломъ, которая любитъ только помечтать о небесномъ; онъ, напр., съ пафосомъ воскликнетъ, что въ тотъ самый день, когда люди будутъ поголовно убивать другъ друга, онъ не перестанетъ

провождать. что человѣческая природа благородна; но при этомъ непременно зажмурить свои глаза, чтобы только сосредоточить свое вниманіе на своемъ внутреннемъ красивомъ чувствованіи, а не на проявленіи его въ дѣйствительности; и не только даже зажмурить, а еще и скажетъ, что всякому порядочному человѣку такъ и слѣдуетъ дѣлать, и слѣдуетъ смиренхонько сидѣть въ своей тепленькой берлогѣ, ибо воздѣйствовать на человѣчество, не запачкавши въ грязи своихъ рукъ, абсолютно нельзя. такъ какъ его природу въ дѣйствительности составляетъ не благородство, а глупость, которая желаетъ быть обманутой, злоба, которая требуетъ того, чтобы ее укртили. Его Иисусъ какъ разъ и осѣняетъ такое именно чувствованіе. Онъ ласкаетъ человѣка своей чистотой, своимъ порывомъ къ идеальному, заставляетъ его утѣшиться отъ тревогъ и волненій будничной жизни и въ то же время даетъ ему такой совѣтъ: „идеаль—не болѣе, какъ утопія, о немъ можно благородному человѣку только мечтать; пожалуйста не слѣдуй за мной, не вздумай пытаться осуществить идеаль въ дѣйствительности. Смотри на меня: въ моемъ сознаніи явилась такая безумная, фанатическая мысль: я рѣшился водворить царство Божіе на землѣ,—и я запачкался, я сталъ менѣе чистымъ, чѣмъ былъ раиѣе. Поэтому, если желаешь сохранить благородство въ своемъ сердцѣ и хочешь стать моимъ истиннымъ ученикомъ, а не однимъ изъ той невѣжественной толпы, которую я нашелъ въ Галилеѣ, откажись отъ меня, отрѣшись отъ создавшейся около меня легенды, какъ Сына Божія и чудотворца. Тогда ты станешь чистымъ, незапятнаннымъ мечтателемъ, какимъ и надлежитъ быть всякому человѣку, какимъ и я хотѣлъ быть, но не пришлось, такъ какъ явился въ человѣчествѣ въ такое время, когда оно было насквозь процитано сусвѣрїями и вѣрой въ чудесное; міръ тогда не зналъ еще, что тебѣ теперь извѣстно,—чистой, какъ кристалль, положительной науки“.

Точно также всѣ, кто любитъ только понѣжить свое сердце грезами о небесномъ, у кого восхищеніе человѣчествомъ, благородствомъ его природы не выходитъ за предѣлы восхищенія украдкой самимъ собой, могутъ смѣло обратиться къ „Жизни

Иисуса“ Ренана. Она явится для нихъ прекрасной настольной книгой. Они будутъ ее съ увлеченіемъ читать, будутъ ей очаровываться и никогда не замѣтятъ, что образъ, витающій прелъ пими, настолько же реаленъ, насколько реаленъ образъ женщины съ рыбьимъ хвостомъ.

Раскроемъ общее свое положеніе о несоотвѣтствіи природѣ вещей образа Иисуса, даннаго Ренаномъ, въ частностяхъ. Покажемъ болѣе или менѣе детально скрывающіяся въ этомъ образѣ противорѣчія. Такое разсмотрѣніе съ одной стороны обнаружитъ всю неосновательность данной Ренаномъ картины зарожденія христіанства, съ другой уяснить читателю, насколько былъ правъ Ренанъ, признавши образъ Христа, данный въ Евангеліяхъ, внутренне противорѣчивымъ образомъ, не соотвѣтствующимъ природѣ вещей. Оно покажетъ, что какъ разъ напротивъ Евангельскій образъ Христа и является дѣйствительно цѣльнымъ, гармоничнымъ образомъ, и что поэтому, разъ мы согласились довѣриться художественному чувству, только эту форму Его мы и должны признать единственно возможной, только въ этомъ видѣ и должны признать Христа фактомъ, дѣйствительностью, во всякомъ же другомъ, въ томъ числѣ и въ видѣ Ренановскаго Иисуса, Онъ будетъ существомъ легендарнымъ, мифическимъ.

Вдумаемся прежде всего въ Его отношеніе къ Богу, Своему Отцу. Какъ утверждаетъ и самъ Ренанъ, это отношеніе у Иисуса было на первыхъ порахъ самымъ внутреннимъ переживаніемъ въ Себѣ Бога, чувствомъ живой, непосредственной связи Своей съ Богомъ, какъ съ Своимъ Отцомъ. „Иисусъ, говоритъ Ренанъ, думаетъ, что Онъ находится въ прямыхъ отношеніяхъ съ Богомъ, вѣритъ, что Онъ—Сынъ Божій“ (Жизнь Иисуса. Гл. V).

Но развѣ измѣнилось у Него въ теченіе дальнѣйшей Его жизни такое отношеніе къ Своему Отцу? Развѣ чувство Своей живой, непосредственной связи съ Богомъ въ дальнѣйшемъ у Него исчезло, и Его вѣра въ Бога, какъ въ Отца, какъ въ Безконечную Любовь, претерпѣла какое-нибудь измѣненіе? Ренанъ даже и не пытается поставить этого вопроса. Было бы слишкомъ абсурдно утверждать, что первоначальная

вѣра въ Бога у Иисуса въ дальнѣйшемъ существенно измѣнилась, что чувство живой связи Своей съ Богомъ Его оставило. а раннее представленіе Его о Богѣ, какъ объ Отцѣ, превратилось въ представленіе о Немъ, какъ о грозномъ Владыкѣ. Никакого намека на это въ Евангеліяхъ мы не найдемъ. Евангельскій образъ Христа является въ этомъ отношеніи строго выдержаннымъ и гармоничнымъ. Какъ ранѣе Иисусъ, выражаясь языкомъ Ренана, „жилъ на лонѣ Бога, находясь съ Нимъ въ постоянномъ общеніи“, точно также и въ дальнѣйшемъ Онъ чувствуетъ Себя въ такой же самой внутренней, самой непосредственной связи съ Нимъ. Какъ ранѣе Богъ былъ для Него Отцемъ, Безконечной Любовью, Богомъ, повелѣвающимъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми и посылающимъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ (Мѡ. V, 45), точно также и въ дальнѣйшемъ у Него остается эта же вѣра. *„Да не смущается сердце ваше, говоритъ Онъ въ послѣднія минуты Своей земной жизни Своимъ ученикамъ, вступите въ Бога и въ Меня вступите.. Вѣруйте Мнѣ, что Я въ Отца и Отецъ во Мнѣ... Немного Мнѣ говорить съ вами, ибо идетъ князь міра сего, и во Мнѣ не имѣетъ ничего.. Какъ возлюбилъ меня Отецъ, и Я возлюбилъ васъ, пребудете въ любви Мои. Если заповѣди Мои соблюдаете, пребудете въ любви Моей, какъ и Я соблюдалъ заповѣдь Отца Моего, и пребываю въ Любви любви. Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ. Идите болице той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ“* (Іоан. XIV, 1, 11, 30; XV, 9—13).

Но какимъ образомъ могло бы все это такъ происходить, еслибы въ одно время въ сознаніи Иисуса явилась мысль о необходимости съ цѣлю осуществленія своей миссіи потерять свою прежнюю внутреннюю чистоту, или непосредственно допустивши обманъ или молчаливо согласившись на него? По какимъ законамъ человѣческой психологіи эта минута не должна была явиться у Иисуса началомъ рѣшительнаго внутренняго переворота, началомъ коренной метаморфозы всѣхъ прежнихъ взглядовъ, убѣжденій и чувствованій? Развѣ онъ, бывши до сихъ поръ полнымъ осуществленіемъ нравственнаго идеала,

не почувствовалъ бы теперь въ высшей степени остро и рѣзко свою нравственную нечистоту? А потому развѣ съ этой минутой онъ не ощутилъ бы свою одинокость, свою покинутость прежнимъ Богомъ, его Отцомъ, и въ его душѣ вмѣсто прежней живительной теплоты не пронеслось бы бурнаго дыханія леденящаго вѣтра? Развѣ смерть не снизошла бы въ этомъ случаѣ въ его сердце, терзая и пытая его? Развѣ Богъ не отошелъ бы отъ него, не закрылся бы отъ его взоровъ темными, непроницаемыми тучами, и онъ не почувствовалъ бы на себѣ испытующаго взгляда грознаго Судьи? Но если это такъ (а это непременно должно быть такъ, разъ законы чело-вѣческой психологiи мы оставляемъ неприкосновенными), какимъ образомъ, и ставши чудотворцемъ вопреки своему самосознанію, Иисусъ по прежнему чувствуетъ себя „на лобѣ Бога“, какъ своего Отца, и изъ его устъ раздается тоже свидѣтельство о Немъ, какъ о Безконечной Любви? Какимъ образомъ у Иисуса остается то же сознаніе своей полной независимости, совершеннаго осуществленія имъ воли своего Отца? Какъ онъ могъ сказать: *идетъ князь міра сего, и во Мнѣ не имѣетъ ничего*“?

Правда, Ренанъ можетъ сказать на это, что молчаливо согласившись на обманъ, ставши въ глазахъ толпы „сыномъ Давидовымъ“ и чудотворцемъ, Иисусъ не могъ почувствовать своей вины предъ Богомъ. Его сознаніе было всецѣло занято мыслию объ осуществленіи царства Божія на землѣ. Поэтому естественно онъ не обращаетъ своего вниманія на чистоту средствъ, употребляемыхъ имъ съ цѣлію осуществленія своей идеи. Что дѣлать, если Богъ медлитъ проявить Свою волю? Ужели изъ-за этого дать погибнуть всему дѣлу Божію? Можно ли терзаться по поводу допускаемаго какого то обмана, когда дѣло идетъ объ осуществленіи гигантскаго замысла? Можно ли ригористически разсуждать о чистотѣ средствъ, когда идетъ рѣшительная битва высокой, свѣтлой идеи съ тупой, безмысленной дѣйствительностью? Иисусъ допускаетъ, правда, обманъ, но не нужно забывать, что онъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ, „ad maiorem Dei gloriam“. Его сознаніе все-

цѣло занято только Богомъ, только одной мыслью объ осуществленіи Его царства на землѣ.

Но развѣ, рассуждая подобнымъ образомъ, мы не констатируемъ наличность переворота въ области внутренней психической жизни Иисуса? „Богъ медлитъ осуществить Свою волю“. Развѣ человѣкъ, пришедшій къ такой мысли, чувствуетъ Бога въ своемъ сердцѣ? Развѣ, говоря самъ себѣ эту мысль, человѣкъ тѣмъ самымъ не выражаетъ, что онъ—одинокъ, покинутъ, не видитъ уже Бога по прежнему своимъ внутреннимъ взоромъ? Сознаніе человѣка можетъ, разумѣется, въ этомъ случаѣ быть всецѣло занято Богомъ, но эта вѣра въ Бога будетъ уже не непосредственнымъ, внутреннимъ переживаніемъ, а чисто отвлеченной мыслью, не имѣющей ровно никакого отношенія къ сердцу человѣка и чуждающейся его движеній. Между тѣмъ самъ Ренанъ говоритъ, что познаніе Бога у Иисуса „было не теоретическимъ принципомъ, не ученіемъ, болѣе или менѣе доказаннымъ, которое онъ старался внушить другимъ. Онъ не приводилъ своимъ ученикамъ никакихъ доводовъ разсудка, не требовалъ отъ нихъ никакого умственного напряженія. Онъ проповѣдывалъ не свои убѣжденія, а себя самого“ (Жизнь Иисуса. Гл. V.).

Съ другой стороны, развѣ человѣкъ дошелъ до сознанія, что Богъ медлитъ осуществить свою волю, что ему, ревнующему о славѣ Божіей, надлежитъ дѣйствовать теперь, оставивши всякую нравственную чуткость въ отношеніи къ употребляемымъ имъ средствамъ и онъ дѣйствительно въ духѣ того сознанія начинаетъ дѣйствовать, вѣру въ Бога, какъ въ Отца, онъ съ необходимостью долженъ оставить, такъ какъ она лишь размягчала бы его волю, пренятствуя ему быть смѣлымъ и твердымъ въ дѣлѣ пользованія тѣми или другими средствами. Съ этой минуты человѣкъ можетъ жить и вдохновляться лишь представленіемъ о Богѣ, какъ о существѣ жестокомъ, жаждущемъ человѣческой крови, требующемъ отъ человѣка пожертвованія самымъ дорогимъ, самымъ цѣннымъ своимъ сокровищемъ—внутренней чистотой своего сердца. Но гдѣ мы найдемъ въ Евангеліяхъ хотя какія нибудь намеки на подобный изступленный фанатизмъ Иисуса?

Что же въ такомъ случаѣ намъ остается сказать, если, не смотря на все это, мы желаемъ держаться взгляда Ренана на Иисуса, какъ на чудотворца по неволѣ? Одно: Иисусъ покорился толпѣ, онъ сталъ вопреки собственному мнѣнію о себѣ сыномъ Давидовымъ и чудотворцемъ, онъ молчаливо согласился на распространеніе создавшихся около его личности легендъ, по страннымъ, совершенно необъяснимымъ съ точки зрѣнія психологін образомъ это обстоятельство нисколько не повліяло на складъ его сознанія: по прежнему онъ чувствовалъ свою живую связь съ Богомъ, по прежнему Богъ является ему въ качествѣ любящаго Отца, по прежнему онъ говорилъ, что выше заповѣди о любви нѣтъ никакой другой заповѣди. Другими словами, мы должны сказать, что хотя Иисусъ и былъ человѣкомъ и только именно имъ.—словомъ былъ такимъ же существомъ, какъ и всѣ мы, смертные, но понять его болѣе или мѣнѣе точно, нѣсколько приблизить къ своему самосознанію мы совершенно не въ состояніи, такъ какъ онъ былъ какимъ то безусловно страннымъ, противорѣчивымъ существомъ, внутренняя его жизнь развивалась совершенно несообразно съ законами человѣческой психологін.

Кто же въ такомъ случаѣ является болѣе близкимъ къ дѣйствительности: вѣрующій человѣкъ, принимающій образъ Христа, данный Евангелистами, и чувствующій близость этого образа человѣческому самосознанію, или невѣрующій, принимающій образъ Иисуса, данный Ренаномъ, и чувствующій совершенное несоотвѣтствіе этого образа съ законами дѣйствительной жизни?

Вдумаемся теперь въ отношеніе Иисуса къ своему дѣлу. Онъ занялъ всецѣло мыслию о насажденіи на землѣ Царства Божія. Но что такое представляетъ собою въ его сознаніи это Царство Божіе? „Иисусъ—основатель истиннаго царства Божія, отвѣчаетъ на это самъ Ренанъ, царства кроткихъ и смиренныхъ,—вотъ какимъ былъ Иисусъ съ первыхъ дней его жизни, дней ничѣмъ неомраченной непорочности, когда голосъ его Отца звучалъ въ его груди съ наибольшей чистотой тембра“. (Жизнь Иисуса. Гл. V). „Переворотъ, который онъ хотѣлъ совершить, былъ чисто нравственный переворотъ... Онъ хотѣлъ

дѣйствовать на людей и посредствомъ людей... Онъ клалъ основаніе царству Божію, я хочу сказать, царству духа“. Это царство его было царствомъ не отъ міра сего. „Въ этомъ отношеніи имъ руководили съ чудесной твердостью его удивительный здравый смыслъ и повстинѣ пророческое чутье, указывавшее ему, въ чемъ заключается его миссія. Своими словами: „воздайте кесарево кесарю, а божье Богу“ онъ создалъ нѣчто чуждое политикѣ, настоящее убѣжище для души среди царства грубой силы... Если бы онъ, вмѣсто того, чтобы основать свое царство Небесное, отправился въ Римъ, погрузился бы въ заговоры противъ Тиверія, или предался оплакиванію Германика, что стало бы съ міромъ? При всемъ строгомъ республиканствѣ и патриотическомъ рвеніи, онъ не остановилъ бы великаго теченія событій своего вѣка, между тѣмъ, какъ объявивъ, что политика не имѣетъ значенія, онъ пробудилъ въ мірѣ сознаніе той истины, что родина это еще не все, и что человекъ стоитъ и выше и впереди гражданина“. (Жизнь Іисуса. Гл. VII).

Но измѣнились ли въ дальнѣйшей жизни Іисуса такіе взгляды его на Царство Божіе? Стало ли оно съ теченіемъ времени въ его сознаніи царствомъ сильныхъ, властныхъ и могущественныхъ, а не кроткихъ, не смиренныхъ духомъ, не людей, ревнующихъ о своей внутренней, нравственной чистотѣ?

Снова никакихъ намековъ на подобную метаморфозу мы не находимъ въ Евангеліяхъ. И самъ Ренанъ, выясняя идею Іисуса о Царствѣ Божіемъ въ ея окончательной формѣ, говоритъ: „Іисусъ понималъ, желалъ и основалъ это истинное Царство Божіе, царство духа, гдѣ каждый станетъ царемъ и пастыремъ (это не точно, замѣтимъ къ слову, гдѣ царемъ и пастыремъ является Богъ); царство, которое, подобно горчичному зерну, превратится въ могучее дерево, осѣняющее весь міръ и дающее въ своихъ вѣтвяхъ пріютъ птицамъ и ихъ гнѣздамъ... Онъ позналъ истинный градъ Божій, истинную „двалингевезію“, нагорную проповѣдь, апофеозъ слабого, любовь къ народу, любовь къ бѣдности, возвеличіе всего, что унижено, правдиво и наивно. Онъ передалъ намъ это возвеличеніе съ искусствомъ несравненнаго артиста такими чертами, которыя

не изгадятся во вѣки. Каждый изъ насъ обязанъ ему лучшей частью своего „я“... Иисусъ стремился къ тому, чтобы создать новое состояніе человѣчества... Нерѣдко онъ заявляетъ, что царство Божіе уже началось, что оно внутри каждаго человѣка, который и можетъ имъ наслаждаться, если онъ этого достоинъ, что каждый создаетъ это царство безъ всякаго шума, истиннымъ обращеніемъ къ правдѣ своего сердца“. (Жизнь Иисуса. Гл. XVII).

Но какимъ образомъ онъ могъ бы такъ проповѣдывать о царствѣ Божіемъ, когда самъ съ цѣлію его осуществленія, его водворенія на землѣ отвлекъ свое вниманіе отъ сосредоточенія его на нравственной чистотѣ своего сердца и обратился къ не совсѣмъ опрятному въ нравственномъ отношеніи средству—обману? Можетъ быть, онъ проповѣдывалъ въ этомъ случаѣ только свои чисто теоретическія убѣжденія, не имѣвшія ровно никакого отношенія къ внутренней сторонѣ его личности?—Нѣтъ. „Эти истины (о царствѣ Божіемъ), говоритъ на это намъ самъ Ренанъ, представляющіяся намъ чисто отвлеченными, для Иисуса были живой дѣйствительностью. Въ его мысляхъ все это имѣетъ конкретную и вещественную форму: Иисусъ самъ былъ человѣкомъ, который наиболѣе твердо вѣрилъ въ реальность своего идеала“. (Тамъ-же). И въ этомъ случаѣ такимъ образомъ Иисусъ проповѣдывалъ не свои отвлеченныя, чисто теоретическія убѣжденія, а себя самого.

Но если такъ, какимъ образомъ въ его сознаніи царство Божіе по преимуществу остается царствомъ духа, и его осуществленіе на землѣ по прежнему соединяется съ мыслью о нравственномъ возрожденіи людей, съ ихъ „истиннымъ обращеніемъ къ правдѣ своего сердца? Представьте, что человѣкъ стремится въ обществѣ водворить свободу и съ этой цѣлію прибѣгаетъ къ насилию. Развѣ онъ будетъ утверждать, что свобода является обнаруженіемъ твердости нравственной природы человѣка? Несомнѣнно, нѣтъ. На внутреннюю природу человѣка онъ будетъ смотрѣть, какъ на величину, не имѣющую никакого значенія въ дѣлѣ историческаго развитія. Въ своей дѣятельности онъ будетъ вдохновляться мыслью, что все въ человѣческой жизни опредѣляется внѣшними формами жизни,

что на нравственную природу человека нужно въ этомъ случаѣ смотрѣть, какъ на „la quantité négligeable“, и что поэтому въ дѣлѣ реформирования человѣческаго общества нужно опираться не на эту саму по себѣ не имѣющую значенія величину, а на высшія формы жизни; стоятъ лишь тѣмъ или другимъ способомъ измѣнить ихъ,—и внутренняя природа человека тотчасъ приметъ соотвѣтственный внѣшнему перевороту обликъ. преобразуются у человека взгляды, обычаи, примутъ новый характеръ его чувствованія, желанія и стремленія. Съ другой стороны, развѣ человекъ, который твердо держится того положенія, что свобода является обнаруженіемъ нравственной мощи, и что потому реформировать человѣческое общество нельзя, не обнавляя человѣческаго сердца, прибѣгнетъ съ цѣлю водворенія свободы на землѣ къ насилию? Какимъ же образомъ Иисусъ, видя, что осуществленіе на землѣ царства Божія съ необходимостью требуетъ осуждаемаго, нравственно чистымъ сердцемъ средства, продолжаетъ по прежнему помѣщать его въ человѣческомъ сердцѣ, „внутри, человека“, продолжаетъ по прежнему стремиться внутреннимъ образомъ создать новое состояніе человека? Развѣ, рѣшаясь съ цѣлю осуществленія своей идеи о царствѣ Божіемъ на обманъ, онъ не долженъ былъ напередъ сказать себѣ: „относительно человѣческаго сердца я былъ ранѣе въ большемъ заблужденіи; я думалъ, что оно можетъ чувствовать свѣтъ и воспринимать идеаль чисто, между тѣмъ въ дѣйствительности оно подно „глуцости, которая желаетъ быть обманутой, дышетъ исключительно злобой, которая требуетъ того, чтобы ее укротили“; поэтому преобразовать человека, можно не свнутри, а лишь со внѣ, чисто внѣшними дѣйствіями и средствами; истинное царство Божіе заключается въ силѣ, власти и господствѣ надъ людьми, чисто внѣшнемъ господствѣ“?

Такимъ образомъ, если бы Иисусъ съ цѣлю осуществленія своей идеи о царствѣ Божіемъ рѣшился на обманъ, въ такомъ случаѣ обязательно царство Божіе въ его сознаніи явилось бы съ характеромъ чисто внѣшняго царствованія надъ людьми; его идеаль сдѣлался бы съ тѣмъ представленіемъ мессіанскаго царства, которое въ это время было общераспространеннымъ,

въ еврейскомъ народѣ; его чудеса отличались бы совершенно другимъ духомъ: они слѣдили бы взоръ толпы, давали бы ей ощущать блескъ и внѣшнюю силу, вызывали бы въ ней дикій энтузіазмъ.

Между тѣмъ находимъ ли мы въ Евангеліяхъ хотя какія нибудь данныя, способныя насъ убѣдить, что дѣло въ дѣйствительности такъ и происходило? Нѣтъ, мы встрѣчаемъ напротивъ совершенно противоположныя свидѣтельства, въ корнѣ разрушающія предположеніе Ренана. Въ Евангеліяхъ есть повѣствованіе объ искушеніи Господа въ пустынѣ. Сорокъ дней и сорокъ ночей Господь постился въ пустынѣ. *На послѣдѣхъ възвалъ.* Тогда приступилъ къ Нему искушитель и сказалъ: *если ты Сынъ Божій, скажи, чтобы камни сіи обратились хлѣбомъ.* Представьте, что гипотеза Ренана правильна, что Иисусъ дѣйствительно въ одно время пришелъ къ сознанию, что Богъ медлитъ проявить Свою волю, что ему поэтому надлежитъ прибѣгнуть къ отчаянному средству; его сознание въ это мгновеніе пронизало бы страшное сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли онъ—Сынъ Божій, и, борясь съ нимъ, онъ сталъ бы стремиться внѣшнимъ образомъ возбудить въ себѣ эту вѣру. Какое бы въ этомъ случаѣ сказаніе объ его искушеніи могло сложиться у его учениковъ? Вѣдь, всякая легенда, какъ то утверждаетъ и Ренанъ, имѣетъ своей основой нѣчто дѣйствительное. Дѣйствительностью же въ этомъ случаѣ являлись бы факты страшнаго, мучительнаго внутренняго сомнѣнія, стремленіе, съ цѣлію избавиться отъ него какимъ бы то ни было образомъ, искусственно повысить свое самосознаніе, возбудить вѣру въ себя. Все это, разумеется, прорывалось бы въ тѣ или другіе моменты сквозь тѣлесную оболочку и обнаруживалось въ извѣстныхъ дѣйствіяхъ. Какое же поэтому сказаніе объ его искушеніи могло бы возникнуть при такихъ условіяхъ у его учениковъ? Несомнѣнно, въ этомъ сказаніи тѣмъ или другимъ способомъ дано было бы почувствовать, что Иисусъ не далъ искушителю возможности посмѣяться надъ своимъ безсиліемъ, что онъ взялъ камень, и послѣдній въ его рукахъ превратился въ хлѣбъ. Между тѣмъ то ли мы читаемъ въ Евангеліи? Иисусъ, говорится здѣсь, сказалъ на это искушителю

въ отвѣтъ: написано: не лѣзъбома однимъ будетъ жить человекъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ (Второз. 8, 3).

Потомъ беретъ Его дьяволъ во святыи горы и поставляетъ Его на крыль храма, и говоритъ Ему: если ты Сынъ Божій, бросься внизъ; ибо написано: Ангеломъ Своимъ заповѣдаетъ о Тебѣ, и на рукахъ понесутъ Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею (Исал. 90, 11—12). Представьте снова гипотезу Ренана правильной. Какое это было бы эффектное для толпы чудо! Какъ оно строго согласовалось съ характеромъ Іисуса, рѣшившаго съ цѣлю осуществленія своей миссіи прибѣгнуть къ обману! Между тѣмъ что, по Евангелію, отвѣчаетъ Іисусъ на это дьяволу?—*„Написано также: не искушай Господа Бога твоего“* (Второз. 6, 16).

Опять беретъ Его дьяволъ на весьма высокую гору, и показываетъ Ему все царства міра и славу ихъ, и говоритъ Ему: все это дамъ тебѣ, если падши поклониши Мнѣ. Снова какъ было бы сообразно съ характеромъ Ренановскаго Іисуса видѣть у своихъ ногъ все царства міра и славу ихъ! Между тѣмъ, по Евангелію, Христосъ говоритъ дьяволу: *отойди отъ Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи* (Второз. 6, 13). (Мѡ. IV. 2—10).

Какъ видите, по Евангельскому повѣствованію объ искушеніи Господа въ пустынѣ Спасителю внушаются искушители какъ разъ тѣ именно мысли, которыя естественно у Него должны были бы возникнуть, если бы въ дѣйствительности Онъ представлялъ Собою, какъ то предполагаетъ несомнѣннымъ Ренанъ, человека, рѣшившагося въ виду жизненной необходимости прибѣгнуть съ цѣлю осуществленія своей идеи о царствѣ Бжжіемъ къ обману. Но эти мысли по Евангелію отвергаются Христомъ. Христосъ видитъ, что предъ Нимъ находится дьяволъ, чувствуетъ, что эти мысли исходятъ изъ чудовищно эгоистическаго сердца сатанинскаго, дыщащаго одной злобой, занятаго исключительно собой и не сознающаго, что надобно поклоняться и служить одному Господу Богу.

Что же это значитъ? Ренанъ это Евангельское повѣствованіе причисляетъ, разумѣется, къ легендамъ. Пусть будетъ

такъ. Но мы уже согласились разбираться въ Евангельской исторіи, руководясь художественнымъ чувствомъ, признавать за легенду то, что внутренно противорѣчиво, къ дѣйствительности же относить все, что внутренно гармонично и составляетъ необходимую часть цѣлаго. Какъ же теперь нужно смотрѣть по справедливости на это повѣствованіе, какъ на легенду или какъ на вполне истинный историческій рассказъ? Повѣствованіе это, какъ сейчасъ показано, составляетъ необходимую часть Евангельскаго образа Христа; что въ немъ передается о Христѣ, безусловно гармонируетъ съ духомъ и направленіемъ всей Его дѣятельности. Между тѣмъ Иисусъ Ренана является образомъ внутренно противорѣчивымъ, не заключающимъ въ себѣ ничего цѣльнаго и законченнаго.

Какой же отсюда образъ Христа нужно дѣйствительно признать легендарнымъ,—Евангельскій или образъ Ренана?

Вдумаемся наконецъ въ отношеніе Христа къ человѣчеству. Становясь чудотворцемъ въ глазахъ толпы, Иисусъ, по гипотезѣ Ренана, долженъ былъ чувствовать надъ собой насиліе невѣжественной толпы, жадно стремящейся ко всему чудесному. Онъ долженъ былъ видѣть себя окруженнымъ толпой, бессмысленной силой, на которую нельзя воздѣйствовать, не давши ей въ свою очередь возможности наложить свой грязный отпечатокъ на свою чистую личность. Онъ долженъ былъ ощущать, какъ эта темная сила проникаетъ въ его душу и ее, живущую чувствомъ непосредственной связи съ идеаломъ, насильственно пригибаетъ къ грязной землѣ.

Какъ же, принимая во вниманіе законы человѣческой психологіи, онъ долженъ былъ бы воздѣйствовать на подобное грубое насиліе надъ собой? Чѣмъ онъ долженъ былъ бы отвѣтить толпѣ на то поруганіе, которое она производила надъ святою святыхъ его личности, заставляя его въ дѣлѣ осуществленія имъ своей миссіи по необходимости прибѣгнуть къ обману?

Поэтъ чувствуетъ, что „заботы суетнаго свѣта“ прижимаютъ его рвущуюся къ идеалу душу, дѣлаютъ его „малодушнымъ и ничтожнѣйшимъ“,—я чѣмъ же онъ отвѣчаетъ толпѣ за это ея насиліе надъ собой?

Идите прочь! говорить онъ. Какое дѣло
Поэту мирному до васъ.
Въ развратѣ каменѣйте смѣло,
Не оживить васъ лиры гласъ!

Какимъ же презрѣніемъ долженъ былъ бы отвѣтить толпѣ Иисусъ, чувствуя, какъ она проявляетъ надъ нимъ свою тираническую власть и пачкаетъ своими грязными руками его безусловно чистое сердце?!

Но видимъ ли мы это? Проявилось ли подобное чувствованіе хотя бы въ какомъ нибудь его дѣйствіи или словѣ? Мы напрасно стали бы искать чего нибудь подобнаго. Во всемъ Евангеліи слышатся звуки, полные безконечной любви къ человѣческому роду; *приидите ко Мнѣ все труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ. Возмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня: ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ; и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго Мое благо, и время Мое легко* (Мѡ. XI. 28—30). Христосъ изгоняетъ торгующихъ изъ храма, обличаетъ книжниковъ и фарисеевъ. Вы видите Его такимъ образомъ негодующимъ на людей, но не видите Его презирающимъ ихъ. Онъ видитъ предъ Собой невѣжественную толпу, обратившую домъ Его Отца Небеснаго въ торжище, видитъ злобу сердца ея слѣпыхъ руководителей, но это зрѣлище не туманитъ Его самосознанія, не отторгаетъ Его отъ Его Отца Небеснаго, не внушаетъ Ему чувства бессилія идеала въ отношеніи къ дѣйствительной жизни. Его взоръ пробиваетъ толстую кору безсмыслия и злобы, покрывающую человѣческую душу, и видитъ за ней то, что и составляетъ истинную природу человѣка, видитъ за всеѣмъ этимъ дѣтей Своего Отца Небеснаго, которыхъ и призываетъ къ свѣту, къ истинной жизни. Презрѣнія никогда не появляется на Его лицѣ. Никогда Онъ не проходитъ мимо человѣка, горделиво замкнувшись въ сознаніи Своей безусловной святости и чистоты. Такую святость и чистоту Онъ напротивъ обличаетъ. Самъ Ренанъ, какъ будто совершенно забывши о тѣхъ мотивахъ, подъ вліяніемъ которыхъ Иисусъ, по его мнѣнію, покорился толпѣ и сталъ въ ея глазахъ чудотворцомъ вопреки своему самосознанію, свидѣтельствуетъ, что его сердце было

полно безконечной любви къ человечеству. „Иисусъ, говоритъ онъ, позналъ истинный градъ Божій, нагорную проповѣдь, апоѳеозъ слабаго, любовь къ народу, любовь къ бѣдности, возвеличеніе того, что унижено, правдиво и наивно. Онъ передалъ намъ это возвеличеніе съ искусствомъ несравненнаго артиста такими чертами, которыя не изгладятся во вѣки. Каждый изъ насъ обязанъ ему лучшей частью своего „я“ (Жизнь Иисуса. Гл. XVII).

Но какимъ образомъ могло бы все это быть, если бы Иисусъ, чувствуя насиліе надъ собой невѣжественной толпы, сознавалъ, что чисто небесный, безусловный идеалъ безсиленъ воздѣйствовать на изменную, совершенно скотскую природу человѣка, что человечествомъ можно управлять лишь при посредствѣ насилія и обмана? Какимъ образомъ онъ могъ бы любить человечество, видя, что оно принижаетъ его духъ, дѣлаетъ его сердце менѣе чистымъ и совершеннымъ?

Но, можетъ быть, любовь Христа къ человечеству была отвлеченной? Можетъ быть, Онъ любилъ „человѣчество“, а не людей, любилъ его въ идеѣ, дѣйствительности которой не переживалъ въ Своемъ сердцѣ?

Нѣтъ. И въ этомъ случаѣ, какъ и вездѣ, Христосъ проповѣдуетъ не теоретическія убѣжденія, а Себя Самого. Не виѣщія правила или предписанія даетъ Онъ людямъ; Онъ обращаетъ ихъ взоръ на себя Самого, зажигаетъ въ ихъ сердцахъ любовь къ Себѣ и тѣмъ самымъ тѣсными, неразрывными узами соединяетъ ихъ съ Своею Личностью. „Я есмь дверь овцамъ, говоритъ Онъ, раскрывая свойства истиннаго Пастыря. Я есмь дверь: кто войдетъ Мною, тотъ спасется, и войдетъ и выйдетъ, и пахнетъ найдеть“ (Іоан. X, 7, 9). „Я есмь воскресеніе и жизнь, говоритъ Онъ въ другое время Марѣѣ, когда послѣдняя на Его слова, что ея братъ (Лазарь) воскреснетъ, отвѣтила: знаю, что воскреснетъ въ воскресеніе, въ послѣдній день; вѣрующій въ Меня если и умретъ, оживетъ. И всякій, живущій и вѣрующій въ Меня, не умретъ во-откъ“ (Іоан. XI, 23—26). „Я есмь истинная виноградная Лоза, а Отецъ Мой Виноградарь, говоритъ Онъ, прощаясь съ Своими учениками. Всякую у Меня отъвь, не приносящую плода, Онъ

отсыкаетъ. и всякую. приносящую плодъ. очищаетъ, чтобы бо.же приносила плода. Вы уже очищены чрезъ слово. которое Я проповѣдалъ вамъ. Пребудьте во Мнѣ. и Я въ васъ. Какъ вѣтвь не можетъ приносить плоды сама собою, если не будетъ на жезлѣ: такъ и вы, если не будете во Мнѣ. Я есмь Лоза. а вы вѣтви; кто пребываетъ во Мнѣ. и Я въ немъ. тотъ приноситъ много плода. и безъ Меня не можетъ дѣлать ничего. Кто не пребудетъ во Мнѣ, извергнется вонъ, какъ вѣтвь, и засохнетъ; а такія вѣтви собираютъ и бросаютъ въ огонь, и снѣ сгораютъ“ (Іоан. XV. 1—6).

Не отвлеchenно такимъ образомъ Христосъ любитъ человечество; Его любовь къ людямъ живое чувство, интимно связывающее ихъ сердца съ Его Личностью. Онъ не закрываетъ Ее отъ людей. не обращаетъ ихъ взоры къ чему нибудь помимо Себя. напротивъ Онъ привлекаетъ ихъ къ Себѣ. дабы они все тѣснѣе и тѣснѣе сближались съ Его Личностью и все глубже и глубже проникали въ Ея сокровенную сущность. Вспомнимъ тотъ отвѣтъ. который Онъ далъ Филиппу, когда послѣдній попросилъ Его показать имъ Отца. „Столько времени Я съ вами, сказалъ Иисусъ, и ты не знаешь Меня, Филиппъ? Видѣвшій Меня видѣлъ Отца; какъ же ты говоришь: покажи намъ Отца? Развѣ ты не видишь, что Я въ Отцѣ, и Отца во Мнѣ?... Вѣрите Мнѣ. что Я въ Отцѣ и Отца во Мнѣ“ (Іоан. XIV. 8—11).

Не отрицаетъ этого и самъ Ренанъ. „Существо дѣла Иисуса заключалось въ томъ. говоритъ онъ. чтобы создать вокругъ себя кругъ учениковъ. которымъ онъ внушилъ безграничную привязанность къ себѣ, и въ грудь которыхъ онъ заронилъ зародышъ своего ученія. Заставить полюбить себя „до такой степени. чтобы и послѣ смерти его не переставали бы любить“, таково было мастерское дѣло Иисуса, и именно это болѣе всего поражало его современниковъ... Человѣкъ дѣлался его ученикомъ: не потому, что вѣрилъ въ то или другое, но потому что привязывался къ его личности и начиналъ его любить“. (Жизнь Иисуса. Гл. XXVIII).

Но какимъ образомъ Иисусъ могъ бы соединять внутренно съ своею личностью человеческое сердце, если бы онъ видѣлъ,

какъ то предполагаетъ Ренанъ, что оно полно одного безсмыслия, которое желаетъ быть обманутымъ, одной злобы, которая требуетъ того, чтобы ее укротили? По какимъ законамъ чело-вѣческой психологiи возможно чело-вѣку обнажать предъ толпой свою личность, зная, что толпа только загрязнить ее? Не подумайте, что Христось о такомъ дѣйствии толпы на чистаго, возвышеннаго чело-вѣка не зналъ. Онъ предупреждаетъ объ этой опасности Своихъ учениковъ. Онъ говоритъ имъ: *„не да-вайте святыни псамъ и не бросайте жемчуга вашего предъ свиньями, чтобъ онъ не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали васъ“* (Мѡ. VII. 6). Какимъ же образомъ Онъ самъ могъ бы дать Свою святыню псамъ, бросить жемчугъ Свой свиньямъ, чтобы онѣ, обратившись, растерзали Его, загрязнили Его чистое, безупречное сердце? Между тѣмъ Христось, если принять предположенiе Ренана о Немъ, какъ о чудотворцѣ по неволѣ, какъ разъ такъ вменно и поступаетъ. Вѣдь, онъ дастъ людямъ Свою Личность и даже ставить внутреннее самое тѣсное сближенiе съ Нимъ необходимымъ усло-вiемъ ихъ истинной жизни. Вспомнимъ Его рѣчь объ истинномъ хлѣбѣ жизни, произнесенную Имъ, не смотря на ропоть не только iудеевъ, но даже и нѣкоторыхъ изъ Его учениковъ. *„Истинно, истинно говорю вамъ, сказалъ Онь: не Моисей далъ вамъ хлѣбъ съ неба, а Отецъ Мой даетъ вамъ истинный хлѣбъ съ небесъ“*. И, разъясняя собравшемуся народу, что такое этотъ истинный хлѣбъ небесный, Онъ прибавилъ: *„Я есмь хлѣбъ жизни; приходящiй ко мнѣ не будетъ алкать, и вѣрующiй въ Меня не будетъ жаждать никогда“*. Эти слова Его вызвали въ народѣ негодованiе; среди толпы послышался протестъ. *„Возроптали на Него iудеи за то, что Онь сказалъ: Я есмь хлѣбъ, спедшiй съ небесъ. И говорили: не Иисусъ ли это, сынъ Иосифовъ, котораго отца и Мать мы знали“*? Какъ же говоритъ Онь: *„Я спедъ съ небесъ“*? Но, не смотря на это, Христось продолжалъ раскрывать, что безъ внутренняго, органическаго соединенiя съ Нимъ чело-вѣкъ не можетъ жить истинной жизнью: *„истинно, истинно говорю вамъ: вѣрующiй въ Меня имѣетъ жизнь вѣчную. Я есмь хлѣбъ жизни. Отцы ваши ѣли манну въ пустынь и умерли; хлѣбъ же,*

сходящій съ небесъ, таковъ, что ядущій не умретъ. Я хлѣбъ живой, спедшій съ небесъ; ядущій хлѣбъ сей будетъ жить во вѣкъ: хлѣбъ же, который Я дамъ, есть Плоть Моя, которую Я отдаю за жизнь мѣра.. Истинно, истинно говорю вамъ: если не будете есть Плоти Сына Человѣческаго и пить Крови Его, то не будете имѣть въ себѣ жизни. Ядущій Мою Плоть и пьющій Мою Кровь имѣетъ жизнь вѣчную, и Я воскресну Его въ послѣдній день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питіе. Ядущій Мою Плоть и пьющій Мою Кровь пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ". (Іоан. VI, 52—56).

Какимъ образомъ у Христа могла явиться подобная мысль, если бы Онъ обстоятельствами Своей собственной жизни былъ принужденъ признать, что управлять человѣчествомъ можно лишь при помощи насилія и обмана? Развѣ видящій предъ собою толпу съ безслысленнымъ взглядомъ и злобнымъ сердцемъ можетъ раскрывать ей свои внутреннія объятія и привлекать ее къ святой святыхъ своей души?

Что же такимъ образомъ намъ остается сказать, если мы, не смотря на все это, желаемъ принять взглядъ Ренана на Іисуса, какъ на чудотворца по неволѣ? Мы должны оставить въ покоѣ законы человѣческой психологіи, а вмѣстѣ съ ними и свое художественное чутье и твердить одно: Іисусъ видѣлъ предъ собою „лицо глупости, которая желаетъ быть обманутой, лицо злобы, которая требуетъ того, чтобы ее укротили"; онъ сознавалъ, что всякая попытка воздѣйствовать на подобное человѣчество можетъ затрясти его, и онъ чувствовалъ въ дѣйствительности, какъ нечистота толпы проникаетъ въ его сердце; но по какой то совершенно страшной и непонятной случайности онъ продолжаетъ и ѣжно любить человѣчество и стремиться воздѣйствовать на него свнутри; на его лицѣ никогда не появлялось чувства великаго презрѣнія къ человѣческому роду; отъ взора людей онъ никогда не скрывалъ своей личности непроницаемыми покровами; онъ стремился напротивъ внутренно сродниться съ ними, привить ихъ къ себѣ, какъ дикую маслину къ благородному отпрыску.

Итакъ, слѣдовательно, понять Христа, какъ только чело-

вѣка, съ цѣлію приблизить Его къ себѣ, мы должны представить Его себѣ какимъ-то узникомъ, безусловно страннымъ существомъ, нарушающимъ всѣ законы дѣйствительности, чуждымъ, совершенно чуждымъ человѣческому сознанию.

Вотъ почему можно признать, что протестантскіе свободные теологи, какъ, напр., Бауръ и Штраусъ подступаютъ съ узко-логической точки зрѣнія хотя и послѣдовательно, обращая всю Евангельскую исторію въ миѳъ, но рѣшительно вопреки исторической достовѣрности. Нѣтъ рѣшительно никакой возможности, признавая Христа обыкновеннымъ человѣкомъ, обрисовать Его личность такими чертами, которыя дѣлали бы ее въ нашихъ глазахъ живой и правдоподобной. Живой личностью Христа можетъ быть только, какъ личность Богочеловѣка; только какъ Богочеловѣка, Христа и можно признать историческимъ фактомъ; при всякомъ же другомъ пониманіи Его личность неизбежно становится „отвлеченной идеей“, простымъ образомъ или символомъ; словомъ тѣмъ продуктомъ бессознательнаго и безличнаго творчества, который имѣетъ значеніе лишь какъ отраженіе идей и настроеній, господствовавшихъ въ массѣ, а не какъ реальность сама по себѣ.

И Боголюбовъ.

(Окончаніе будетъ).

Недостатки классической теории силлогизма.

Греческое слово *Συλλογισμός*—силлогизмъ—значитъ соединеніе сужденій. Въ этомъ смыслѣ его употребляетъ Платонъ, специальный логическій смыслъ ему сообщилъ Аристотель. Онъ опредѣлилъ силлогизмъ такимъ образомъ: силлогизмъ есть такое разсужденіе, въ которомъ, разъ даны нѣкоторыя положенія, изъ нихъ въ силу того, что они установлены, слѣдуетъ съ необходимостію нѣкоторое положеніе отличное отъ нихъ (*Συλλογισμός ἐστι λόγος ἐν ᾧ τιθέντων τιῶν ἕτερον· αἱ ἐξ ἀνάγκης*: Analit. I. I. C. 1). Это опредѣленіе, просуществовавшее болѣе двухъ тысячелѣтій, и теперь оказывается лучшимъ, чѣмъ тѣ, которыми его пытались замѣнить. Только это опредѣленіе болѣе обще, чѣмъ необходимо. Въмѣсто „нѣкоторыя положенія“ можно сказать точнѣе: два положенія, потому что и самъ Аристотель и всѣ послѣдующіе работники по логикѣ подъ силлогизмомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова разумѣли и разумѣютъ разсужденіе изъ трехъ сужденій, въ которомъ, разъ даны два первыхъ, третье вытекаетъ съ необходимостію. Это третье сужденіе называется заключеніемъ силлогизма (*conclusio*, *ἐπιπέραςμα*, *ἐπιφωρά*). Сужденія, изъ которыхъ оно выводится, называются посылками (*προτάσεις*, *τὰ τεθέντα*, *λήμματα*, *propositiones praemissae*). Такъ какъ въ силлогизмѣ три сужденія, и каждое сужденіе есть соотношеніе двухъ понятій, то непосредственный подсчетъ ведетъ повидимому къ тому, что въ силлогизмѣ число понятій можетъ доходить до шести. Но въ дѣйствительности число понятій, надъ которыми оперируетъ силлогизмъ, вдвое менѣе, оно равно тремъ. На самомъ дѣлѣ разъ заключеніе выводится изъ посылокъ, въ немъ не

можетъ быть понятій новыхъ сравнительно съ посылками. Конечно, каждый выводъ долженъ намъ давать новыя понятія, иначе, если бы выводы не обогащали насъ понятіями, ихъ нечего было бы и строить. Но выводъ строится въ формѣ сужденія. Приведемъ такой примѣръ силлогизма. Дѣйствія, вытекающія изъ чисто нравственныхъ побужденій, должны одобряться; нѣкоторыя нарушенія закона вытекаютъ изъ чисто нравственныхъ побужденій; слѣдовательно нѣкоторыя нарушенія закона должны одобряться. Въ этомъ примѣрѣ мы видимъ, что выводъ даетъ не новыя понятія, а новое соотношеніе понятій. Это новое соотношеніе порождаетъ новыя понятія, расширяетъ существующія, но какъ разсужденіе, оно состоитъ изъ понятій уже данныхъ, и ясно, что только изъ данныхъ понятій можетъ образоваться выводъ. Если бы въ немъ были поставлены новыя понятія, то это былъ бы не выводъ, а сообщеніе о новомъ фактѣ. Но если заключеніе не содержитъ въ себѣ соотношенія новыхъ понятій, то значитъ число понятій въ силлогизмѣ не превышаетъ четырехъ. Ночь темна. Я долженъ идти. Вотъ два сужденія, содержащія четыре понятія. Благоразумные люди легко изъ этихъ двухъ сужденій сдѣлаютъ выводъ: слѣдовательно вы должны взять съ собою фонарь. Но не трудно видѣть, что изъ посылокъ это заключеніе не вытекаетъ. Оно получилось потому, что къ этимъ двумъ взаимно несвязаннымъ сужденіямъ мысленно прибавили нѣсколько сужденій: въ темнотѣ можно понасть въ грязь, въ канаву, въ воду. Чтобы этого не случилось, нужно взять съ собою свѣтъ, фонарь, вы должны взять фонарь. Здѣсь уже цѣлое разсужденіе, рядъ предположеній и рѣшеній. Но въ силлогизмѣ выводъ долженъ слѣдовать изъ посылокъ безъ всякихъ мысленныхъ прибавленій къ посылкамъ. Изъ двухъ взаимно несвязанныхъ сужденій или посылокъ не можетъ быть сдѣлано никакого вывода. Ландыши цвѣтутъ. Сократъ былъ мудръ. Между этими двумя сужденіями не видно никакой связи и отсюда слѣдуетъ выводъ, что изъ нихъ нельзя сдѣлать вывода. Конечно, могутъ сказать, что, когда цвѣтутъ ландыши, скучно учить о мудрости Сократа. Связь между этими сужденіями слѣдовательно установить можно, но ея не видно въ данныхъ двухъ

сужденіяхъ. Чтобы она была, нужно, чтобы предположенные сужденія или послышки имѣли одно общее понятіе, которое и устанавливало бы связь между двумя другими понятіями, и эта связь и утверждалась бы въ выводѣ. Но тогда значить послышки заключаютъ въ себѣ три понятія, заключеніе не содержитъ новыхъ понятій; такимъ образомъ, число всѣхъ понятій, надъ которыми оперируетъ силлогизмъ сводится къ слѣдующему: берутся два независимыя понятія, находится третье понятіе, имѣющее связь съ первымъ и вторымъ и при помощи этого третьяго понятія устанавливается связь между двумя первыми. Ни одинъ человекъ не безгрѣшенъ; короли—люди, слѣдовательно, король не безгрѣшенъ. Здѣсь мы взяли два независимыя понятія, безгрѣшность и короли, ихъ нужно связать, беретъ третье понятіе: люди, имъ всѣмъ принадлежитъ, признакъ безгрѣшности и нѣкоторые изъ нихъ короли. Что принадлежитъ всѣмъ, то принадлежитъ и нѣкоторымъ. Силлогизмъ строится на основаніи того принципа, что два понятія имѣющія отношеніе къ третьему обыкновенно имѣютъ отношеніе между собою. Говоримъ обыкновенно, но не всегда. Приведенная форма силлогистическаго принципа очень напоминаетъ арифметическую аксіому: двѣ величины равныя порознь третьей равны между собою. Нѣкоторое расширеніе этой аксіомы покажетъ намъ, что приведенный силлогистическій принципъ не можетъ имѣть всеобщаго значенія. Если двѣ величины находятся въ опредѣленномъ отношеніи къ третьей, то можно найти отношеніе между ними. Мы имѣемъ двѣ величины А и В, которыя находятся въ такомъ отношеніи къ третьей С, что А въ 5 разъ больше С, а В въ 5 разъ меньше С. Чтобы дѣло было ясно, выберемъ подходящія величины. Пусть А равняется 100; В равняется 4; С равняется 20. Данныя намъ условія не опредѣляютъ этихъ величинъ, но онѣ вполне опредѣляютъ отношенія А къ В; А равняется 5С; С равняется 5В; слѣдовательно А въ 25 разъ больше В; 100 дѣйствительно въ 25 разъ больше 4; въ 5 разъ больше 20, а 20 въ пять разъ больше 4. Но имѣя въ виду тѣ же самыя числа, формулируемъ отношенія ихъ иначе. Опредѣлимъ отношеніе А и С къ В такимъ образомъ: А на 96 больше В; С въ 5 разъ больше В

(А равняется В+96; С равняется 5В), отношения А и С къ В опредѣлены, но на основаніи этого опредѣленія совершенно нельзя установить отношенія ихъ между собою, нельзя даже рѣшить, что больше: А или С; у насъ по условію В равняется 4; А равняется 4+96 равняется 100; С равняется 5×4 равняется 20, но вѣдь мы можемъ положить. В равняется 100 и тогда получимъ, что А равняется 196, а С равняется 500. т. е., что С значительно больше В; положимъ В равняется 24; тогда А равняется 120 и С равняется 120. Такимъ образомъ при данныхъ отношеніяхъ А и С и В, эти величины могутъ быть и равны между собою и первая можетъ быть больше второй, и вторая больше первой, т. е. никакого вывода о ихъ взаимоотношеніи мы не получаемъ. Точно также и въ силлогизмѣ отношеніе двухъ понятій къ третьему не всегда можетъ давать основаніе для вывода о взаимоотношеніи этихъ понятій. Гении иногда бываютъ безирравственны. Ньютонъ былъ гений. Мы имѣемъ двѣ посылки, въ которыхъ опредѣляется отношеніе двухъ понятій къ третьему, именно отношеніе понятія безирравственности и Ньютона къ геніальности. Но вывода изъ этихъ двухъ посылокъ мы никакого сдѣлать не можемъ. Мы знаемъ, что Ньютонъ былъ высоко нравственный и глубоко религіозный человѣкъ. Данная посылка не даетъ основаній ни для утвержденія, ни для отрицанія этого. Повидимому изъ данныхъ посылокъ можно сдѣлать такой выводъ: Ньютонъ могъ быть безирравственнымъ человѣкомъ. Но это выводъ предположительный и невѣрный, между тѣмъ силлогизмъ какъ дедукція, характеризуется тѣмъ, что его выводы категоричны и при истинности посылокъ—что мы имѣемъ и въ настоящемъ случаѣ—несомнѣнно истинны.

Понятіе, которое въ силлогизмѣ устанавливаетъ связь между двумя другими понятіями, носитъ имя средняго термина (*terminus medius*). Очевидно, оно не должно входить въ заключеніе силлогизма, такъ какъ задача заключенія опредѣлить связь между тѣми понятіями, между которыми она не указана въ посылкахъ. То понятіе, которое въ заключеніи является сказуемымъ, называется большимъ терминомъ (*terminus major*). Понятіе, являющееся въ заключеніи подлежащимъ, называется

меньшимъ терминомъ (*terminus minor*). Посылка съ большимъ терминомъ называется большею, съ меньшимъ—меньшею. Чтобы легче выяснить, при какихъ отношеніяхъ двухъ понятій къ третьему нельзя дѣлать никакого вывода, нужно припомнить дѣленіе сужденій на общеутвердительныя, частноутвердительныя, общеотрицательныя и частноотрицательныя. Эти сужденія обозначаются буквами: А, І (*affirmo*—утверждаю А—общеутвердительныя, І—частноутвердительныя); и Е, О (*negō*—отрицаю; Е—общеотрицательныя, О—частноотрицательныя). Ясно, что когда отношеніе понятій къ среднему термину отрицательное, вывода быть не можетъ. Ни одинъ русскій—не французъ, ни одинъ турокъ—не французъ. Средній терминъ въ этихъ двухъ посылкахъ—французъ, но такъ какъ объ остальныхъ понятіяхъ мы узнаемъ только, что они не это—понятіе, то взаимоотношеніе ихъ остается неопредѣленнымъ. Обозначимъ средній терминъ черезъ М, два другихъ понятія черезъ А и В. Очевидно М въ посылкахъ можетъ занимать четыре различныя положенія: быть въ первой подлежащимъ и во второй сказуемымъ, быть въ обѣихъ посылкахъ сказуемымъ, быть въ обѣихъ подлежащимъ, быть—въ первой сказуемымъ, во второй подлежащимъ. Отрицательное отношеніе А и В къ среднему термину выразится тогда въ такихъ формулахъ: М не А, В не М, люди не ангелы, обезьяны—не люди. А не М, В не М (приведенный примѣръ о русскомъ и туркѣ). М не А, М не В; ни одинъ магометанинъ не славится въ настоящее время какъ ученый, ни одинъ магометанинъ не живетъ на полюсахъ. А не М, М не В, люди—не центавры, центавры не существуютъ. Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ мы брали сужденія въ формѣ Е (общеотрицательной), но легко провѣрить, что если ихъ брать и въ формѣ О (частноотрицательной), тоже не можетъ получиться никакого вывода. Изъ того, что всѣ А не В и всѣ М не В, слѣдуетъ по крайней мѣрѣ тотъ выводъ, что если мы расклассифицируемъ ихъ на двѣ группы: М и не М, А и В окажутся вмѣстѣ во второй группѣ, но изъ того что нѣкоторыя А не М, нѣкоторыя В не М, не слѣдуетъ даже и такого скромнаго вывода. Какъ нельзя сдѣлать вывода изъ двухъ отрица-

тельных посылокъ, такъ нельзя его слѣлать и изъ двухъ посылокъ частныхъ. Изъ того, что нѣкоторая часть А есть М и нѣкоторая часть В есть М (нѣкоторые русскіе высокообразованы, нѣкоторые англичане высокообразованы) ничего не слѣдуетъ о взаимоотношеніи А и В. Тѣмъ менѣе можетъ слѣдовать какой либо выводъ изъ того, что нѣкоторая часть А есть М, а нѣкоторая часть В не есть М. Вообще значить, сочетанія сужденій Е и Е, Е и О, І и І, І и О не даютъ никакого вывода.

Если посылки силлогизма заключаютъ въ себѣ четыре различныхъ понятія (2 различныхъ подлежащихъ и 2 различныхъ сказуемыхъ), между ними не существуетъ никакой связи, и потому выводъ невозможенъ. Если посылки силлогизма заключаютъ въ себѣ два понятія, тогда онѣ тождественны и изъ нихъ нельзя установить новаго взаимоотношенія понятій, какъ невозможно установить такое взаимоотношеніе изъ одного сужденія. Для силлогизма требуется три понятія. Но не всякое взаимоотношеніе и трехъ понятій можетъ дать матеріалъ для вывода. Предыдущее разсужденіе разъяснило, что для полученія вывода требуется, чтобы по крайней мѣрѣ одна посылка была общей и одна посылка была утвердительной. Эти положительныя требованія вытекаютъ изъ того отрицательнаго факта, что изъ двухъ отрицательныхъ посылокъ и изъ двухъ частныхъ не слѣдуетъ никакого вывода. Мы знаемъ, что существуетъ четыре типа сужденій: А, Е, І, О. Если мы будемъ соединять ихъ по два, то получимъ слѣдующія шестнадцать комбинацій посылокъ:

аа,	еа.	іа,	оа,
ае.	ее,	іе,	ое,
аі,	еі,	іі,	оі.
ао,	ео.	іо,	оо.

Первая посылка здѣсь разумѣется большая (содержащая сказуемое заключенія), вторая посылка—меньшая (содержащая подлежащее заключенія). Изъ изложеннаго слѣдуетъ, что комбинаціи ее, ео, іі, іо, ое, оо, оі, ое не могутъ дать выводовъ. Кроме этого невозможна еще комбинація іе. Обратная комби-

нація еі возможна. Ни одна рыба не жпветъ на сушѣ. Нѣкоторыя рыбы летаютъ, слѣдовательно, нѣкоторыя летающія существа не живутъ на сушѣ. Но смыслъ комбинаціи іе совѣмъ иной. Понятіе, которое становится въ заключеніи сказуемымъ, обозначается буквой Р (praedicatum, предикатъ), понятіе, которое въ заключеніи является подлежащимъ, обозначается буквой S (subjectum, субъектъ), средний терминъ буквой М (medius). Комбинація іе по этой номенклатурѣ будетъ обозначать: 1) нѣкоторыя М суть Р или нѣкоторыя Р суть М; 2) ни одно М не есть І или ни одно І не есть М. По условію выводъ долженъ быть І есть Р или не есть Р, или нѣкоторыя S суть Р или не суть Р. Непосредственное разсмотрѣніе показываетъ, что такого вывода изъ данныхъ посылокъ сдѣлать нельзя. Такимъ образомъ мы уже получили, что изъ теоретически возможныхъ 16 комбинацій 8 практически не осуществимы. Болѣе подробное разсмотрѣніе легко можетъ показать, что при различномъ положеніи средняго термина оказываются возможными далеко не всегда и остальные 8 комбинацій. Средній терминъ, какъ мы сказали, можетъ занимать 4 различныхъ положенія въ посылкахъ: 1) быть подлежащимъ въ большей и сказуемымъ въ меньшей; 2) быть сказуемымъ въ обоихъ посылкахъ; 3) быть подлежащимъ въ обоихъ; 4) быть сказуемымъ въ большей и подлежащимъ въ меньшей посылкахъ. Сообразно съ различіемъ положенія средняго термина различаютъ четыре фигуры силлогизма.

1. MP.	2. PM.	3. MP.	4. PM.
SM.	SM.	MS.	MS.

У Аристотеля изслѣдуются и обсуждаются только три первыя фигуры. Четвертая, прибавленная въ логикахъ, впоследствии, носитъ имя галеновской (отъ врача Галена). Не безъ основанія полагаютъ, что Аристотель не ввелъ четвертой фигуры не потому, что ея не замѣтилъ, а потому что ея не признавалъ. Умозаключенія по этой фигурѣ такъ натянуты и противоестественно, что нѣкоторые рѣшительно утверждаютъ, что по этой фигурѣ никто и никогда не мыслить (см. напримѣръ статью о силлогизмѣ въ философскомъ словарѣ Франка,

на французскомъ языкѣ). Но вообще логика уже давно и твердо разработала ученіе о четырехъ фигурахъ силлогизма. Мы произведемъ теперь ихъ краткое обзорѣніе.

1-я фигура: MP, SM. SP. Мы установили, что изъ 16 комбинацій посылокъ 8 невозможны вообще. Непосредственное разсмотрѣніе первой фигуры показываетъ, что въ ней невозможны еще нѣкоторыя комбинаціи, именно невозможно, чтобы большая посылка была частною (нѣкоторыя М суть или не суть Р) и чтобы меньшая посылка была отрицательною, т. е. невозможны комбинаціи ia, oa, ae, ao. Возможными остаются четыре комбинаціи aa, ea, ai, ei. Средніе вѣка усердно занимались мнемоническою техникою, придумываніемъ словъ и стиховъ. благодаря которымъ удобно было бы запоминать тѣ или другія правила, эта техника придумала слова и для обозначенія характера сужденій, входящихъ въ составъ силлогизма. Гласныя этихъ совершенно бессмысленныхъ словъ опредѣляютъ характеръ силлогистическихъ сужденій. Первая фигура допускаетъ четыре комбинаціи посылокъ, каковыя комбинаціи называются модусами и обозначаются и слѣдующими словами. *Barbara*, *Celarent*, *Darii*, *Ferio*.

Barbara. Всѣ люди ошибаются. Ученые люди. Слѣдовательно ученые ошибаются. Всѣ сужденія здѣсь общеутвердительныя и обозначаются гласною А.

Celarent. Никакое вещество не мыслить. Мозги есть вещество. Слѣдовательно мозги не мыслятъ.

Darii. Грибы суть растенія. Нѣкоторые яды суть грибы. Слѣдовательно нѣкоторые яды суть растенія.

Ferio. Примѣры приводимые въ логикахъ для этого модуса обыкновенно довольно странны. Таковы: никакой грѣхъ не позволителенъ. Нѣкоторые поступки суть грѣхи. Слѣдовательно нѣкоторые поступки не позволительны. Стоило ли городить огородъ для такого умозаключенія. Грѣхъ есть поступокъ не согласный съ требованіями религіи или нравственности. Слѣдовательно данное умозаключеніе можно представить въ такой формѣ: поступки, несогласныя съ требованіями религіи и нравственности, недозволительны; отсюда слѣдуетъ, что нѣкоторые поступки недозволительны. Здѣсь нѣтъ никакого силлогизма,

потому что здѣсь всего два понятія и вторая посылка совсѣмъ не нужна (этотъ примѣръ изъ Логики Карпова, стр. 188). Вотъ другой примѣръ (изъ Логики Владиславлева. 2-е изданіе, стр. 10). „Ни одна слабость не можетъ дѣйствительно принадлежать божеству; греческая мифологія иногда приписываетъ своимъ богамъ многія такія слабости; слѣдовательно, греческая мифологія въ нѣкоторыхъ случаяхъ говоритъ о томъ, что дѣйствительно божеству приписываемо быть не можетъ. Въ этомъ примѣрѣ прямо видно лукавство составителя. Ему нужно по условію модуса, чтобы вторая посылка была частною, поэтому онъ говоритъ: греческая мифологія *иногда* приписываетъ богамъ *многія* слабости. Это—*иногда* и *многія* характерны для автора. Греческая мифологія *вообще* приписываетъ богамъ слабости—понятно не въ каждомъ мифѣ и не въ каждой части мифа. Отсюда и выводъ долженъ имѣть не частный, а общій характеръ. Вообще, это прямой примѣръ на Celarent, и авторъ искусственно и неестественно натягиваетъ его на Ferio. Можно привести на ferio такой примѣръ: Въ нѣкоторыхъ странахъ никогда не идетъ дождь. Нѣкоторыя растенія растутъ въ этихъ странахъ. Слѣдовательно нѣкоторыя растенія никогда не имѣютъ нужды въ дождѣ. Но мы увидимъ, что этотъ примѣръ ближе подходитъ къ другому модусу, другой фигуры, однако и теперь можно видѣть на немъ искусственность обычной теоріи силлогизма. По теоріи средней терминъ долженъ быть или подлежащимъ или сказуемымъ, но въ данномъ примѣрѣ онъ—обстоятельство мѣста. Логически очень понятно, какъ таковой терминъ можетъ установить связь между двумя другими. Одинъ фактъ оказывается никогда не связывается съ этимъ мѣстомъ (дождь), другой (растительность) иногда связывается, отсюда выводъ, что между этими фактами не существуетъ необходимой связи. Этотъ примѣръ, естественно подсказываетъ мысль, что средней терминъ можетъ быть обстоятельствомъ времени и т. п. и что классическая теорія силлогизма слишкомъ упростила взаимоотношеніе S, P и M. Постараемся на разсмотрѣннн слѣдующихъ фигуръ ближе выяснитъ недостатки ихъ теоріи

2-я фигура: PM, SM, SP. Кромѣ S вообще недопустимыхъ

комбинацій посылокъ въ этой фигурѣ недопустимы комбинаціи, въ которыхъ большая посылка частная (ia, oa) или обѣ посылки утвердительныя (aa, ai); остаются 4 комбинаціи (aa, ae, ei, ao, которыя обозначаются словами: Cesare, Camestres, Festino, Baroco. Какъ показываютъ эти слова, заключенія по всѣмъ модусамъ этой фигуры отрицательныя.

Cesare. Дѣйствія въ состояніи аффекта (возбужденія, волненія) не опредѣляются предварительно обдуманнми намѣреніями. Добродѣтели имѣютъ своимъ основаніемъ намѣренія. Следовательно, добродѣтели не аффекты. Этотъ примѣръ приводится во многихъ курсахъ логикъ съ нѣкоторыми вариациями. Анализируя его, мы опять можемъ видѣть, что существующая теорія силлогизма не помогаетъ мысли, а напротивъ препятствуетъ ея нормальному развитію. На самомъ дѣлѣ приведенныя посылки даютъ матеріалъ для плодотворнаго вывода. Въ состояніи аффекта человекъ вѣдь можетъ сдѣлать и большее добро: много пожертвовать бѣднымъ или на какое-либо полезное учрежденіе. Точно также въ состояніи аффекта человекъ можетъ совершить преступленіе и даже убійство. Аффективное состояніе служитъ смягчающимъ или даже оправдывающимъ обстоятельствомъ для виновнаго. Но отсюда естественно подсказывается мысль, что если злая дѣянія въ этомъ состояніи невмѣняемы, то должны быть признаны невмѣняемыми и добрыя. Установивъ, что добродѣтели—нормальное условіе добрыхъ дѣлъ—вырабатываются сознательно и разумно, естественно должны придти къ выводу, что дѣйствія въ состояніи аффекта—хотя бы и добрыя—не добродѣтели. Но по теоріи силлогизма въ данномъ случаѣ подлежащимъ заключенія должно быть подлежащее второй посылки (добродѣтели), а сказуемымъ подлежащее первой (аффекты). Отсюда получается выводъ довольно безсодержательный, что нормальная дѣятельность духа (добродѣтельная) не есть патологическая (аффективная). Для полученія такого вывода вовсе не требуется ухищреній мысли, между тѣмъ вопросъ о нравственной оцѣнкѣ дѣйствій въ состояніи аффекта имѣетъ важное значеніе и для рѣшенія его стоитъ построить и не одинъ силлогизмъ.

Camestres. Истинно народное произведеніе узнается по его

непосредственности, простотѣ, наивности. Изданныя Макферсономъ пѣсни, какъ принадлежащія древнему народному пѣвцу Оссіану, этими качествами не отличаются (онѣ сентиментальны). Слѣдовательно, пѣсни, изданныя Макферсономъ, Оссіану не принадлежатъ (подложны). Такъ, по Camestres могутъ быть совершенно правильно построены выводы исторической критики. Можно показать, что умозаключенія по этому модусу оказывались плодотворными и въ естественныхъ наукахъ. Для Camestres въ логикахъ приводятъ такой примѣръ. Тѣла солнечной системы должны вполнѣ опредѣлять путь Урана. Извѣстныя тѣла не опредѣляютъ вполнѣ этотъ путь (онѣ не совпадаютъ съ тѣмъ, который опредѣляется вычисленіемъ); слѣдовательно извѣстныя намъ тѣла—не все тѣла солнечной системы. Таковъ выводъ, который въ первой половинѣ XIX столѣтія одновременно привелъ Леверье и Адамса къ открытію Нептуна. Но не трудно видѣть, что въ этомъ силлогизмѣ есть искусственность, и позволительно усомниться, чтобы мысль Леверье или Адамса *воплотъ* двигалась по этой схемѣ. Уранъ уклонялся въ своемъ пути отъ того движенія, которое теоретически опредѣляли астрономы, уклоненіе могло быть лишь слѣдствіемъ притяженія Урана какимъ то не принятымъ въ расчетъ, слѣдовательно неизвѣстнымъ тѣломъ. Характеръ и направленіе уклоненія Урана опредѣляли мѣсто нахождения проблематическаго тѣла (планеты Нептуна). Таковъ, кажется, естественный ходъ мыслей, онѣ не вполнѣ отвѣчаютъ силлогизму Camestres, но онѣ близокъ къ нему и по содержанию тождествененъ.

Festino. Честолюбивые люди не живутъ въ праздности. Нѣкоторые богачи живутъ въ праздности. Слѣдовательно, нѣкоторые богачи не честолюбивы.

Baroco. Люди строго нравственные не прибѣгаютъ къ обманамъ. Нѣкоторые великіе политики къ нимъ прибѣгали. Слѣдовательно, нѣкоторые великіе политики не были строго нравственными людьми. Какъ показываютъ приведенные примѣры, вторая фигура силлогизма есть фигура отрицанія. Все выводы, которые дѣлаются по ней, отрицательны. Ея назначеніе, такъ сказать, отсѣивать ложныя предположенія: ошибочныя теоріи,

гипотезы, вскрывать подлоги, констатировать неудовлетворительность работъ. Въ примѣрѣ на Camestres о движеніи Урана какъ бы получается, что ея отрицанія могутъ послужить базисомъ для положительныхъ выводовъ. Но во всякомъ случаѣ это—не ея задача, ея дѣло—отвергать ту ложь, которая префильтровывается въ науку и жизнь. Установленіе положительныхъ истинъ совершается при помощи другихъ логическихъ приѣмовъ.

3-я фигура. MP. MS. SP. Положеніе средняго термина въ этой фигурѣ требуетъ, чтобы меньшая посылка не была отрицательною. Этимъ изъ 8 возможныхъ модусовъ исключаются ae и ao, остаются: aa, ea, ia, ai, oa, ei, они обозначаются слѣдующими словами: Darapti, Felapton, Disamis, Datisi, Bacardo, Ferison.

Darapti. Калій плаваетъ въ водѣ. Калій есть металлъ. Слѣдовательно, нѣкоторые металлы плаваютъ въ водѣ. Другой примѣръ. Всѣ киты млекопитающіеся. Всѣ киты морскія животныя. Слѣдовательно, нѣкоторыя морскія животныя—млекопитающіеся. (1-й примѣръ изъ логики Свѣтлицина, стр. 65, 2-й—изъ логики Эльзенганса, стр. 149). Анализируя эти примѣры (совершенно аналогичные имъ приводятся и въ другихъ курсахъ), мы видимъ, что они подобно и умозаключеніямъ по нѣкоторымъ другимъ модусамъ искусственны. Искусственны собственно выводы. Металлъ калій плаваетъ въ водѣ. Выводъ дѣлаемый отсюда: нѣкоторые металлы плаваютъ въ водѣ—и затемняетъ и искажаетъ фактъ. Затемняетъ, потому что выводъ не называетъ никакого металла плавающего въ водѣ, и искажаетъ, потому что единственный фактъ превращаетъ въ множественное число: металлъ калій становится нѣкоторыми металлами. Въ рѣчи о китахъ тоже самое: подъ нѣкоторыми морскими животными мысль должна разумѣть различные роды животныхъ и опять таки неизвѣстно какихъ. На самомъ дѣлѣ посылки Darapti ведутъ не къ частно утвердительному заключенію, а къ отрицанію нѣкоторыхъ общихъ, какъ утвердительныхъ, такъ и отрицательныхъ положеній: всѣ млекопитающіеся—животныя сухопутныя, всѣ металлы—тяжелѣе воды, ни одно млекопитающее не живетъ на сушѣ, ни одинъ ме-

такая не плаваетъ въ водѣ. Dagarti можетъ вообще верѣдко лавать отрицательную инстанцію противъ неправильныхъ обобщеній. Установивъ, что извѣстный предметъ или существо принадлежитъ къ такому то классу, потомъ во второй посылкѣ устанавливаются, что этому предмету или существу принадлежитъ признакъ, который считается непринадлежащимъ указанному классу (признакъ легкости у калия), отсюда выводъ о неправильности прежней характеристики класса.

Fclapton. Ведды не имѣютъ религіи. Ведды—человѣческое племя. Следовательно, нѣкоторыя человѣческія племена не имѣютъ религіи. Первая посылка этого силлогизма проблематична. Авторъ настоящаго разсужденія склоненъ думать даже, что прямо невѣрна. Но мнѣ пришлось уже говорить, что если бы она была вѣрна, то получился бы важный выводъ. Однако онъ опять подсказывается не въ той формѣ, какой требуетъ силлогистическая теорія. Выводъ опять такой же, какого требуетъ и Dagarti, что нѣкоторое установленное обобщеніе (по приведенному примѣру: всеъ человѣческія племена имѣютъ религію) должно быть опровергнуто, какъ ошибочное.

Disamis. Нѣкоторыя рыбы летаютъ. Рыбы живутъ въ водѣ. Следовательно, нѣкоторыя существа живущія въ водѣ летаютъ. Нетрудно видѣть, что выводъ здѣсь по своему содержанію бѣдиже посылки: нѣкоторыя рыбы летаютъ.

Datisi. Всеъ борвшіеся за освобожденіе негровъ дѣлали славное дѣло. Нѣкоторые борвшіеся за освобожденіе негровъ дѣйствовали по своекорыстнымъ разчетамъ. Следовательно, нѣкоторые дѣйствовавшіе по своекорыстнымъ разчетамъ дѣлали славное дѣло. Выводъ этотъ богатъ содержаніемъ. Имъ устанавливается тезисъ, что иногда безчестными дѣлами обусловиваются честныя дѣянія. Поучительно сопоставить выводы по *Datisi* съ выводами по *Disamis*. По *Datisi* оказалась возможнымъ привести въ любопытное соотношеніе безчестныя намѣренія съ честными дѣлами. Въ *Disamis* выводъ оказался менѣе содержательнымъ, чѣмъ первая посылка. Очевидно, что когда сказуемое заключенія является сказуемымъ при среднемъ терминѣ взятомъ въ части объема (нѣкоторыя М суть Р), заключеніе, хотя теоретически и возможно, но практически без-

содержательно, оно совершенно подобно не собственнымъ умозаключеніямъ изъ одной посылки. Живущія въ водѣ рыбы летаютъ. Выводъ: нѣкоторыя существа живущія въ водѣ летаютъ.

Bocardo. Нѣкоторые высокообразованные люди не исполняютъ требованій самой элементарной нравственности. Всѣ высокообразованные люди понимаютъ законность самыхъ высокихъ нравственныхъ требованій. Слѣдовательно, нѣкоторые понимающіе законность самыхъ высокихъ нравственныхъ требованій не исполняютъ требованій нравственныхъ самыхъ элементарныхъ. Въ логикахъ нѣкоторые пытаются сближать модусъ *Bocardo* съ модусомъ *Disamis*, полагая все различіе въ томъ, что мѣста частно-утвердительныхъ сужденій *Disamis* въ *Bocardo* замѣщаются частно-отрицательными. Но не трудно видѣть, что въ то время какъ *Disamis* даетъ выводы безсодержательные, *Bocardo* можетъ давать содержательные.

Perison. Ни одинъ человекъ не прожилъ жизнь безгрѣшно. Нѣкоторые люди достигали святости. Слѣдовательно, нѣкоторые достигшіе святости не прожили жизнь безгрѣшно. Нетрудно видѣть, что и въ этомъ модусѣ въ силлогистическія рамки плохо укладывается человѣческая мысль. Если ни одинъ человекъ не безгрѣшенъ, то слѣдовательно и не одинъ святой человекъ не безгрѣшенъ. Вотъ выводъ слѣдующій изъ данныхъ посылокъ, но модусъ требуетъ другого вывода—частно—отрицательнаго и получается: нѣкоторыя существа достигшія святости не прожили безгрѣшно. Христіанинъ въ защиту слова нѣкоторыя можетъ конечно сказать, что религія кромѣ святыхъ людей мыслитъ еще святыхъ ангеловъ, которые могутъ быть безгрѣшны. Но не поднимая богословскихъ споровъ, должно замѣтить, что изъ посылокъ слѣдуетъ выводъ о всѣхъ святыхъ людяхъ, а выводъ утверждаетъ его лишь о нѣкоторыхъ. Такое ограниченіе вывода не оправдывается никакими разумными соображеніями: изъ посылокъ должно выводить не больше и не меньше того, что изъ нихъ слѣдуетъ. Признавая силлогизмъ важнѣйшимъ приемомъ нашего мышленія, обуславливающимъ возможность всѣхъ другихъ приемовъ, мы анализомъ приводимыхъ и вообще возможныхъ примѣровъ силлогизма имѣемъ въ виду показать, что существующая теорія

силлогизма, имѣющая, нужно замѣтить, давность болѣе двухъ тысячелѣтій. нуждается въ радикальной переработкѣ. Основной недостатокъ силлогистическихъ модусовъ, думаемъ, читателями уже подмѣченъ. Они неестественно упрощаютъ дѣло, они представляютъ сужденія состоящими лишь изъ подлежащаго и сказуемаго, но въ сужденіяхъ бываютъ еще опредѣленія, дополненія и обстоятельственные слова и нерѣдко не въ единственномъ числѣ, причемъ эти второстепенныя части предложенья иногда бываютъ связующими звеньями понятій, а иногда понятіями входящими въ заключеніе. Три обозначенія M, S и P оказываются слишкомъ недостаточными для того, чтобы вполне охарактеризовать посылки и прибѣгаютъ къ неестественнымъ натяжкамъ. чтобы оправдать существующія формулы. Былъ приведенъ примѣръ на 4-ый модусъ (Festio) первой фигуры: въ нѣкоторыхъ странахъ никогда не идетъ дождь. Нѣкоторыя растенія растутъ въ этихъ странахъ. Следовательно, нѣкоторыя растенія никогда не имѣютъ нужды въ дождѣ. Могутъ сказать, что этотъ примѣръ подходитъ подъ модусъ Festino второй фигуры. Средній терминъ въ обоихъ посылкахъ является сказуемымъ: въ 1-ой посылкѣ сказуемое: въ нѣкоторыхъ странахъ никогда не идетъ (M), подлежащее—дождь (P—сказуемое заключенія); во 2-ой посылкѣ: сказуемое—въ этихъ странахъ иногда растутъ (M), подлежащее—нѣкоторыя растенія (S—подлежащее заключенія). Теорія такимъ образомъ требуетъ, чтобы мы отождествили: не идетъ и растутъ, дождь и не имѣютъ нужды въ дождѣ. Ясно, что эта логическая теорія крайне нелогично упрощиваетъ мысль и фактъ. Вотъ почему нѣкоторые модусы оказываются такими противоестественными. Думаемъ, что причиной, почему создавалась такая несовершенная теорія силлогизма, было психологическое уцѣпленіе. Работавшіе надъ силлогистической теоріей не наблюдали, какъ на самомъ дѣлѣ текутъ у нихъ мысли и какъ движется мысль у другихъ, къ сложившимся у нихъ выводамъ они искусственно подыскивали основанія, а стремленіе къ превеличенной простотѣ, крайне сузивъ рамки, въ которыя должна укладываться мысль, еще болѣе отвело ихъ отъ представленія естественныхъ и нормальныхъ мыслительныхъ процес-

совъ... эти недостатки силлогизма, дающіе себя чувствовать въ трехъ первыхъ фигурахъ, особенно характерно выступаютъ въ 4-ой фигурѣ. Ея формула РМ, MS, SP. Положеніемъ средняго термина обуславливается, что въ ней ни одна посылка не можетъ быть частно-отрицательной (o) и при обще-утвердительнои большей посылкѣ не можетъ быть частно-утвердительнои (i) меньшей. Этимъ изъ восьми возможныхъ комбинацій устраняются ao, oa, и ai, остаются: aa, ae, ia, ea, ei, онѣ обозначаются слѣдующими пятью словами: *Bamalio*, *Calemes*, *Dimatis*, *Fesapo*, *Fresison*.

Bamalio. Почему то такое на этотъ модусъ въ логикахъ очень различнаго времени и мѣста происхожденія упорно приводится одинъ и тотъ же примѣръ—хотя и съ различными вариациями—о дурныхъ проводникахъ тепла. Шерстяныя одежды поддерживаютъ тепло въ тѣлѣ. Предметы, поддерживающіе тепло въ тѣлѣ, дурные проводники тепла. Слѣдовательно, нѣкоторые дурные проводники суть одежды изъ шерсти. Никто конечно на самомъ дѣлѣ не станетъ умозаключать такимъ образомъ, а построить заключеніе иначе. Изъ данныхъ посылокъ онъ выведетъ, что шерстяныя одежды—дурные проводники тепла. И выводъ такъ построенный имѣетъ цѣнность. Положимъ, какая нибудь матерія, матеріаль который неизвѣстна, оказалась хорошо защищающею отъ холода. Отсюда на основаніи общаго положенія, что такія вещества должны защищать и отъ тепла, такъ какъ они медленно нагрѣваются, ее утилизируютъ для послѣдней цѣли (покрытія погребовъ и т. п.). Но если построить выводъ такъ, то окажется, что сказуемое заключенія взято изъ посылки, гдѣ средній терминъ является подлежащимъ, а подлежащее взято оттуда, гдѣ средній терминъ служитъ сказуемымъ. Но это будетъ не *bamalio*, а *barbara* первой фигуры. *Bamalio* на самомъ дѣлѣ—декоративное украшеніе логики, никому и ни на что не нужное.

Calemes. Истинный христіанинъ прощаетъ своихъ враговъ. Прощающій своихъ враговъ не вредитъ имъ. Слѣдовательно, кто вредитъ своимъ врагамъ, тотъ—не истинный христіанинъ.

Dimatis. Иногда пріятное бываетъ предосудительно. Все предосудительное вредно. Слѣдовательно, иногда вредное бы-

васть пріятнымъ. Другой примѣръ. Нѣкоторыя работы соотвѣтствуютъ нашимъ склонностямъ. Что соотвѣтствуетъ нашимъ склонностямъ, то пріятно. Слѣдовательно, нѣчто пріятнее есть работа. Опять, какъ и въ приведенномъ примѣрѣ на *Вамалис*, ясно чувствуется, что нестѣсенная теоріей мысль построила бы выводъ иначе. Въ первомъ примѣрѣ, что пріятное иногда бываетъ вреднымъ, въ второмъ, что нѣкоторыя работы пріятны. Но это были бы тогда умозаключенія по модусу первой фигуры *Darii*. А здѣсь создали новый модусъ. Получается онъ самымъ примитивнымъ образомъ: въ заключеніи *Darii* сказуемое поставляется на мѣсто подлежащаго, подлежащее на мѣсто сказуемаго. У насъ на *Darii* былъ приведенъ такой примѣръ. Грибы суть растенія. Нѣкоторые яды суть грибы. Слѣдовательно, нѣкоторые яды суть растенія. Въ этомъ примѣрѣ мы можемъ вывести умозаключеніе по *Dimatis* и получимъ, что нѣкоторыя растенія суть яды. Для части объема сказуемаго подлежащее всегда можетъ служить сказуемымъ, поэтому *Dimatis* всегда можно замѣнить *Darii* и *Darii* замѣнить *Dimatis*. Но не трудно видѣть, что *Darii*, а не *Dimatis* даетъ непосредственно болѣе или менѣе содержательные выводы. Замѣна въ сужденіи: нѣкоторые грибы суть яды, слова грибы словомъ растенія дѣлаетъ сужденіе только менѣе опредѣленнымъ. Въ *Darii* же въ томъ же примѣрѣ мысль направляется на классификацію ядовъ (растительные, минеральные).

Резюме. Ни одинъ скромный человѣкъ не высокоуменъ. Всѣ высокоумные люди ограничены. Слѣдовательно, нѣкоторые ограниченные люди нескромны (примѣръ изъ логики Эльзенганса, стр. 151). Чтобы получить такой выводъ, первая посылка должна заключать мысль: высокоуміе есть нескромность. На самомъ дѣлѣ, если само по себѣ высокоуміе не есть нескромность, то совершенно нельзя понять, почему оно непременно соединяется съ нескромностью. Смысль второй посылки: высокоуміе всегда соединяется съ ограниченностью. Отсюда равно вытекаетъ, что и нѣкоторые нескромные люди ограничены и что нѣкоторые ограниченные люди нескромны. Но это будутъ оба вывода по *Darapti*, причемъ то одна, то другая посылка признается болѣею. Но оба эти вывода до-

вольно малоцѣнны и естественнѣе подсказывается иной болѣе полезный. что умныхъ людей нужно искать среди невысокомѣрныхъ, но для этого вывода достаточно одной посылки.

Fresison. Ни одно лицо не есть вещь. Нѣкоторые вещи драгоценны. Слѣдовательно, нѣчто драгоценное не есть лицо. (Изъ логики Карпова, стр. 196). Примѣръ этотъ формально правиленъ, но онъ представляетъ собою не образецъ выясненія истины, а наоборотъ—образецъ ея затемнѣнiя. Онъ играетъ понятiемъ драгоценный. Оно имѣетъ различный смыслъ въ приложенiи къ лицу и въ приложенiи къ вещи, между тѣмъ примѣромъ какъ бы предполагается, что и лица и вещи могутъ быть драгоценными въ одномъ и томъ же смыслѣ. Рассмотрѣнiе примѣровъ на четвертую фигуру показываетъ, что вообще достаточно переставить посылки въ умозаключенiяхъ этой фигуры (меньшую сдѣлать большею и большую меньшею), и получатся заключенiя по первой фигурѣ—въ большинствѣ случаевъ болѣе естественныя и болѣе содержательныя, чѣмъ по четвертой. Но за всѣмъ тѣмъ позволительно думать, что нельзя оспаривать у четвертой фигуры право на существованiе. Не сокращать нужно число фигуръ, а напротивъ увеличить и въ виду разнообразiя отношенiя между понятiями нужно увеличить и систему знаковъ. Въ частности относительно четвертой фигуры указываютъ (Владиславлевъ), что она намѣчаетъ удобный путь для мысли при заключенiяхъ отъ цѣлей къ средствамъ. Вотъ—примѣръ такого заключенiя. Чтобы добывать себѣ пищу на громаднѣхъ и скудныхъ растительностью долинахъ сѣвера, олень долженъ бытъ способенъ пробѣгать большiя разстоянiя; но преодоленiе большiхъ разстоянiй обуславливается крѣпостью ногъ, слѣдовательно, крѣпкiя ноги нужны оленю, чтобы добывать себѣ пищу на сѣверѣ.

По окончанiи обзора силлогистическихъ фигуръ полезно сдѣлать слѣдующiя замѣчанiя.

I. Силлогистическiй выводъ, который долженъ быть строго достовѣрнымъ, никогда не можетъ заключать въ себѣ больше, чѣмъ сколько дано въ слабѣйшей изъ посылокъ. Если одна изъ посылокъ частная, выводъ можетъ быть только частнымъ; если одна отрицательная, выводъ будетъ отрицательнымъ.

II. Типическою фигурою силлогизма считается первая и путемъ преобразованія заключенія по прочимъ фигурамъ, можно приводить къ умозаключеніямъ по фигурѣ первой. Начальныя согласныя буквы модусовъ 2, 3 и 4 фигуръ указываютъ на модусы первой фигуры, въ которые они могутъ быть превращены. Согласныя s, p, c, m указываютъ на способъ превращенія. Напримѣръ. Cesare второй фигуры. C указываетъ на Celarent, а s на то, что должно быть совершенно превращеніе простое (*conversio simplex*). Первую посылку—дѣйствія въ состояніи аффекта не опредѣляются предварительно обдуман-ными намѣреніями—превращаютъ такъ—что опредѣляется предварительно обдуманными намѣреніями, то не аффектно. Остальныя посылки остаются безъ перемѣны. P указываетъ на превращеніе не чистое (*per accidens*). Telapton третьей фигуры—ни одинъ магометанинъ не христіанинъ. Всѣ магометане монотеисты. Слѣдовательно, нѣкоторые монотеисты—не христіане—преобразуется по Ferio, измѣняется только вторая посылка: нѣкоторые монотеисты магометане. C указываетъ на доказательство отъ противнаго (*contradictio*). Посылка измѣняется противорѣчащимъ образомъ, получается заключеніе противорѣчащее ранѣе выведенному. Отсюда выводить, что заключеніе полученное при правильной формулировкѣ посылокъ правильно. M указываетъ, что посылки должно переставить. Если согласныя s, p, c, m (къ послѣдней собственно это правило не относится) являются вторыми въ словѣ, значитъ преобразование должно коснуться первой посылки, если третьими—второй.

III. Выясненіе, почему тѣ или другія комбинаціи посылокъ невозможны въ той или другой фигурѣ, можно производить или путемъ анализа схемы фигуры (P, S M) или графическимъ путемъ—посредствомъ обозначенія понятій кругами (если одно понятіе заключается въ объемѣ другого, оно изображается въ видѣ круга заключеннаго въ другомъ кругѣ; если понятія имѣютъ часть объема общую, они изображаются въ видѣ пересѣкающихся круговъ; если объемы несовмѣстимы, въ видѣ независимыхъ одинъ отъ другого круговъ—одинъ чертится внѣ другого). Невозможность при какомъ-либо сочетаніи посылокъ

выразить взаимоотношение понятий кругами укажетъ на невозможность умозаключенія).

Въ предыдущемъ разсужденіи изложена теорія категорическаго силлогизма, т. е. такого, посылки котораго являются категорическими сужденіями. Если категорическое сужденіе есть, такъ сказать, первичная форма мысли констатирующей фактъ, то категорическій силлогизмъ есть первичная форма умозаключающей мысли. И какъ изъ категорическаго сужденія путемъ его осложненія развиваются все виды сужденій, такъ изъ категорическаго силлогизма точно также путемъ измѣненій и осложненій развиваются все виды дедуктивныхъ умозаключеній. Рядомъ съ категорическими сужденіями поставляются сужденія условныя и раздѣлительныя и вслѣдъ за категорическимъ силлогизмомъ должно говорить о силлогизмахъ условныхъ и раздѣлительныхъ. Условный силлогизмъ, какъ и категорическій, состоитъ изъ двухъ посылокъ и заключенія. Первая посылка—условное сужденіе, вторая—утвержденіе условій или отрицаніе слѣдствія. Такъ, если температура выше нуля, то таетъ снѣгъ. Такова—первая посылка. Если во второй утверждается основаніе, то значитъ существуетъ и слѣдствіе, если отрицается слѣдствіе, то должно быть отвергнуто и основаніе. Приведенный примѣръ таковъ: что если существуетъ слѣдствіе, то существуетъ и основаніе, потому что таяніе снѣга обуславливается лишь температурою (вопросъ о давленіи можно оставить въ сторонѣ), и если не существуетъ основанія, то не существуетъ и слѣдствія. Такія умозаключенія возможны лишь, когда обуславливаемое явленіе можетъ быть слѣдствіемъ лишь даннаго обуславливающаго и никакого другого. Такіе случаи рѣдки, такъ какъ одно и тоже явленіе можетъ быть слѣдствіемъ различныхъ причинъ. Если у графа N не было денегъ, онъ не помогъ тѣмъ бѣднякамъ, которые къ нему обратились за помощію. Онъ не помогъ. Изъ этого утвержденія слѣдствія нельзя сдѣлать вывода. N можетъ быть скупъ, можетъ руководиться какими нибудь своеобразными нравственными принципами, по которымъ не слѣдуетъ помогать деньгами. Но если мы отвергнемъ слѣдствіе и

скажемъ N помочь, тогда несомнѣнна истинность основанія, что у него были деньги. Точно такъ же если мы подтвердимъ условіе, у N нѣтъ денегъ, тогда утверждается и слѣдствіе о невозможности съ его стороны помощи. Такимъ образомъ вообще въ условномъ силлогизмѣ должно признать двѣ основныя формы: вторая посылка есть *modus ponens*—утвержденіе основанія или условія, тогда утверждается и слѣдствіе. Вторая посылка есть *modus tollens*—отрицаніе слѣдствія, тогда отрицается и основаніе. Если есть А, то есть и В. А есть, слѣдовательно есть и В. В нѣтъ, слѣдовательно нѣтъ и А. Заключенія отъ существованія В къ существованію А и отъ несуществованія А къ несуществованію В будутъ имѣть мѣсто тогда, когда рядомъ съ положеніемъ, если есть А, то есть В, мы установимъ другое, если есть В, то есть и А. Это и имѣетъ мѣсто въ примѣрѣ таянія снѣга. Раздѣлительнымъ силлогизмомъ называется такой, въ которомъ большая посылка представляетъ раздѣлительное сужденіе, его формула такова: А есть или В, или С, или D. А есть В, слѣдовательно оно не есть ни С, ни D или А не есть ни С, ни D, слѣдовательно, оно есть В. Такимъ образомъ вторая посылка или утверждаетъ одинъ изъ членовъ дѣленія и этимъ въ заключеніи отвергаются все остальные (*modus ponendo tollens*) или отвергаетъ все члены дѣленія, кромѣ одного и этимъ въ заключеніи утверждается послѣдній (*modus tollendo ponens*). Комбинація условныхъ сужденій съ раздѣлительными создала условно-раздѣлительный или лемматическій силлогизмъ. Знаменитые примѣры такого силлогизма—разсужденіе Сократа о томъ, что не должно бояться смерти (Платонъ, Апологія Сократа) и разсужденіе Лейбница о томъ, что существующій міръ есть наилучшій (Лейбницъ, Теодицея). Доказывая судьямъ, что смертный приговоръ не страшитъ его Сократъ говорилъ: „если смерти должно бояться, то или потому, что мы будемъ жить послѣ нея или потому, что мы не будемъ жить, въ томъ и другомъ случаѣ бояться ея нечего, слѣдовательно, ея вообще не должно бояться“. Лейбницъ свой оптимистическій взглядъ на міръ выводилъ изъ признаваемого имъ

факта существованія премудраго, всеблагаго и всемогущаго Бога. „Если бы могъ быть міръ лучше существующаго, Божественная премудрость знала бы его, Божественное всемогущество создало бы его, Божественная благость желала бы его. Богъ не создалъ бы наилучшаго міра если бы не зналъ или не желалъ, или не могъ создать его. Ни того, ни другаго, ни третьяго допустить нельзя; слѣдовательно, существующій міръ есть наилучшій.

Профессоръ С. Глаголевъ.

(Окончаніе будетъ).

„Соціалізмъ“ въ изслѣдованіи Виктора Катрейна.

Переводъ съ 9-го нѣмецкаго изданія

свѣщенника Н. ЛИЦКАГО.

(Продолженіе *).

§ 2. Железный законъ наемной платы.

1. „Железный законъ наемной платы“—главное оружіе, которымъ пользовался Лассаль въ борьбѣ противъ капитализма. И въ этомъ случаѣ либеральные политико-экономы, какъ Адамъ Смитъ, Рикардо ¹⁾, Г. Б. Сая и др., были предшественниками и подготовили почву для соціализма. Лассаль съ видимымъ удовольствіемъ, хотя не всегда съ полнымъ правомъ, пользуется этими авторитетами въ интересахъ соціализма ²⁾.

Самъ Марксъ никогда не признавалъ „железнаго закона найма“ и нѣмецкая соціалъ-демократія выбросила его въ на-

*). См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 22 за 1907 г.

¹⁾ По ученію Рикардо, *средняя плата за трудъ падаетъ совмѣстно со стоимостью его производства*. Онъ отпичаетъ *естественную цѣнность* труда отъ *рыночной его цѣнности*. *Естественная цѣнность* труда—это тѣ средства, какія необходимы рабочему, чтобы онъ и самъ могъ существовать и содержать потомство. *Рыночная цѣна* есть та, которая въ дѣйствительности выплачивается подъ вліяніемъ спроса и предложенія. Эта послѣдняя въ прогрессирующемъ обществѣ можетъ на нѣкоторое время то подняться выше уровня естественной цѣны, то опуститься также на время ниже этого уровня; но вообще она выветъ тенденцію возвращаться въ этому уровню. Нужно сознаться, что Лассаль облекъ этотъ законъ въ такую оболочку, что она способна разжигать ненависть къ нему, и такъ его объяснилъ и сгузилъ, что онъ можетъ служить превосходнымъ средствомъ агитации.

²⁾ Особенно въ „Arbeiter-Lesebuch“ и „Offenen Antwort-schreiben“. Въ послѣднемъ сочиненіи относительно закона наемной платы онъ говоритъ: Адамъ Смитъ, Сая, Рикардо, Мальтусъ, Бастиа и Дж. Ст. Милль единогласно признаютъ этотъ законъ.

стоящее время изъ своей программы. Но такъ какъ Лассаль и въ настоящее время имѣеть у себя сторонниковъ и его сочиненіями снова начали пользоваться въ цѣляхъ пропаганды; такъ какъ, далѣе, на Эрфуртскомъ партійномъ сеймѣ многіе выступали въ защиту „закона найма“, то разсмотрѣніе его и въ настоящее время можетъ и должно имѣть мѣсто. Что слѣдуетъ понимать подъ этимъ закономъ, объ этомъ пусть скажетъ самъ Лассаль.

„Желѣзный экономическій законъ, который при современныхъ условіяхъ, *подъ вліяніемъ спроса и предложенія труда* опредѣляетъ размѣръ заработной платы, есть слѣдующій: средняя заработная плата постоянно колеблется около того уровня *необходимыхъ* жизненныхъ средствъ, какія нужны для того, чтобы рабочій могъ существовать самъ и поддерживать существованіе потомства при условіяхъ, какія имѣются на лицо въ данномъ обществѣ. Это есть тотъ пунктъ, около котораго качается, подобно маятнику, дѣйствительная средняя заработная плата, не будучи въ состояніи ни подняться на болѣе или менѣе продолжительное время выше этого уровня, ни опуститься ниже его. Она не можетъ подняться выше этого средняго уровня потому, что тогда вслѣдствіе облегченія и улучшенія положенія рабочихъ произошло бы увеличеніе населенія, размножаніе рабочихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось бы предложеніе рабочихъ рукъ, которое низвело бы заработную плату до ея прежняго уровня. Не можетъ заработная плата и упасть на продолжительное время ниже того уровня, какой необходимъ для поддержанія существованія рабочаго, а равно и продолженія этого существованія въ потомствѣ. Ибо тогда произошло бы эмигрированіе рабочихъ, воздержаніе отъ брака, отъ дѣторожденія и, наконецъ, значительное уменьшеніе количества рабочихъ рукъ, а слѣдовательно, уменьшеніе предложенія, и заработная плата вслѣдствіе этого воротилась бы къ своему прежнему, болѣе высокому уровню. Дѣйствительная средняя заработная плата постоянно находится въ движеніи, постоянно движется около своего центра тяжести, то поднимаясь нѣсколько выше его, то опускаясь ниже, но все-таки постоянно къ нему возвращаясь“ ¹⁾).

¹⁾ Offenes Antwortschreiben, 10, Arbeiter-Lesebuch, 5.

„Выходить. такимъ образомъ, что рабочій и заработная плата постоянно балансируютъ по краямъ той плоскости, которая представляетъ собою безусловное необходимое для существованія рабочаго... которая никогда не измѣняется“¹⁾). Лассаль, правда, допускаетъ, что это обычно-необходимое теперь нѣсколько выше, чѣмъ прежде; но все-таки оно сводится къ тому, что необходимо для поддержанія существованія рабочаго класса и продолженія этого существованія въ потомствѣ при тѣхъ условіяхъ, какія имѣются на лицо въ данномъ обществѣ, и такимъ образомъ, по мнѣнію Лассала, нѣтъ никакой надежды на улучшеніе положенія рабочаго²⁾).

2. Вотъ это и есть тотъ страшный законъ, которымъ до послѣдняго времени пользовались социалисты, чтобы ставить вопросительный знакъ надъ правомъ частной собственности³⁾).

Марксъ давно отбросилъ „железный законъ заработной платы“. Въ своей „Критикѣ социаль-демократической программы“ принятіе этого закона официальной программой онъ называетъ „возмутительнымъ регрессомъ“. И съ своей точки зрѣнія онъ совершенно правъ. По мнѣнію Лассала, несправедливость системы найма состоитъ лишь въ томъ, что наемная плата никогда не можетъ перепагнуть своего низкаго максимума и рабочій этимъ самымъ какъ-бы прикованъ къ своему будничному существованію. По мнѣнію Маркса, напротивъ, система наемнаго труда при капиталистическомъ общественномъ строеѣ несправедлива и должна быть отвергнута потому, что она рабочаго дѣлаетъ рабомъ капиталиста и для собственнаго содержанія предоставляетъ рабочему трудиться лишь постольку, по-

1) Offenes Antwortschreiben, 11.

2) Arbeiter-Lesebuch, 27.

3) См. Готскую программу. Мы уже замѣтили, что теперь социалисты выбросили „железный законъ найма“ изъ своей партійной программы. Либкнехтъ и другіе социалисты теперь говорятъ, что они давно оставили этотъ законъ. Однако же, они цѣлыя 15 лѣтъ придерживались программы, въ которой этотъ законъ стоялъ на видномъ мѣстѣ. Такимъ образомъ въ теченіе десятилѣтій социаломы на основаніи желѣзнаго закона найма доказывали рабочимъ, что нѣтъ никакой надежды на улучшеніе ихъ положенія, какъ бы рабочіе ни старались объ этомъ; — и вотъ теперь являются вожаки партіи и заявляютъ, что они, собственно, никогда не придавали серьезнаго значенія закону найма! Такое поведеніе никакъ не верхъ легкомыслія?

сколькѣ онъ согласенъ поработать даромъ сперва въ пользу капиталиста и создать ему прибавочную цѣнность. Прибавочная цѣнность всегда образуется изъ средствъ содержанія, отпавшихъ у рабочаго и, такъ какъ капиталистъ только въ томъ случаѣ приступитъ къ производству, когда его деньги обѣщаютъ ему „прибавочную цѣнность“, то капиталъ по самой своей сущности склоненъ къ эксплуатаціи; онъ—безчувственное хищное животное. Съ этой точки зрѣнія внесеніе въ программу Лассалевскаго закона должно представляться шагомъ назадъ. Это принятіе въ сущности было противорѣчіемъ Марксовою теоріи прибавочной цѣнности и отрицаніемъ ея. Понятно поэтому, почему Марксъ поднималъ такой шумъ, когда ему попалъ на глаза проектъ программы съ „железнымъ закономъ наемной платы“.

Теперь мы приступаемъ къ изслѣдованію самаго этого закона.

а) Наилучшій пробный камень такихъ законовъ представляютъ факты. Что же говорятъ эти факты о Лассалевскомъ законѣ? Давно уже указывали на противорѣчіе этого закона фактамъ. Мы выше доказывали, что уже давно во многихъ странахъ, особенно въ Англіи, положеніе рабочихъ значительно улучшилось, наемныя отношенія испытали въ особенности прочное улучшеніе и мы положительно увѣрены, что благо-разумная соціальная политика можетъ на долго упрочить такое положеніе. Именно это противорѣчіе фактамъ побудило самихъ соціалистовъ бросить „железный законъ найма“.

б) Законъ этотъ оказался несостоятельнымъ и по существу. Онъ предполагаетъ, что наемная плата—одинакова для всѣхъ рабочихъ, что, разумѣется, вполнѣ несостоятельно. Даже внутри одной и той же группы рабочихъ наемная плата далеко не одинакова, смотря по мѣсту и времени, и подвержена сильнымъ колебаніямъ, которыя ни въ коемъ случаѣ не зависятъ отъ размѣра средствъ, необходимыхъ для существованія рабочаго и для его размноженія. Если этотъ законъ и могъ бы имѣть вообще какое-либо примѣненіе, то только по отношенію къ низшимъ осяямъ рабочихъ, и именно только къ семейнымъ. Это ясно видно изъ того образа и способа, какимъ Лассаль пытается доказать этотъ законъ.

с) Если бы Лассаль своимъ желѣзнымъ закономъ найма хотѣлъ сказать лишь то, что при неограниченномъ господствѣ спроса и предложенія, пока рабочіе остаются изолированными и совершенно беззащитными, на лицо имѣется извѣстная тенденція къ пониженію наемной платы до уровня средне-необходимого для существованія, то съ этимъ можно было бы согласиться. Такъ какъ это неизбѣжно слѣдуетъ изъ своекорыстнаго эгоизма болѣе богатыхъ, которые въ то же время являются и болѣе сильными. Каждый человѣкъ вообще стремится дешевле купить и дороже продать. Если рабочій старается свою рабочую силу продать возможно дороже, то работодатель, наоборотъ, поровитъ заплатить за нее возможно меньше. Но такъ какъ болѣе богатый въ то же время является и болѣе сильнымъ, то наемная плата поэтому скорѣе склонна при соответствующихъ условіяхъ къ пониженію, чѣмъ къ повышенію. Но эта общая тенденція, вытекающая изъ своекорыстнаго человѣческаго эгоизма, еще не есть экономическій законъ. Иначе можно было бы назвать экономическимъ закономъ и то, что продавцы обыкновенно фальсифицируютъ продукты питания, или что многіе богатѣютъ, ничего не дѣлая. Благоразумное покровительственное законодательство въ интересахъ рабочихъ, организація рабочихъ въ союзы и общества, несомнѣнно, многое могутъ сдѣлать въ дѣлѣ улучшенія положенія рабочихъ.

На высказанное Лассалемъ основное положеніе, такимъ образомъ, нельзя смотрѣть, какъ на экономическій законъ.

Для того, чтобы могла быть рѣчь объ экономическомъ законѣ въ собственномъ смыслѣ, для этого требуется, чтобы то или другое явленіе всегда выступало, какъ необходимое слѣдствіе определенныхъ экономическихъ причинъ. Относительно Лассалевскаго закона этого нельзя сказать, нельзя, по крайней мѣрѣ считать этого доказаннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ на тѣ доказательства, какія приводитъ Лассаль по примѣру Рикардо.

Наемная плата „на болѣе или менѣе продолжительное время не можетъ подняться выше средняго уровня (обычныхъ жизненныхъ потребностей); такъ какъ тогда произойдетъ возрастаніе рабочаго населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличится

предложеніе рабочихъ рукъ, что снова приведетъ наемную плату къ ея прежнему положенію“. Но справедливо ли, будто рабочее населеніе увеличивается чрезъ размноженіе, когда жизненныя условія рабочихъ улучшаются? Это совершенно бездоказательное утвержденіе; опытъ скорѣе говоритъ противъ него. Кто пожелалъ бы видѣть самыя многолюдныя семьи въ Англіи, тотъ не долженъ для этого осматривать жилища болѣе благопріятно обставленныхъ рабочихъ и гражданъ, а долженъ посѣтить наиболѣе бѣдныя городскіе кварталы, населенныя ирландцами. Едва ли найдется другая страна, населеніе которой было бы матеріально такъ обезпечено, какъ населеніе Франціи, и однако, нигдѣ нѣтъ настолько слабого прироста населенія, какъ тамъ. Причину этого очень легко отыскать, даже если мы пожелаемъ совершенно отвлечься отъ религіозныхъ причинъ. Чѣмъ лучше матеріально поставлена рабочая семья, тѣмъ больше въ среднемъ она думаетъ о томъ, чтобы сохранить свой рангъ, или даже еще выше поставить его. Въ такихъ кругахъ легкомысленныя браки будутъ заключаться гораздо рѣже, чѣмъ въ низшихъ слояхъ населенія. Само собою разумѣется, мы не хотимъ этимъ сказать, что и въ нравственномъ отношеніи первые всегда выше вторыхъ.

Лассаль, кромѣ того, упустилъ изъ виду еще одно обстоятельство. Даже если мы допустимъ, что лучшее жизненное положеніе имѣетъ своимъ послѣдствіемъ увеличеніе населенія, то этимъ еще не доказано, что между рабочими немедленно усилится конкуренція. Ибо для того, чтобы послѣдняя стала болѣе или менѣе чувствительна, долженъ пройти промежутокъ времени въ 16—20 лѣтъ. Дѣти вѣдь не съ перваго же дня послѣ рожденія способны къ конкуренціи. Такимъ образомъ, даже при Лассалевскомъ предположеніи увеличенія населенія рабочей приблизительно въ періодъ жизни одного поколѣнія могъ бы получить наемной платы больше, чѣмъ сколько необходимо для обычнаго существованія и размноженія.

Наконецъ, можетъ быть и то, что, не смотря на усиленное предложеніе труда, наемная плата не падаетъ, потому что одновременно растетъ и *спросъ*. Если спросъ на трудъ и пред-

доженіе труда возрастаютъ въ одной и той же степени, то наемная плата остается безъ измѣненія. Но можетъ случиться, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе возникновенія новыхъ предпріятій усиленный спросъ на трудъ продолжается въ теченіе десятилѣтій, такъ что притокъ новыхъ рабочихъ все-таки не понижаетъ уровня наемной платы.

Такимъ образомъ, нельзя считать доказаннымъ, что наемная плата на болѣе или менѣе продолжительное время *не можетъ* удерживаться *выше* уровня необходимыхъ средствъ существованія. Но столь же мало доказалъ Лассаль и то, будто наемная плата не можетъ на болѣе продолжительное время опуститься ниже этого уровня. „Тогда, думаетъ Лассаль, произошло бы эмигрированіе рабочихъ, воздержаніе рабочихъ отъ брака и дѣторожденія и, наконецъ, значительное уменьшеніе количества рабочихъ рукъ, а слѣдовательно, сокращеніе предложенія и заработная плата вслѣдствіе этого воротилась бы къ своему прѣжнему, болѣе высокому уровню“.

Но, какъ мы выше замѣтили, бѣдность не препятствуетъ дѣторожденію, даже если бы рабочій положительно голодалъ. Легко можетъ статья и, къ сожалѣнію, часто случается, что рабочіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ведутъ дѣйствительно бѣдственную жизнь въ смыслѣ Лассаля и притомъ достаточно продолжительное время, и однако же, не замѣтно, чтобы приростъ населенія отъ этого становился менѣе значительнымъ. Бѣдность не препятствуетъ бракамъ рабочихъ и дѣторожденію, хотя влечетъ за собою постепенное ухудшеніе расы. Впрочемъ, если бы дѣторожденіе сократилось, то влияніе этого обстоятельства на рабочій рынокъ въ интересахъ рабочаго почувствовалась бы не ранѣе, какъ по истеченіи десятилѣтій. Между тѣмъ возникшій такимъ путемъ недостатокъ рабочихъ рукъ могъ бы пополниться притокомъ новыхъ рабочихъ изъ сосѣднихъ мѣстностей. Марксъ на основаніи изслѣдованій фабричныхъ инспекторовъ и врачей доказалъ, что въ нѣкоторыхъ фабричныхъ округахъ рабочіе въ теченіе десятилѣтій жили дѣйствительно, въ ужасающей нищетѣ, и тѣмъ не менѣе наемная плата несколько не повышалась.

Лассалевскій законъ, такимъ образомъ, совершенно не до-

казанъ. Лассаль воспользовался нѣсколькими единичными случаями и, произвольно обобщивъ ихъ, сдѣлалъ изъ нихъ средство агитаціи.

§ 3. *Односторонняя преувеличенная оцѣнка экономической стороны жизни.*

Соціалисты хотятъ, чтобы *все* безъ исключенія принимали участіе въ государственно-организованномъ производствѣ. Хотя о всеобщей обязательности труда, о чемъ говорится въ Готской программѣ, въ Эрфуртской уже не упоминается, однако, въ предвыборномъ воззваніи соціалъ демократической фракціи рейхстага 30 апрѣля 1903 года объ этомъ снова очень ясно говорится и эта всеобщая обязательность труда вытекаетъ изъ требованія „равныхъ правъ и равныхъ обязанностей“, а также изъ планообразной организаціи труда. Каждый состоитъ на жалованьи у государства и отъ него получаетъ опредѣленное заданіе труда. Никто не имѣетъ права собственности на продукты труда, никто не въ правѣ производить по собственному желанію. За удовлетвореніемъ всѣхъ своихъ потребностей онъ обязанъ обращаться въ государственный складъ припасовъ. Воспитаніе и образованіе юношества лежитъ на обязанности государства, равно и попеченіе о больныхъ. Короче: каждый имѣетъ лишь столько свободы и столько правъ, сколько признаетъ за нимъ общество. Объ этомъ мы потомъ скажемъ подробнѣе. Теперь достаточно упомянуть, что соціалистическій строй молча предполагаетъ, что *общество имѣетъ неограниченное право распоряженія частными лицами*; каждый отдѣльный человекъ прежде всего существуетъ для обслуживанія цѣлаго общества и именно для цѣлей производства.

Въ общемъ такое представленіе есть языческое представленіе о государствѣ, съ которымъ мы встрѣчаемся уже у Платона. Оно не признаетъ никакого естественнаго права, оно молчаливо отрицаетъ то, что первая и важнѣйшая задача человека на землѣ есть служеніе Богу и достиженіе вѣчнаго блаженства за гробомъ.

Въ совершенномъ согласіи съ этимъ языческимъ представленіемъ, соціализмъ *экономической жизни*, производству мате-

риальныхъ благъ *отводитъ непооблажающе, слишкомъ высокое мѣсто*. Какъ въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка, такъ и въ жизни человѣческаго общества вообще приобрѣтеніе внѣшнихъ матеріальныхъ благъ занимаетъ послѣднее по достоинству мѣсто въ ряду другихъ дѣятельствъ. Приобрѣтеніе средствъ существованія должно быть подчинено высшимъ, духовнымъ стремленіямъ. Средства существованія нѣкоторымъ образомъ должны приготовить лишь почву, на которой могли бы произрастать высшія, идеальныя блага.

Такъ какъ невозможно, чтобы всѣ и въ одинаковой степени посвящали себя различнымъ видамъ дѣятельности, то должны существовать различныя профессіи, различныя званія, которыя требуютъ различной и иногда многолѣтней подготовки, и не всѣ эти профессіи и званія могутъ быть отнесены къ одному рангу, но онѣ различаются іерархически. По самой своей природѣ профессія лицъ, добывающихъ средства существованія, (рабочіе, ремесленники, земледѣльцы) принадлежитъ къ разряду низшихъ и надъ ней въ іерархической постепенности возвышается рядъ другихъ, высшихъ профессій и званій. Этимъ отнюдь не сказано, что добываніе средствъ существованія есть занятіе, недостойное чести и вниманія, что люди, посвятившіе себя этому дѣлу, уже потому ничтожны въ очахъ Божіихъ; но этимъ выражается та мысль, что остальные званія и профессіи сами по себѣ представляютъ для общества болѣе высокій рангъ, что онѣ требуютъ и болѣе высокихъ дарованій, а потому имъ приличествуетъ и болѣе высокое вниманіе и уваженіе.

Что же дѣлаетъ социализмъ? Онъ хочетъ профессію рабочаго сдѣлать единственной и исключительной профессіей и выполненіе работы (созданіе цѣнностей)—*миссией* болѣе общественной *организации* и распредѣленія членовъ общества. Все общество (государство) должно превратиться въ *одно экономическое товарищество*¹⁾. Никто не смѣетъ уклоняться отъ участія въ производствѣ. Безполезныя, т. е., непродуктивные существованія не должны быть терпимы. Что при такой организациіи общества, когда всѣ прикованы къ производству, не

¹⁾ Kautski und Schönlanck, Grundsätze und Forderungen der Socialdemokratie, 1882, 26.

можетъ быть мѣста для такихъ званій, какъ священство, посвятившее себя на служеніе Богу какъ религіозныя общины, монастыри и т. п., это ясно само собою.

Вообще соціалізмъ устраняетъ всякіе помыслы и надежды человѣчества на высшія идеальныя блага и влечетъ человѣка въ болото матеріальныхъ наслажденій. Объ идеалахъ, возвышающихъ и освѣжающихъ сердца, соціалізмъ собственно ничего не можетъ сказать.

Впрочемъ, нѣтъ, мы ошибаемся. соціалізмъ также заявляетъ претензіи на идеалы. Но что это за идеалы? Одинъ соціалистъ говоритъ намъ объ этомъ словами, съ которыми нѣкогда Гейне обращался къ Сень-Симонистамъ: „Вы требуете простоты, воздержанія, умѣренности въ нравахъ, стремленіяхъ, наслажденіяхъ; мы, напротивъ, требуемъ нектара и амброзіи, пурпуровыхъ одеждъ, драгоцѣнныхъ благоуханій, роскоши и великолѣпія, танцевъ веселыхъ нимфъ, музыки и комедій“; но, прибавляетъ соціалистъ, мы требуемъ этого для *всѣхъ* и мы предоставимъ это *всѣмъ* 1).

Такимъ образомъ, низменный эпикуреизмъ, какой мы видимъ осуществленнымъ въ жизни Гейне,—это есть небо соціалъ-демократіи. Это приводитъ насъ къ дальнѣйшимъ предпосылкамъ соціализма.

§ 4. Враждебное отношеніе соціализма къ религіи.

1. Основныя догмы соціализма не примиримы съ религіей.

1. Что такъ наз. „научный“ соціалізмъ по существу безрелигіозенъ, даже враждебенъ религіи, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія послѣ всего сказаннаго нами относительно „историческаго матеріализма“. Этотъ матеріализмъ, прежде всего, отрицаетъ „дуализмъ духа и матеріи“. „Дѣйствительное единство вселенной, говоритъ Энгельсъ 2), состоитъ въ ея матеріальности“. По мнѣнію соціализма, никакого духа не существуетъ, есть только матерія и движеніе. Не существуетъ и личный Богъ, а равно и Божественное промышленіе, у человѣка такъ же нѣтъ безсмертной души, какъ и у лишеннаго

1) I. Stern, Thesen über den Socialismus, 34.

2) Engels, Herrn Dürings Umwälzung der Wissenschaft, 28.

разума животнаго, отъ котораго человѣкъ произошелъ; всякія надежды на блаженство за гробомъ—суетная мечта и глупость. Все, что до сихъ поръ называлось высшимъ духовнымъ міромъ, по Марксу и Энгельсу, есть только продуктъ экономическихъ отношений той или другой эпохи. „Экономическая структура общества представляетъ изъ себя тотъ реальный базисъ, изъ котораго въ послѣдней инстанціи можетъ быть объяснена цѣлая надстройка правовыхъ и политическихъ учрежденій, равно какъ представленій религіозныхъ, философскихъ и иныхъ въ каждый данный историческій періодъ“¹⁾. „Всякая религія есть ничто иное, какъ *фантастическое отображеніе* въ головѣ людей тѣхъ силъ, которыя управляютъ ихъ повседневымъ существованіемъ, отображеніе, въ которомъ земныя силы принимаютъ форму *надземныхъ*“²⁾. Религія есть „костюмъ“³⁾. „маска“⁴⁾. Поэтому нѣтъ надобности отмѣнять религію, она сама „умираетъ“, исчезнетъ, какъ скоро нечего будетъ отображать⁵⁾. Точно также Каутскій поучаетъ насъ, что съ социалистической партіей „выростаетъ новая мораль и новая философія“. О новой религіи онъ даже не упоминаетъ: она вѣдь „умерла“, такъ какъ нѣтъ ничего, что можно было бы „отображать въ фантазіи“.

Такимъ образомъ, если справедливо то, что намъ постоянно твердятъ корифеи социализма, а именно, что матеріалистическое пониманіе исторіи—существенная основа современнаго „научнаго“ социализма; и если столько же справедливо то, что это матеріалистическое пониманіе непримиримо ни съ какой истинной религіей, или даже есть отрицаніе религіи, то отношеніе социализма къ религіи для всякаго мыслящаго человѣка этимъ достаточно ясно установлено. Для сознательнаго социалиста, правильно понимающаго то ученіе, представителемъ котораго онъ является, покажется почти наивнымъ, если ему станутъ доказывать, что социализмъ не соединимъ съ ре-

1) Ibid. II. Уже въ „коммунистическомъ манифестѣ“ говорилось: „Законы, мораль, религія для него (для пролетаріата) также буржуазные предразсудки, за которыми скрываются буржуазные интересы“.

2) Ibid. 304.

3) Engels, L. Feuerbach, 65.

4) Neue Zeit 1894: Zur Geschichte des „Unchristentums“.

5) Engels, Herrn Dürings Umwälzung der Wissenschaft.

лигіей. Правовѣрный приверженецъ историческаго матеріализма не можетъ имѣть никакой религіи и, если бы все люди были соціалистами, то религія сама собою бы умерла и не было бы надобности отмѣнять ее.

2. Враждебное отношеніе соціализма къ религіи обнаруживается, далѣе, изъ его чисто земного, чисто „по-сю-стороняго“ пониманія человѣческой жизни. Можетъ ли система, исходящая изъ предпосылки, что человѣкъ сотворенъ Богомъ для вѣчности, что на землѣ онъ живетъ только для того, чтобы исполнить волю Божию и заслужить небо, можетъ ли такая система допустить, что производство матеріальныхъ благъ есть высшій масштаб общественной организаци и что право на извѣстную долю этихъ матеріальныхъ благъ представляется лишь тѣмъ, кто принимаетъ участіе въ ихъ производствѣ? Можно ли религію оставить въ сторонѣ, какъ нѣчто совершенно безразличное? Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что уже основная идея соціализма стоитъ въ противорѣчій не только съ христіанствомъ, но и со всякою вообще религіей. Его десятословіе—права человѣка, его богъ—демократическое государство, его цѣль и конецъ—всеобщее земное наслажденіе, его культъ—продукція.

3. Главное требованіе соціализма молчаливо основывается на атеизмѣ. Соціализмъ требуетъ полнаго равенства правъ и условій существованія для всѣхъ и во всѣхъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ соціальномъ. Всякое неравенство отмѣчается, какъ потерпимая привиллегія. Если разсудокъ и Откровеніе требуютъ, чтобы слуги повиновались господамъ, подчиненные—начальствующимъ, жена—мужу, дѣти—родителямъ и повиновались именно по совѣсти, потому что угодно Богу, то для соціализма это преступленіе противъ закона о всеобщемъ равенствѣ правъ и обязанностей. По соціалистическому возрѣнію каждый имѣетъ право повиноваться только тѣмъ законамъ и тѣмъ начальникамъ, коихъ онъ самъ одобритъ и признаетъ надъ собою. Этимъ самымъ отбрасывается принципъ авторитета, который исходитъ отъ Бога и требуетъ отъ насъ повиновенія по совѣсти. Что соціализмъ разрушаетъ и уничтожаетъ и институтъ брака въ его даже естественно-правовомъ

смыслѣ. не говоря уже о бракѣ въ христіанскомъ смыслѣ. это мы увидимъ впоследствии при разсмотрѣніи семейныхъ отношеній въ социализмѣ ¹⁾.

4. Отношеніе социализма къ собственности стоитъ въ неменьшемъ противорѣчіи съ христіанскимъ ученіемъ. Хотя Христосъ и словомъ и примѣромъ рекомендовалъ бѣдность, какъ путь къ совершенству, однако, онъ признавалъ законнымъ и право частной собственности, какъ объ этомъ мы уже выше говорили. Такимъ образомъ, ученіе, признающее всякую частную собственность. „воровствомъ“, стоитъ въ противорѣчіи съ христіанствомъ.

5. Христіанство запрещаетъ также *революцію*, т. е., *насильственное ниспроверженіе законно существующаго общественнаго строя*. Социализмъ же, по заявленію главныхъ его представителей, по существу есть *партія революціонная*. Въ самомъ дѣлѣ, когда социалистамъ ставятъ этотъ упрекъ, то они прячутся отъ него за двойственнымъ смысломъ слова революція. Бываютъ, говорятъ они, революціи мирныя, законныя. Однако, это лишь игра словами. Мы, конечно, не утверждаемъ, будто социаль-демократы, какъ анархисты или карбопарии закладываютъ тайные заговоры, готовятъ бомбы и кинжалы, закладываютъ мины и т. п. Социалистическіе вожди достаточно умны, для того, чтобы понимать, что подобныя намѣренія въ настоящее время совершенно бессмысленны и безнадежны, что они должны будутъ окончиться страшнымъ кровопролитіемъ и гибелью бунтовщиковъ.

Социаль-демократы гораздо болѣе стремятся къ тому, чтобы путемъ распространенія своихъ идей сперва подготовить почву и захватить въ свои руки политическую власть. Затѣмъ когда они станутъ достаточно сильными и признаютъ, что уже пришло время для осуществленія ихъ плановъ, тогда они прибѣгнутъ къ *помощи грубой, физической силы*. *Революціонная диктатура* при помощи крови и желѣза уничтожитъ тогда

¹⁾ Не даромъ поэтому папа Левъ XII въ своей энцикликѣ Quod apostolici отъ 28 дек. 1878 г., а равно въ своемъ окружномъ посланіи по поводу рабочаго вопроса особенно отмѣчаетъ именно этотъ пунктъ.

противодѣйствующіе элементы и будетъ помощницей при родахъ новаго соціалистическаго строя.

Или, быть можетъ, вожди соціаль-демократіи, которые такъ кичатся своей наукой и знаніемъ людей, настолько наивны, чтобы вѣрить, что всѣ владѣльцы частной собственности *добровольно* уступятъ ее въ пользу общества, что монархи *добровольно* сойдутъ со своихъ троновъ, что церковь, ея общества и учрежденія *добровольно* откажутся отъ своихъ владѣній, дворянство *добровольно* уступитъ свои права, а крестьяне свое имущество?

По счастью, намъ нѣтъ надобности прибѣгать въ этомъ случаѣ къ соображеніямъ общаго характера. Вожди соціализма сами много разъ отрывали затаенныя желанія своего сердца. Мы выше уже указывали многочисленныя свидѣтельства этого рода.

6. Слѣдуетъ еще упомянуть объ отношеніи соціаль-демократіи къ *присягѣ и долгу правдивости*.

Какого мнѣнія соціаль-демократы о присягѣ, это, собственно, уже ясно само сабою изъ ихъ атеистическаго образа мыслей. Какъ атеисты, они присягу отвергаютъ, какъ не имѣющую никакого значенія. На Любекскомъ партійномъ сеймѣ Бебель говорилъ: „Мы (соціаль-демократы) въ саксонскомъ ландтагѣ объявили, что, хотя мы и выполняемъ присягу, но *смотримъ на нее, какъ на пустую формальность*; мы—республиканцы и въ своемъ голосованіи не будемъ связаны данной присягой. Присяга на вѣрность существующему образу правленія есть пережитокъ, сохранившійся отъ 30-хъ или 40-хъ годовъ... Государственныя учрежденія не знаютъ ея и, если бы сегодня въ какомъ-либо государствѣ перемѣнился образъ правленія, то никто не сталъ бы требовать присяги, такъ какъ она *безцѣльна и бесполезна*“¹⁾. Если присяга вообще есть пустая формальность, то само собою разумѣется, то же нужно сказать о присягѣ въ судѣ, о присягѣ чиновниковъ, о клятвѣ на вѣрность знамени и т. п. Въ Голландскомъ парламентѣ соціалистъ Троэльстра называлъ присягу безуміемъ. Онъ высокоумѣрно думалъ, что

¹⁾ Протоколъ засѣданія Любекскаго сейма 1901 г. 271.

присягѣ оцѣ не придаетъ никакого значенія. „Я шесть разъ клялся въ вѣрности королевѣ, но это отнюдь не есть мое политическое исповѣданіе ¹⁾).

Такъ какъ клятвопреступленіе во всякомъ случаѣ содержитъ въ себѣ ложь, то отношеніемъ, социаль-демократовъ къ клятвѣ опредѣляется и ихъ отношеніе ко лжи. Въ официальномъ органѣ Neue Zeit Каутскій говоритъ: „Одна изъ важнѣйшихъ обязанностей есть обязанность правдивости по отношенію къ сотоварищамъ. Долгъ правдивости по отношенію къ врагамъ никогда не считался нравственной обязанностью“ ²⁾. На одномъ социаль-демократическомъ собраніи въ Гамбургѣ было внесено предложеніе высказать неодобреніе этому мнѣнію Каутскаго, такъ какъ оно можетъ повредить престижу партіи, которая борется за „правду и справедливость“. Но противъ этого предложенія выступилъ депутатъ Метцгеръ и предложеніе собраніемъ было отвергнуто ³⁾.

Изъ сказаннаго достаточно ясно, что социализмъ и христіанство такъ же не совмѣстимы, какъ мракъ и свѣтъ, и что всякій знающій, что такое социализмъ и желающій присоединиться къ социаль-демократіи, можетъ это сдѣлать цѣною разрыва не только съ христіанствомъ, но и съ религіей вообще ⁴⁾.

(Окончаніе будетъ)

¹⁾ Köln Volkszeitung 1903 № 895. Подобные же отзывы социалистовъ о клятвѣ въ сочиненіи Meineid und Socialdemokratie, Berlin, 1892.

²⁾ N. Zeit, Jahrg 22, 1, 5.

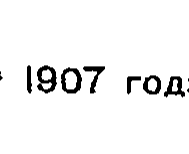
³⁾ Köln Volkzt. 1903, № 895.

⁴⁾ По этой причинѣ мы думаемъ, что П. Гёре обнаруживаетъ слишкомъ поверхностное знакомство съ социализмомъ, когда говоритъ: „Должно быть признано основнымъ положеніемъ, что социаль-демократъ можетъ быть христіаномъ и христіанинъ—социаль-демократомъ“. (Die Monat Fabrikarbeiter (1891) 216). Подобный же взглядъ высказалъ теологъ Ф. Ф. Вехтеръ (Vorwärts 1893 г. № 246). Точно также совѣтнику консисторіи Дч. Франкъ на соц.демокр. собраніи въ Данцигѣ (сент. 1900 г.) на вопросъ: можетъ ли христіанинъ быть социаль-демократомъ? отвѣчалъ утвердительно. (Vorwärts 1900 г. № 216). Правильнѣе то, что пишетъ Веберъ (Christentum und Socialismus, 16): „Христіанство и социализмъ противоположны другъ другу, какъ огонь и вода“.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

п о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Денабря № 23 1907 года.

Содержаніе. I. Епархіальныя извѣщенія.—Росписаніе утвержденное Его Высокопреосвященствомъ 19-го ноября 1907 года очереднаго проповѣданія слова Божія протоіереемъ и священникомъ гор. Харькова и подгороднихъ селеній въ Кафедральномъ соборѣ въ воскресные и въ праздничные дни и домовыхъ церквахъ въ храмовые и въ праздники въ теченіе 1908 года.—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.

I.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

1. Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Діаконъ Георгіевской церкви, слоб. Большой Даншловки, Харьковскаго уѣзда, Сергій *Кунинъ* опредѣленъ 24 ноября на священническое мѣсто при Іоанно-Предтеченской церкви, села Ново-Павловки, Изюмскаго уѣзда.

б) Діаконъ Преображенской церкви, слободы Ворожбы, Лебединскаго уѣзда, Леонтій *Антоновъ* опредѣленъ 24-го ноября на священническое мѣсто при Варваринской церкви, слоб. Варваровки, Волчанскаго уѣзда.

в) Діаконъ Николаевской церкви, слоб. Котовой, Волчанскаго уѣзда, Алексѣй *Подольскій* опредѣленъ 29-го ноября на священническое мѣсто при Троицкой церкви, села Протопоповки, Харьковскаго уѣзда.

г) Діаконъ Владимірской церкви, села Должика, Харьковскаго уѣзда, Михайлъ *Італевъ* опредѣленъ 3 декабря на 2-е священническое мѣсто при Іоанно-Предтеченской церкви, села Знаменскаго Изюмскаго уѣзда.

д) Псаломщикъ Свято-Духовской церкви, слоб. Ново Осиновой, Купянскаго уѣзда, Василій *Павловскій* опредѣленъ 29 ноября на діаконское мѣсто при Рождество-Богородичной церкви, слоб. Мартовой, Волчанскаго уѣзда.

е) Псаломщикъ Покровской церкви, слоб. Рѣчекъ, Сумскаго уѣзда, Георгій *Поповъ* опредѣленъ 29 ноября на діаконское мѣсто при Николаевской церкви, слоб. Котовой, Волчанскаго уѣзда.

ж) Псаломщикъ Николаевской церкви, слоб. Чернышова, Лебединскаго уѣзда, Петръ *Лысенко* опредѣленъ 29 ноября на діаконское мѣсто при Преображенской церкви, слоб. Ворожбы, Лебединскаго уѣзда.

з) Діаконъ-псаломщикъ Троицкой церкви, слоб. Бѣловодска, Старобѣльскаго уѣзда, Ѳеодоръ *Царевскій* опредѣленъ 5-го декабря на діаконское мѣсто при Николаевской церкви, той же слободы.

і) Псаломщикъ Покровской церкви, с. Островерховки, Харьковскаго уѣзда, Николай *Ястремскій* опредѣленъ 5 декабря на діаконское мѣсто при Владимірской церкви, с. Должика, того же уѣзда

к) Псаломщикъ Петро Павловской церкви, слоб. Лимана, Изюмскаго уѣзда, Авдрей *Лукомскій* опредѣленъ 8 декабря на діаконское мѣсто при Троицкой церкви, сл. Черваскаго Бишкена, Зміевскаго уѣзда.

л) Крестьянинъ Яковъ *Осьмакъ* опредѣленъ 28 ноября н. д. псаломщика къ церкви села Шаровки, Богодуховскаго уѣзда.

м) Дворянинъ Аѳанасій *Цымбаловъ* опредѣленъ 3 декабря н. д. псаломщика къ церкви слоб. Малой Камышевахи, Изюмскаго уѣзда.

н) Крестьянинъ Ѳеодоръ *Овчаренко* опредѣленъ 3-го декабря н. д. псаломщика къ церкви села Токарей, Сумскаго уѣзда.

о) Сынъ священника Иванъ *Гревизирскій* опредѣленъ 29-го ноября псаломщикомъ къ Николаевской церкви, села Червленнаго, Лебедипскаго уѣзда.

п) Къ Покровской церкви, села Купьяго, Изюмскаго уѣзда, опредѣленъ 5 декабря Данилъ *Павловскій*.

р) Крестьянинъ Ефимъ *Вичарниковъ* опредѣленъ 9-го декабря н. д. псаломщика къ Покровской церкви, сл. Рѣчекъ, Сумскаго уѣзда.

с) Опыть Псаломщика Ѳеодоръ *Жуковскій* опредѣленъ 9-го декабря н. д. псаломщика къ Архангело-Михайловской церкви, слободы Мурафы, Богодуховскаго уѣзда.

д) Сынъ псаломщика Иванъ *Григоровичъ* опредѣленъ 9 декабря н. д. псаломщика къ вновь устроенной Георгіевской церкви, с. Рыбьянца, Старобѣльскаго уѣзда.

е) Мѣщанинъ Василій *Окрыжикъ* опредѣленъ 9 декабря н. д. псаломщика къ церкви села Мирнаго, Богодуховскаго уѣзда.

ж) Бывшій пономѣщикъ духовнаго училища Семенъ *Линицкій* опредѣленъ 9 декабря н. д. псаломщика при Свято-Духовской церкви, слоб. Ново-Осиановой, Купянскаго уѣзда.

2. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей на другія мѣста.

а) Священники церковей: Рождество-Богородичной, слоб. Губаровки, Богодуховскаго уѣзда, Платонъ *Ведринскій* и Благовѣщенской, с. Шаровки, того же уѣзда, Іоаннъ *Кулешовъ* перемѣщены 28 ноября одинъ на мѣсто другого.

б) Священникъ Архангело-Михайловской церкви, города Бѣлополя, Сумскаго уѣзда, Сѣргѣй *Чугаевъ* перемѣщенъ 26 ноября на священническое мѣсто при Троицкой церкви, с. Должика, Лебединскаго уѣзда.

в) Священникъ Петро-Павловской церкви, слоб. Павловки, Старобѣльскаго уѣзда, Василій *Григоровичъ* перемѣщенъ 26 ноября на священническое мѣсто при вновь устроенной Георгіевской церкви, с. Рыбянцевъ, того же уѣзда

г) Діаконъ Рождество-Богородичной церкви, слоб. Мартовой, Волчанскаго уѣзда, Василій *Настѣкинъ* перемѣщенъ 29 ноября на діаконское мѣсто при Георгіевской церкви, слободы Большой Данпловки, Харьковскаго уѣзда.

д) Діаконъ Троицкой церкви, сл. Чернасскаго Бишкина, Зміевскаго уѣзда, Антоній *Михайловскій* перемѣщенъ 8-го декабря на діаконское мѣсто при Архангело-Михайловской церкви, сл. Шебелянки, того же уѣзда.

е) Псаломщикъ церкви села Мирнаго, Богодуховскаго уѣзда, Василій *Терновскій*, перемѣщенъ 8 декабря на псаломщицкое мѣсто при Петро-Павловской церкви, сл. Лимана, Изюмскаго уѣзда.

3. Объ увольненіи за штатъ.

а) Священникъ Троицкой церкви, слоб. Должика, Лебединскаго уѣзда, Петръ *Вахнинъ* уволенъ, согласно прошенію за штатъ 21 ноября.

б) Діаконъ Николаевской церкви, сл. Бѣловодска, Старобѣльскаго уѣзда, Іоаннъ *Царевскій* уволенъ, согласно прошенію, за штатъ 5 декабря.

в) Псаломщикъ Троицкой церкви, слободы Малой Клышевахы, Изюмскаго уѣзда, Григорій *Посовъ* уволенъ, согласно его прошенію, за штатъ 3-го декабря.

4. О смерти среди духовенства.

а) Священникъ Казанской церкви, сл. Никитовки, Ахтырскаго уѣзда, Николай *Пономаревъ* умеръ 26 ноября.

б) Священникъ Покровской церкви, сл. Новаго Мерчыка, Валковскаго уѣзда, Александръ *Смирнскій* умеръ 28 ноября.

5. Объ утвержденіи въ должности законоучителей.

а) Священникъ Николаевской церкви, сл. Хухры, Ахтырскаго уѣзда, Михаилъ *Яковлевъ* утвержденъ 26 ноября законоучителемъ Михайловскаго народнаго училища, Ахтырскаго уѣзда.

б) Священникъ Покровской церкви, слоб. Луцыковки, Лебединскаго уѣзда, Василій *Огинскій* утвержденъ 26 ноября законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

в) Священникъ Харьковской Озерянской церкви *Василій Пономаревъ* утвержденъ 26 ноября законоучителемъ, Павловаго Дѣтскаго Приюта.

г) Священникъ Соборной Преображенской церкви, города Валокъ, *Феодоръ Ивановъ* утвержденъ 26 ноября законоучителемъ, Валковскаго приходскаго училища.

д) Священникъ Успенской церкви, села Малыжина, Богодуховскаго уѣзда, *Викторъ Пономаревъ* утвержденъ 26 ноября законоучителемъ Мало-Ижаревскаго народнаго училища.

е) Священникъ Николаевской церкви, слободы Цареборисовой, Изюмскаго уѣзда, *Викторъ Краснокутскій* утвержденъ 26 ноября законоучителемъ Цареборисовскаго женскаго народнаго училища, на мѣсто уволеннаго отъ сей должности того же числа, согласно прошенію, священника *Василія Краснокутскаго*.

ж) Священникъ Казанско-Богородичной церкви, слоб. Волчанскій хуторовъ, Волчанскаго уѣзда, *Алексій Давидовскій* 1 декабря утвержденъ въ должности законоучителя вновь открываемаго народнаго училища въ хуторѣ Показаномъ, Волчанскаго уѣзда.

з) Священникъ Трехсвятительской церкви, слоб. Ольшаной, Харьковскаго уѣзда, *Евгеній Григоревичъ* 5 декабря утвержденъ въ должности законоучителя Ольшанскаго Ново-Павловскаго начальнаго народнаго училища, Харьковскаго училища.

и) Священникъ Преображенской церкви, слоб. Великаго Бурлука, Волчанскаго уѣзда, *Алексій Черволицкій* утвержденъ 5 декабря законоучителемъ вновь открываемаго Феодоровскаго начальнаго народнаго училища, Валковскаго уѣзда.

6. О присоединеніи къ православію.

а) Протоіереевъ Куинскаго Покровскаго Собора *Іоанномъ Левандовскимъ* 6 сентябри сего года присоединены къ православної церкви пребывавшія въ штундѣ сѣдующія лица: крестьянинъ *Паумъ Федоровъ Школьникъ*, жена его *Акилина Федорова* и дочь ихъ *Варвара* 11½ лѣтъ.

б) Священникомъ Христорождественской церкви, села Бороваго, Зміевскаго уѣзда, *Іоанномъ Колосовскимъ* 21 октября сего года присоединены изъ старообрядческой безпоповской поморской секты къ православної церкви крестьянинъ *Иванъ Александръ Шеметовъ*, 19 лѣтъ.

7. Объ утвержденіи должностныхъ лицъ.

Священникъ Покровской церкви, сл. Стерой Водолаги, Валковскаго уѣзда, *Іоаннъ Николаевскій* назначенъ 30 ноября благочиннымъ 2-го

округа того же уѣзда, на мѣсто уволеннаго, согласно прошенію, отъ сей должности свящ. Петра Антонова.

8. Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ Валковскому Преображенскому Собору утвержденъ 26 ноября старостою мѣщанинъ Алексѣй *Ходаковский*.

б) Къ Церкви с. Брестовой, Бупянскаго уѣзда, утвержденъ 26 ноября крестьянинъ Василій *Чапка*.

в) Къ Троицкой церкви, с. Кременной, Бупянскаго уѣзда, утвержденъ 27 ноября старостою крестьянинъ Адрианъ *Хмельницкій*.

г) Къ церкви села Шубица, Харьковскаго уѣзда, утвержденъ 28 ноября старостою крестьянинъ Дмитрій *Бѣлевцевъ*.

д) Къ Вознесенской церкви, с. Берези, Зміевского уѣзда, утвержденъ 26 ноября старостою крестьянинъ Василій *Песковъ*.

е) Къ церкви с. Рублевки, Богодуховскаго уѣзда, утвержденъ 30-го ноября старостою крестьянинъ Антоній *Кіико*.

ж) Къ церкви села Калаченкова, Сумскаго уѣзда утвержденъ 30-го ноября старостою крестьянинъ Семенъ *Заболотный*.

з) Къ церкви слоб. Нищереговой, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 30 ноября старостою дворянинъ Вячеславъ Петровичъ *Владиміровъ*.

и) Къ церкви села Лагерей, Зміевского уѣзда, утвержденъ 30 ноября старостою крестьянинъ Данилъ *Чумаченко*.

к) Къ церкви с. Бурлея, Зміевского уѣзда, утвержденъ 3-го декабря старостою крестьянинъ Павелъ *Шемченко*.

л) Къ церкви села Ободовъ, Сумскаго уѣзда, утвержденъ 2-го декабря старостою крестьянинъ Іосифъ *Посачевъ*.

м) Къ церкви с. Бадонскаго, Богодуховскаго уѣзда, утвержденъ 4-го декабря старостою кр. Антоній *Жеребчинъ*.

н) Къ церкви села Вирей, Сумскаго уѣзда, утвержденъ 5-го декабря старостою кр. Ефимъ *Свинаренко*.

о) Къ церкви с. Тимоновой, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 5-го декабря старостою кр. Тихонъ *Хамловъ*.

9. В а н а н т н ы я м ѣ с т а.

а) Священническія:

При Николаевской церкви, с. Деркачевки, Лебединскаго уѣзда.

— Архангело-Михайловской церкви, гор. Бѣлополя, Сумскаго уѣзда.

— Петро-Павловской церкви, с. Павловки, Старобѣльскаго уѣзда.

При Казанской церкви, с. Никитовки, Ахтырского уѣзда.

— Покровской церкви, села Нового Мерчика, Валковскаго уѣзда.

б) Целомощники:

При Осіе Андреевской церкви Харьковскаго Реального училища.

— Покровской церкви, с. Островерховки, Харьковскаго уѣзда.

— Троицкой церкви, сл. Бѣловодста, Старобѣльскаго уѣзда.

РОСПИСАНІЕ

утвержденное Его Высокопреосвященствомъ 19-го ноября 1907 года очереднаго проповѣданія слова Божія протоіереямъ и священникамъ гор. Харькова и подгороднихъ селеній въ Каѳедральномъ соборѣ въ воскресные и праздничные дни и въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ въ храмы ихъ праздники въ теченіе 1908 года.

Январь.

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 1. Новый годъ—прот. *І. Пичета*. 6. Богоявленіе. Недѣля 30 по пятнд.—прот. *І. Левинскій*. 13. Недѣля 31-я, по просвѣщеніи—свят. *Н. Загоровскій*. Въ домовыхъ церквахъ: 16. Поклоненіе веригамъ Ап. Петра—свят. *Ө. Кіаницынъ*. 17. Преп. Антонія Вел.—свят. *І. Филевскій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 20. Недѣля 32-я—свят. *Н. Кратировъ*. 27. Нед. 33-я пер. мощ. Іоанна Златоустаго—свят. *Гр. Виноградсовъ*. Въ приходской церкви: 30. Соборъ 3-хъ святителей: Василия Вел. Григорія Богосл., Іоанна Златоустаго—свят. *П. Кушталовъ*.

Февраль.

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 2. Срѣтеніе Господне—свят. *С. Посельскій*. 3. Недѣля 34-я, о Мытарѣ и Фарисеѣ—свят. *А. Луценко*. 6. Елицкой иконы Бож. Матери—свят. *Л. Твердохлбовъ*. Въ домовой церкви: 8. Великом. Феодора Стратил.—свят. *Н. Вознесенскій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 10. Нед. 35-я, о Влудиномъ Сынѣ—прот. *І. Федоровскій*. 17. Недѣля 36-я, мясопустъ—свят. *І. Рудинскій*. 19 февраля—прот. *Н. Полтавцевъ*. 24. Недѣля 37-я, сыропустъ, Обрѣтеніе чести главы св. и славн. пр. Предтечи и Крестителя Іоанна—свят. *Андр. Мадановскій*. 29. На Цассіи къ Покровскомъ монастырѣ—протоіерей *В. Борисоглѣбскій*.

М а р т ъ .

Въ Каѳедраальному соборѣ: 2. Недѣля 1-я Вел. Полта, Торжество Православія—Рект. семин. прот. *А. Юшковъ*. 7. На Пассію въ Покровскомъ монастырѣ—свящ. *П. Грома*. 9. Недѣля 2-я, память св. Григорія Паламы, архіеп. Фессалонитскаго—свящ. *П. Тимофѣевъ*. 14. На пассію въ Покровскомъ монастырѣ—свящ. *І. Дмитріевскій*. 16. Недѣля 3-я, Крестопоклонная—прот. *П. Мигулинъ*. 21. На пассію въ Покровскомъ монастырѣ—свящ. *Е. Оболенскій*. 23. Недѣля 4-я, св. Іоанна Лѣствичника—свящ. *М. Юшковъ*. 25. Благовѣщеніе Пр. Богородицы—прот. *В. Добровольскій*. Въ приходской церкви—прот. *В. Поповъ*. Въ Каѳедраальному соборѣ: 30. Недѣля 5-я, св. Марія Египетской—священникъ *А. Сокольскій*.

А п р ѣ л ѣ .

Въ Каѳедраальному соборѣ: 5. Лазарево воскрешеніе—свящ. *Д. Поповъ*. 6. Недѣля Вай—прот. *В. Ветуховъ*. 11. Великій Пятокъ—священ. *В. Яновскій*. 14. 2-й день Св. Пасхи—прот. *І. Левицкій*. Въ приходской церкви—прот. *П. Соколовскій*. Въ Каѳедраальному соборѣ: 20. Недѣля 2-я о Ѡмѣ—свящ. *М. Энеидовъ*. 22. Перенесеніе чудот. иконы Озер. Божіей Матери—свящ. *М. Слукій*. 23. Вы. Георгія Побѣдоп. и Тезовмѣстство Государыни Императрицы* Александры Ѳеодоровны—свящ. *І. Котовъ*. Въ приходской церкви—свящ. *І. Толмачевъ*. Въ Каѳедраальному соборѣ: 27. Недѣля 3-я, Живъ Мүроносицъ—свящ. *І. Горайнъ*. Въ приходской церкви—прот. *П. Григоровичъ*.

М а й .

Въ Каѳедраальному соборѣ: 4. Недѣля 4-я, о Разслабленномъ—священ. *В. Пономаревъ*. 6. Рожденіе Госуд. Императора—свящ. *П. Вишняковъ*. 7. Проположеніе св. Пятидесятницы—священ. *М. Спирскій*. 8. Ап. Іоанна Богослова—прот. *П. Ивановъ*. Въ домовой церкви—свящ. *С. Крохатскій*. Въ приходской церкви—свящ. *А. Доброславскій*. Въ Каѳедраальному соборѣ: 9. Перен. мощ. Николая Чудотворца—прот. *Н. Любарскій*. Въ приходской церкви—прот. *В. Ветуховъ*. Въ Каѳедраальному соборѣ: 11. Недѣля 5-я, о Самарянинахъ и р.-ап. Кирялла в Маводія—свящ. *К. Дьяковъ*. Въ приходской церкви—свящ. *С. Посельскій*. Въ Каѳедраальному соборѣ: 14. Свящ. Коронованіе Ихъ Величествъ—свящ. *А. Бурговъ*. 18. Недѣля 6-я, о Слѣпомъ—свящ. *Н. Чернелевскій*. Въ домовой церкви—свящ. *В. Шаповаловъ*. Въ домовыхъ церквяхъ: 21. Св. р.-ап. царя Константина и матери его Елены—протоіерей *І. Крушедолскій*, священ. *В. Толмачевъ*. Въ Каѳедраальному соборѣ:

22. Вознесене Господне—свят. *С. Уманцевъ*. Въ приходской церкви — прот. *Г. Чеботаревъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 25. Недѣля 7-я, св. Отецъ 1-го Введен. Собора Рожденіе Государыни Императрицы Александры Федоровны—свят. *П. Скубацевскій*

І ю н ъ.

Въ приходской церкви 1. Пятидесятница—свят. *А. Жидановскій*. Въ Каедральномъ соборѣ 2. День Св. Духа—прот. *Н. Соколовскій*. Въ приходской церкви—прот. *Н. Гутниковъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 8. Недѣля 1-я, Вѣль Святыхъ—свят. *Г. Рудинскій*. Въ приходской церкви—свят. *Н. Кратировъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 15. Недѣля 2-я, по Пятидесятницѣ—свят. *А. Сокольскій*. 22. Недѣля 3-я, по Пятидесятницѣ—свят. *І. Горинъ*. Въ приходской церкви: 24. Рожденіе Іоанна Предтечи—свят. *М. Клиновъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 29. Недѣля 4-я, Ап. Петра и Павла—прот. *С. Любикій*.

І ю л ъ.

Въ Каедральномъ соборѣ: 6. Недѣля 5-я—свят. *С. Перцевъ*. 8. Явленіе Казанской иконы Божіей Матери—свят. *А. Доброславскій*. 13. Недѣля 6-я, Свв. Отецъ. Соборъ Арх. Гаврііла—прот. *П. Солнцевъ*. 15. Р.-Ап. гел. вл. Кіев. Владиміра—прот. *Балаховскій*. Въ приходской церкви: 19. Обрѣт. мощ. преп. Серафима Саровскаго—свят. *М. Загоревскій*. Въ Каедральномъ соборѣ: 20. Недѣля 7-я и прор. Ілїи—прот. *Петръ Тимофеевъ*. 22. Возвѣщеніе вдовств. Государыни Императрицы Марїи Федоровны—свят. *П. Динскій*. 27. Недѣля 8-я, вм. Пантелеимона—свят. *І. Петровскій*. Въ приходской церкви—свещеникъ *І. Полницкій*. Въ Каедральномъ соборѣ: 30. Рожденіе Наслѣдника Цесаревича Алексія Николаевича—прот. *І. Гончаревскій*.

А в г у с т ъ.

Въ Каедральномъ соборѣ: 1. Крестный ходъ—свят. *С. Курлатскій*. 3. Недѣля 9-я—прот. *П. Григоровичъ*. 6. Преображеніе Господне—прот. *І. Знаменскій*. Въ приходской церкви—свещен. *П. Олинъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 10. Недѣля 10-я—свят. *Н. Шосте*. 15. Успеніе Пр. Богородицы—свят. *Г. Виноградовъ*. 17. Недѣля 11-я—свят. *І. Минтулинъ*. 24. Недѣля 12-я—свят. *І. Илюковъ*. 29. Усѣби. гл. пр. Предтечи и Крестителя Господня Іоанна—свят. *І. Филевскій*. Въ приходской церкви—прот. *І. Пичета*. Въ Каедральномъ соборѣ: 30. Св. Благов. Кн. Александра Невского—свят. *А. Луценко*. Въ приходской церкви—свят. Алексій Жидановскій. Въ Каедральномъ соборѣ: 31. Недѣля 13-я—свят. *М. Петровъ*.

С е н т я б р ь.

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 7. Недѣля 14-я—свят. *І. Приходинъ*. Въ домово́й—свят. *А. Захарьевъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ 8. Рождество Пр. Богородицы—прот. *А. Любарскій*. Въ приходской церкви—прот. *В. Добровольскій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ 14. Недѣля 15-я и Воздвиженіе Креста Господня—Архим. *Аноасій*. Въ приходской церкви—прот. *Н. Любарскій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 21. Недѣля 16-я—свят. *С. Перцевъ*. Въ домово́й церкви 25. Пр. Сергія Радонежскаго—свят. *Е. Оболенскій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ 26. Преставленіе св. Ап. и Еванг. Іоанна Богослова—прот. *І. Ѳедоровскій*. Въ домовыхъ церквахъ: Рект. семин. прот. *А. Юшковъ*, свят. *М. Ѳедоровскій* и свят. *Ф. Пестряковъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ 28. Недѣля 17-я—свят. *М. Клечковъ*. Въ приходской церкви 30. Перенесеніе Чудотв. Озер. иконы Божіей Матери—свят. *В. Пономаревъ*.

О к т я б р ь.

Въ Каѳедральномъ соборѣ 1. Покровъ Пр. Богородицы—свят. *Д. Поповъ*. Въ приходской церкви—свят. *Н. Шосте*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 5. Недѣля 18-я и Тезоимен. Его Императ. Высоч. Наслѣдника Цесаревича—свят. *П. Вишняковъ*. 12. Недѣля 19-я—свят. *Н. Кришировъ*. 17. Пр. Осін. Воспоминаніе Чудесп. Спасенія Царской Семьи при крушеніи поѣзда при ст. Борки—свят. *Н. Дмитскій*. Въ домовыхъ церквахъ:—свят. *І. Филипповичъ* и свят. *І. Дмитріевъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 19. Недѣля 20-я—свят. *П. Тимофеевъ*. 21. Восшествіе на престолъ Государя Императора Николая Александровича—свят. *Н. Вознесенскій*. 22. Праздн. Казанск. иконы Божіей Матери—свят. *С. Уманцевъ*. Въ домово́й церкви 24. Празднов. образа «Вѣхъ скорбящихъ радостя»—свят. *М. Ськирскій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ 26. Недѣля 21-я вѣ. Дмитрія Солунскаго—свят. *М. Юшковъ*. Въ приходской церкви—прот. *П. Мигулинъ*.

Н о я б р ь.

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 2. Недѣля 22-я—свят. *І. Толмачевъ*. 8. Соборъ Архистратига Михаила—свят. *Ѳ. Кіанцинь*. Въ приходской церкви—свят. *П. Скубаческій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 9. Недѣля 23-я—прот. *І. Крушедольскій*. Въ домово́й церкви 13. Св. Іоанна Златоустаго—свят. *А. Теряевъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ 14. Ап. Филиппа и Рожденіе Государыни Императрицы Маріи Ѳедоровны—прот. *В. Борисовскій*. Въ домово́й церкви—свят. *П. Грома*. Въ Каѳедральномъ

соборъ: 16. Недѣля 24-я Апост. и Еванг. Маттея — свящ. Алексій *Жадовскій*. 21. Введеніе во храмъ Пресв. Богородицы — свящ. *Л. Твердохальбовъ*. 23. Недѣля 25-я. Всел. Кн. Александра Невского — священ. *М. Энцидовъ*. Въ домовыхъ церквахъ: — прот. *П. Солнцевъ* и священ. *М. Сизикій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: Недѣля 26-я. Ап. Андрея Первозв. — прот. *В. Поповъ*.

Д е к а б р ь .

Въ домовой церкви 4. Возкомъ Варвары — свящ. *Г. Котовъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 6. Св. Николай Миръ-Ликійскаго чудотворца. Тезоименитство Государя Императора — священ. *П. Оминъ*. 7. Недѣля 27-я — свящ. *М. Петровъ*. Въ домовой церкви 12. Свят. Спиридона — свящ. *Г. Мантулинъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ. 14. Недѣля 28-я — свящ. *Г. Полницкій*. 21. Недѣля 29-я, предъ Рождествомъ — прот. *Н. Гутникоу*. 25. Рождество Иисуса Христа — свящ. *А. Буровъ*. 26. Соборъ Пр. Богородицы — свящ. *В. Шановаловъ*. Въ приходской церкви — прот. *А. Балановскій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ 28. Недѣля 30-я, по Рождествѣ — свящ. *Г. Инноковъ*.

ОТЪ СОВѢТА ХАРЬКОВСКАГО ЕПАРХІАЛЬНАГО ЖЕНСКАГО УЧИЛИЩА.

1) Совѣтъ епархіальнаго женскаго училища считаетъ долгомъ довести до свѣдѣнія родителей обучающихся и живущихъ въ училищѣ дѣтей, что установленная плата за содержаніе во второе учебное полугодіе *должна быть внесена до 10 января*. Совѣтъ усерднѣе просить родителей озаботиться своевременнымъ взносомъ платы за содержаніе дѣтей, дабы училищная экономія не была поставлена въ затрудненіе исправно вести сложное хозяйственное дѣло.

2) Родителямъ дѣтей, за которыми числятся недоимки, Совѣтъ училища снова напомянать, что безъ взноса платы за содержаніе невозможно оставленіе ихъ дѣтей въ училищѣ.

3) Носмотри на неоднократныя объявленія Совѣта училища, что все имѣющіяся въ его распоряженіи епархіальныя и благотворительныя скупенія распределяются въ началѣ учебнаго года, отъ многихъ родителей, преимущественно псаломщиковъ и діаконовъ, продолжаютъ поступать на имя Епархіальнаго Начальства и въ Совѣтъ училища прошенія о предоставленіи ихъ дѣтямъ церковнаго содержанія. За неисполненіемъ въ своемъ распоряженіи никакихъ свободныхъ суммъ, Совѣтъ училища все такія

просьбы оставляетъ безъ удовлетворенія и настоящимъ объявленіемъ доводитъ до свѣдѣнія духовенства, что прошенія о принятіи на церковныя и благотворительныя стипендіи могутъ быть подаваемы съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ только предъ началомъ учебнаго года, когда обыкновенно свободныя стипендіи распределяются между бѣднѣйшими воспитанницами.

4) Такія же несвоевременныя прошенія о пособіи поступаютъ и въ Правленіе Братства Св. Великомученицы Варвары и весьма часто отъ тѣхъ лицъ, которыя ничѣмъ не выразили своего сочувствія Братству. Въ 1907 г. Братство израсходовало на пособіе воспитанницамъ 2689 р., 50 коп.

II.

Содержаніе. II. Церковное торжество въ Кронштадтѣ. P. II.—Кронштадтскій свѣточъ и газетныя гѣны.—Протоіерея *Іоанна Восторгова*.—() церковномъ пѣніи.—*М. Григоровскаго*.—Епархіальная хроника.—Архіерейскія богослуженія.—Празднованіе 25-ти лѣтняго юбилея протоіакона Харьковскаго кафедральнаго собора, *Василія Дмитріевича Вербицкаго*, 21-го ноября 1907 года.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Обсужденіе вопросовъ общецерковныхъ и епархіальныхъ реформъ на Тверскомъ епархіальномъ съѣздѣ. Ходатайство Полтавскаго Епархіальнаго съѣзда. Разныя извѣстія и замѣтки.—Объ отношеніяхъ священниковъ къ псаломщикамъ.—Полезныя постановленія о.о. законоучителей.—Объявленія.

ЦЕРКОВНОЕ ТОРЖЕСТВО ВЪ КРОНШТАДТѢ.

Въ газетѣ „Колоколъ“, изъ которой мы заимствуемъ это извѣстіе, уже сообщалось о посѣщеніи 5 декабря архипастырями Гермогеномъ и Серафимомъ, во главѣ съ митрополитомъ Владиміромъ, . г. Кронштадта для выраженія любви и почтенія великому нашему старцу и „батюшкѣ“ о. Іоанну. Въ тотъ же день владыка митрополитъ отбылъ въ Петербургъ, а бывшіе архипастыри, оба духовные дѣти о. Іоанна, рѣшили остаться, чтобы помолиться въ Андреевскомъ соборѣ и еще разъ насладиться лицезрѣніемъ славнаго всероссійскаго пастыря и бесѣдою съ нимъ. Торжественно и продолжительно было всенощное бдѣніе наканунѣ праздника въ память святителя Николая. Народъ не вмѣщался въ обширномъ храмѣ. На литію и поліелей выходили оба преосвященные, и оба же помазывали богомольцевъ св. елеемъ, пока не утѣшили

всѣхъ до единого; помазаніе продолжалось и послѣ окончанія службы. На другой день, въ самый праздникъ, раннюю обѣдню служилъ самъ о. Іоаннъ, почувствовавшій себя, подъ вліяніемъ утѣшенія духовнаго, гораздо крѣпче, чѣмъ въ предыдущіе дни, когда онъ не въ силахъ былъ совершить литургію и причащался на дому. Всѣ радовались этому приливу силъ и бодрости къ дорогому батюшкѣ. Позднюю литургію совершали оба преосвященные. Опять соборъ былъ переполненъ. Царица необычная тишина. Чувствовалось повышенное молитвенное настроеніе. Въ соборѣ видны были и представители власти въ мундирахъ и лентахъ, и простые крестьяне и крестьянки, пришедшіе издалека къ великому молитвеннику. Всѣ чувствовали, что архипастыри, пламенные почитатели о. Іоанна, пріѣхали принять отъ него благословеніе, помолиться о его здоровьи, засвидѣтельствовать ему свою любовь и глубокое почтеніе. За литургіей оба архипастыря и протоіерей І. Восторговъ произнесли проповѣди. Рѣчи были выслушаны съ особымъ вниманіемъ, когда же онѣ касались лица и дѣятельности о. Іоанна, когда упоминали о гоненіи на него со стороны разнузданной печати, то рыданія и плачь прервали проповѣдниковъ. Мысль о томъ, что литературные разбойники и разбойники сцены дерзнули оскорблять святую личность чтимаго пастыря,—мысль эта захватывала всѣхъ и вызывала у всѣхъ глубокое чувство негодованія.

По окончаніи службы безъ конца слышались благодарности прибывшимъ гостямъ за слово и молитву, слышались отовсюду просьбы способствовать прекращенію безобразій наглой печати и сцены. Съ 9 час. утра и до 3 час. дня длилась служба и послѣдующее благословеніе епископомъ Гермогеномъ многочисленныхъ богомольцевъ.

Послѣ литургіи оба епископа и сопровождающіе ихъ лица поѣхали о. Іоанна. Старецъ встрѣтилъ ихъ выраженіемъ живѣйшей благодарности за службу и слово назиданія, и вручилъ отъ себя преосвященнымъ и о. І. Восторгову святая иконы. Затѣмъ съ ними онъ удалился въ свою уединенную келію и тамъ бесѣдовалъ около часу, по его словамъ, о предметахъ первѣйшей важности. Собесѣдники вышли отъ о. Іоанна

растроганные и въ слезахъ... О. Іоаннъ и его гости вмѣстѣ послали Царственному Имяпшнику Государю Императору поздравительную телеграмму.

Горожане, власти и причтъ пригласили потомъ всѣхъ пріѣхавшихъ къ трапезѣ, послѣ которой они и отбыли въ столицу.

Свѣтлое чувство умиленія и молитвеннаго подъема духа осталось у всѣхъ участниковъ этого торжества. „У насъ Пасха“, говорили воодушевленные и умиленные богомольцы.

Спаси, Христе Боже, нашего дорогого батюшку и молитвенника, сохрани его для Церкви и вѣрующаго русскаго народа!

Р. П.

КРОНШТАДТСКІЙ СВѢТОЧЬ И ГАЗЕТНЫЯ ПЕНЫ.

(Слово произнесенное 6 декабря 1907 года въ Кронштадтскомъ Андреевскомъ соборѣ).

Повѣствуется въ одномъ древнемъ житійномъ сказаніи, что къ нѣкоему благочестивому старцу-подвижнику приходили со всѣхъ сторонъ слушатели и почитатели, прося молитвъ, совѣта, благословенія. Многіе и о многомъ спрашивали его, и всѣмъ и каждому онъ отвѣчалъ въ мѣру Духа, ему даннаго. Только одинъ юноша, всегда посѣщая старца, сидѣлъ у ногъ его молча и ни о чемъ не спрашивалъ. Однажды старецъ замѣтивъ это, наконецъ обрѣтился къ юношѣ съ вопросомъ: почему онъ молчитъ и ни о чемъ его не спрашиваетъ? Юноша отвѣтилъ: „Отецъ мой! Для меня довольно только слушать и смотрѣть на тебя“!

Старецъ кронштадтскій—вы знаете, о комъ я говорю—развѣ не напоминаетъ намъ и не повторяетъ ли на нашихъ глазахъ въ теченіе десятковъ лѣтъ этого древняго старца? Неистребимо живетъ въ душѣ человѣка потребность найги и облобызять святыню, поклониться ей, побыть въ ея освящающемъ и поднимающемъ духъ общеніи. У русскаго православнаго народа потребность эта является особенно повышенной, она наполняетъ и потрясаетъ всю душу народную, господствуя надъ всѣми другими ея интересами и запросами. И вотъ сюда, къ чудному старцу, столько лѣтъ обращаетъ свои взоры святая

и святолюбивая Русь. Одни къ нему являлись лично, съ нимъ молились и молятся, получаютъ совѣтъ и благословеніе, получали нерѣдко и даръ чудодѣйственной помощи. Какъ ихъ ни много, они, сравнительно со всею Русью, едва примѣтная часть народа. Всѣ прочіе, какъ юноша предъ древнимъ старцемъ, только созерцали это дивное видѣніе нашего времени и радовались Божьей благодати, въ немъ почивающей, и възгрѣвали вѣру и упованіе, и насыщались его обильною духовною трапезою слова, молитвы, непрестаннаго поученія,—поученія его жизни, подвига, любви, щедродательности, горящей вѣры и горящаго слова, исходящаго изъ устъ его. Отъ страны глубокой полунощи, гдѣ въ борьбѣ съ суровой природою, спасаясь отъ враговъ, нашелъ себѣ русскій человѣкъ пристанище свободы и училище крѣпости духа и характера, возсіялъ нашъ свѣтильникъ. Тамъ нѣкогда возросли великіе духомъ преподобные Трифонъ и Теодоритъ, Зосима и Савватій, Германъ и Кирилль и многіе другіе. Ихъ духомъ напоенный, стоитъ здѣсь болѣе полувѣка великій въ простотѣ вѣры и смиреніи настырь-молитвенникъ,—на грани русскаго царства, у полунощной столицы, на концѣ земли русской, у самаго моря, свѣтя, какъ маякъ, разбиваемымъ житейскимъ кораблямъ среди мірскихъ бурь и тревогъ житейскихъ.

Здѣсь, въ этомъ свягомъ храмѣ, полувѣка трепеталъ самый воздухъ его отъ гласа молитвъ и воздыханій всероссійскаго настыря и молитвенника; здѣсь пролились его первыя слезы священнической молитвы; здѣсь возносились къ Богу его пастырскіе скорби и радости; здѣсь около него было столько духовныхъ восторговъ вѣры, унованій, столько событій и случаевъ возрожденія, покаянія, спасенія, отрады и утѣшенія, столько чудесъ божественной благодати,—что по истинѣ должно сказать словами Господа къ Моисею у купины неопалимой: „иззуй сапоги съ ногъ твоихъ, мѣсто, на которомъ ты стоишь, свято“... Столько лѣтъ неизмѣнно и непрестанно днемъ и глубокою ночью, и утру глубоку, еще сущей тьмѣ, онъ стоялъ здѣсь и училъ, и молился,—и далъ ему Богъ радость видѣть, какъ городъ, извѣстный въ прежде время только блудомъ и порокомъ, обратился во всероссійское чтимое мѣсто, въ мѣсто

паломничества, какъ дѣйствіе его служенія сказывалось все шире и шире.

Долго и постепенно разгорался его свѣтильникъ; пока не засіялъ на всю Россію и далеко за ея предѣлами правиломъ вѣры, образомъ кротости и воздержанія учителемъ, пока не стяжалъ нашъ пастырь всероссійскій смиреніемъ высокая и нищетою—богатая. Вздымались гордо волны невѣрія въ 60-хъ годахъ, были жестокія бури въ церкви; поднимались ереси; возросъ и палъ Толстой... Отецъ Іоаннъ безтрепено и непрестанно увѣщевалъ, наставлялъ, бичевалъ, обличалъ порокъ и гордыню невѣрія и ереси; онъ стоялъ несокрушимымъ столпомъ православной церковности, на себѣ самомъ, въ живомъ призрѣніи показывая и доказывая силу, живость и дѣйственность святой церкви, которая способна возрастить въ своихъ недрахъ такого благодатнаго пастыря. Онъ зажегъ священный огонь въ тысячахъ душъ; онъ спасъ отъ отчаянія тысячи опустошенныхъ сердецъ; онъ возвратилъ Богу и въ ограду церкви тысячи гибнущихъ чадъ; онъ увлекъ на служеніе пастырское столько выдающихся людей, которые именно въ личности о. Іоанна успѣли увидѣть, оцѣнить и полюбить до самозабвенія красоту священства... Теперь они, нерѣдко уже стоящіе на высокихъ степеняхъ іерархіи, пріѣзжаютъ къ старцу Божію и предъ нимъ смиреннымъ склоняются до праха земного. Вчера и сегодня мы были тому свидѣтели ¹⁾.

И вотъ въ послѣдніе годы, когда назрѣвала и прорвалась гниемъ и смрадомъ наша пьяная, гнилая и безбожная, безнародная, самоубійственная революція, мы увидѣли страшное зрѣлище. Ничего не пощадили ожесточенные разбойники, не пощадили ни вѣры, ни святыхъ народныхъ. И старецъ великій, свѣтило нашей церкви, „отецъ—отцовъ славная красота“, честь нашего пастырства, человекъ, которымъ гордились бы каждая страна и каждый народъ,—этотъ старецъ на глазахъ у всѣхъ возносится на крестъ страданій, предается поруганію и поношеніямъ; его честь, его славу, его вліяніе расклевы-

¹⁾ Оба священнослужившіе архимандриты—духовныя дѣти о. Іоанна и имъ призваны къ священству. Наканунѣ пріѣзжалъ навѣстить о. Іоанна и выразить ему свою любовь и почитаніе митрополитъ Московскій Владиміръ.

ваютъ, черные вороны. Поползла гнусная сплетня; гаветные гады, разбойники печати, словесные гіены и шакалы, могильщики чужой чести, вылѣзли изъ грязныхъ норъ. Еврействующая печать обрушилась грязью на о. Іоанна. Нужно имъ разрушить народную вѣру; нужно опустошить совѣсть народа; нужно толкать народъ на путь преступленія; нужно отомстить человѣку, который такъ долго и успѣшно укрѣплялъ вѣру, воспитывалъ любовь къ Царю и родинѣ, бичевалъ всѣхъ предателей, наицхъ іудѣ и разрушителей родины, начиная отъ Толстого и кончая псчадіями, революціи... Его пераго стала травить и безславить разнузданная печать. Помню я, два года назадъ, возвращаясь изъ Сибири къ сѣверной столицѣ, по всей линіи желѣзной дороги эти листки, рисунки, стихи и издѣвательства надъ Іоанномъ Кронштадскимъ... Потомъ на краткое время травля ослабѣла, но теперь вся эта грязь опять соединяется въ одинъ общій потокъ. Черные вороны тучами собираются надъ Россіей, и первое, что они сѣются расклевать хищными клювами—это святыни и святыхъ, подорвать авторитетъ уважаемыхъ лицъ, подорвать благоговѣніе религиозное, на которомъ построены всякій долгъ, всякій порядокъ, всякая жизнь, истинно достойная и истинно человѣческая. Намъ нѣтъ дѣла до того, что собственно хотѣлъ выразить авторъ бездарной сценической страши, рассчитанной на обирание простодушныхъ людей,—обирание, которое онъ бичуетъ, однако, не въ себѣ и себѣ подобныхъ, какъ бы слѣдовало, а въ другихъ. Можетъ, онъ, какъ увѣряетъ, и въ самомъ дѣлѣ, хотѣлъ изобразить въ отталкивающемъ видѣ изувѣренное сектанство и религиозное шарлатанство, хотя бы прикрывающее себя именемъ о. Іоанна: вѣдь зло можетъ прикрываться не только именемъ чтимаго пастыря, но даже именемъ Іеговы (іеговисты) или Іисуса (іезуиты); вѣдь и въ другихъ областяхъ мысли и жизни вообще, сатана нерѣдко преобразуется въ образъ ангела, и развѣ мы не видѣли, какъ разбойники, насильники и предатели народные, служащіе за еврейскія деньги, разрушенію Россіи, выступаютъ подъ знаменемъ братства, равенства и особенно „народной свободы“ или блага общества (соціализмъ)? Итакъ, мы не говоримъ здѣсь о пьесѣ и ея со-

держанин: мы говоримъ о томъ, что сдѣлали изъ нея на сценѣ гнусные служители сцены, лакеи, продажные и пресмыкающіеся прислужники изменныхъ инстинктовъ толпы и дѣвольской революціи. На сценѣ, вмѣсто бичеванія сектантскаго, звѣрства или обмана, въ ужасу православныхъ, изображается, бытъ и обстановка нашихъ православныхъ обителей и храмовъ, и недвусмысленно выводится въ шутовскомъ видѣ нашъ доблестный пастырь, всенародно чтимый, о которомъ народная вѣра давно сказала свой приговоръ, что житіе его славно и усненіе будетъ со святыми. И это въ то время, когда онъ, па склонѣ дней, обезсиленный мучительнымъ недугомъ, ослабѣвшій тѣлесными силами, едва двигаясь, совершаетъ среди вѣрующихъ по прежнему свои, можетъ быть, послѣдніе на землѣ подвиги молитвъ и благочестія, когда онъ не въ силахъ защитить себя, когда мы трепещемъ за каждый день и часъ его жизни, когда еле теплится и вотъ-вотъ погаснетъ эта святая лампада, догоритъ эта чистая Божья свѣча! Неужели нѣтъ ему защиты? Неужели мы оставимъ его одинокимъ посреди нашего многочисленія? Неужели онъ отданъ на растерзаніе духовныхъ псовъ, на шутки и издѣвательства этихъ разбойниковъ?

„Но зачѣмъ ты говоришь объ этомъ намъ“?—можетъ быть, спросите вы въ тоскѣ и горести и въ недоумѣваніи. „Зачѣмъ“? Но тогда спросите, зачѣмъ плачетъ любящій сынъ около растерзаннаго отца или матери? Зачѣмъ въ большомъ горѣ, остановивъ плачъ и, повидимому успокоившись, мы, увидя близкихъ, любимыхъ, намъ сочувствующихъ, молчаливые среди чужихъ, здѣсь, среди своихъ, не можемъ сдержать горести, и слезъ, и воплей? Такъ и нынѣ, въ этомъ храмѣ при видѣ этого множества молящихся, дѣтей и почитателей о. Іоанна, дайте намъ излить свое горе, выплакать свои слезы!

А, зачѣмъ, въ этотъ день церковно-гражданскаго праздника, хочется чрезъ васъ, черезъ все это великое множество народа, изъ этого храма на всю Россію сказать: о, храните святыню и, святыхъ! Берегите, ваши духовныя сокровища! Защищайте, отстаивайте ихъ отъ тѣхъ свиней, что топчуть ихъ ногами! Или не знаете, что уста праведныхъ капли премудрости, языкъ же нечестивыхъ погубнетъ? Или не вѣрите, что идѣже

вниклетъ досажденіе. тамо и безчестіе—и это мы видѣли на всѣхъ этихъ усиліяхъ свободы и „освободительнаго движенія“, полнаго одной злобы и досажденія? Или забываете, что въ благословеніи правыхъ возвысится градъ, а устами нечестивыхъ раскопается? Или перестало быть непреложною истиною, что праведниками держатся царства человѣческаго, что сѣмя свято—стояніе ихъ, что правда возвышаетъ народъ, а умаляютъ племена грѣси?

Или думаете, что если вы избиваете пророковъ, подобно богоубійственнымъ евреямъ, то не останется домъ вашъ пустъ? Или каждый годъ у васъ будетъ новый Іоаннъ Кронштадтскій, что вы не дорожите имъ?

Не унижите вы Бога и святыни, не заплюете неба,—плевки возвратятся на головы нлевавшихъ; но сами вы, сами вы—какой отвѣтъ дадите? Что скажутъ о насъ потомки? Какъ справедливо они осудятъ насъ за то, что мы не умѣли и не хотѣли уберечь святого; не защитили, не оградилн его оградой и стѣною любви,—и это въ то время, когда живы и среди насъ тысячи имъ исцѣвленныхъ чудесно, тысячи имъ возрожденныхъ? Тогда какъ отвѣтимъ мы и Богу, и не свершится ли надъ нами Его правый и страшный приговоръ, что если мы Моисея и пророковъ не слушаемъ, то если кто изъ мертвыхъ воскреснетъ, не повѣримъ? Тогда не дошли ли мы до хулы на Духа, за которую одну, по суду даже самой воплощенной любви, объявившей прощеніе всякой хулѣ и всякому грѣху, нѣтъ прощенія ни въ сей жизни, ни въ будущей?

Тогда и на землѣ не устоятъ нашему царству, и не жить нашему народу. Любовью къ нашему старцу, молитвою за него, проявленіемъ всенароднаго и общественнаго негодованія къ исчадіямъ черныхъ вороновъ и всякой театральной нечисти, мы должны ополчиться въ защиту нашихъ попираемыхъ святынь.

А вамъ, гнусные хулители, готово пророческое слово того самаго праведника, котораго вы теперь обливаете грязью. Какъ бы въ предвѣвннхъ скорби, всего три года назадъ о. Іоаннъ писалъ въ своемъ дневникѣ: „Благодарю Тебя, Господи, Боже мой, что Ты призвалъ меня въ общеніе Божественной Тра-

незы Твоей, слѣлалъ меня сотрапезникомъ и собесѣдникомъ Твоимъ, чтобы возлгать какъ бы на персяхъ Твоихъ, или точнѣе, имѣть Тебя внутри въ персяхъ и въ сердцѣ моемъ. Какой Ты сподобилъ меня чести, какого достоинства, какой любви, какого общенія! Что я Тебѣ за это принесу и что воздамъ. великодаровитый, безсмертный Царь?! Но какое при-скорбіе, что служители Твои и сотрапезники Твоей Божественной Трапезы нынѣ въ пренебреженіи и поношеніи у людей вѣка сего; какъ они поносятъ священниковъ Твоихъ, и Церковь Твою, и святое слово Твое, которое изрекъ Духъ Святый! И доколѣ Ты терпишь ихъ, доколѣ не уничижишь ихъ, уничивившихъ Тебя, Бога нашего, и не изгладишь имени ихъ изъ числа живыхъ! Да погибнетъ память ихъ съ шумомъ. Буди!“¹⁾ Аминь.

Протоіерей Іоаннъ Восторговъ.

О ЦЕРКОВНОМЪ ПѢНІИ.

Въ древней Церкви молитвенныя воззванія и пѣспопѣвія при богослуженіи выполнялись всеми присутствующими, что было естественнымъ слѣдствіемъ и выраженіемъ живого участія ихъ въ общемъ моленіи. По стариннымъ богослужебнымъ книгамъ на прошеніяхъ ектеній возглашаютъ *модіе*: и доселѣ діаконъ говоритъ на сугубой ектеніи: „рцемъ вси отъ всея души“ .. потомъ уже явился *ликъ* и пѣвцы, входящіе въ составъ лика, или хора. До послѣдняго времени церковное пѣніе по уѣзднымъ городамъ и весямъ, а иногда по губернскимъ, было въ упадкѣ. Одному или двумъ псаломщикамъ было не подь силу пѣть въ церкви, а такъ называемые любители рѣдко подчинялись требованіямъ благозвучія, и больше упражнялись насчетъ громогласія, пользуясь случаемъ блеснуть своимъ голосомъ. Съ начала 90-хъ годовъ истекшаго столѣтія, когда широкой волной разлились по Руси церковныя школы съ ихъ религіознымъ направлениемъ, значительно улучшилось всюду и церковное пѣніе. Кое-гдѣ клиросному пѣнію школьничковъ поддѣваетъ и нѣкоторая часть прихожанъ, чему можно

¹⁾ Протоіерей Іоаннъ Сергіевъ „Изъ левиника за 1904 годъ“. Стр. 49.

только порадоваться. Въ высшей степени желательно, чтобы эта любовь и участіе народа въ пѣніи сдѣлалась общимъ явленіемъ и прочнымъ обычаемъ. При всемъ томъ, пѣніе наше далеко отъ совершенства, отъ того, какимъ оно должно быть, какъ изліяніе души нашей въ молитвенныхъ порывахъ къ Богу.

Различаютъ пѣніе *простое* съ его обычными молитвенными воззваніями и съ напѣвами на 8 гласовъ (осмогласіе), и пѣніе *партезное*, четырехъ и трехъ-голосное, какъ тѣхъ же напѣвовъ съ нѣкоторыми передѣлками, такъ и особыхъ музыкальныхъ композицій.

Простое пѣніе краткихъ молитвенныхъ воззваній: „Господи, помилуй“ и „подай, Господи“! ведется большей частью невнимательно, небрежно, то непростительно снѣпно, то утомительно растянута. Такъ, при первой великой ектеніи, на литургіи, обычно поютъ чрезвычайно растянута, съ непонятнымъ удлиненіемъ слога *по* (по-ми-луй) и конечнаго *луй*. Зачѣмъ такъ дѣлается, и кто установилъ это? Отвѣтъ — одинъ: такъ ведется издавна. Но отвѣчаетъ ли эта манера смыслу словъ и цѣли пѣнія? Замѣтимъ при семъ, что слово *Господи* произносится скороговоркою, слитно, нечленораздѣльно. Положимъ, что смыслъ неясныхъ звуковъ всемъ понятенъ; но зачѣмъ это священное слово произносить съ такимъ невниманіемъ? И въ музыкальномъ отношеніи отъ такого пѣнія едва ли получается какая-либо красота. Впрочемъ, даже и при стройномъ выполненіи молитвеннаго воззванія описаннымъ способомъ, смыслъ его не чувствуется непосредственно — именно отъ неправильной постановки ударенія. На малой ектеніи сліянціе двухъ „Господи, помилуй“ какъ бы въ одно воззваніе, при чемъ вовсе не слышно вычитываемаго дьякономъ прошенія, объясняется все тою же небрежностью и начинаетъ выходить изъ употребленія.

Обычное выполненіе „Господи, помилуй“ на сугубой ектеніи простымъ напѣвомъ ниже всякой критики и заслуживаетъ полнаго порицанія. Первые два воззванія сливаются въ какой-то неопредѣленный гулъ; за то третье „Господи, помилуй“ выпѣвается еще протяжнѣе, чѣмъ въ великой ектеніи, съ тѣмъ

же извращеннымъ удареніемъ (на слогъ *но*), а звуки *луй* опять ведется безъ конца, поддерживаемой *октавой*, заглушая добрую половину послѣдующаго прошенія. Чтò это, какъ не неуѣбтная хвастливость голосами, при полномъ невниманіи къ богослуженію и молитвенному настроенію, вызываемому словами: „рцемъ вси отъ всея души и отъ всего помышленія нашего“...— какъ не музыкальная игра для развлеченія любителей сильныхъ голосовъ и особенно крѣпкихъ октавъ? Такое легкомысленно, чтобы не сказать больше, пѣніе, къ счастью, рѣдко слышится въ столичныхъ церквахъ, но оно общепотребительно въ архіерейскихъ и другихъ большихъ хорахъ провинціальныхъ городовъ, и не только терпится, но быть можетъ и поощряется, несмотря на свое явное неприличіе.

Въ особо торжественныхъ случаяхъ на сугубой ектеніи поется „Господи, помилуй“ *нотное*. Большею частію таковыя композиціи малоцѣпны по музыкѣ, вычурны, съ разными голосовыми ризадами, разсчитаны на то, чтобы произвести эффектъ, и вовсе не сообразены съ молитвеннымъ настроеніемъ. Попадаются лишь 2—3 экземпляра тихихъ композицій, которыя казались бы соответствующими цѣли; но и здѣсь не безъ странностей: наприм., соединяются нѣсколько тихихъ и громкихъ, простыхъ и витіеватыхъ припѣвовъ, которые, чередуясь, могутъ, пожалуй, забавлять любителей музыкальныхъ развлеченій, но мѣшаютъ сосредоточенности въ молитвѣ, для котораго потребна тишина и нѣкоторое привычное однообразіе припѣвовъ.

При просительныхъ ектеніяхъ воззваніе „Подай, Господи!“ выполняется большею частію также безъ вниманія къ смыслу его. Въѣсто *подай* слышится громкій окрикъ съ гласнымъ *а*, смыслъ котораго пойметъ лишь тотъ, кто знаетъ само воззваніе; слово *Господи* нарочито протягивается съ тѣмъ же извращеннымъ удареніемъ (Го спо ди); при семъ грубовато-рѣзко выкрикиваются оба слога, и получается какая-то какофонія, нѣчто небрежное, при полномъ отсутствіи смысла и чувства. Такъ небрежно поетъ хоръ изъ семинаристовъ эти святаго слова даже при архіерейскомъ служеніи въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ. Къ такому пѣнію всѣ, повидимому,

привыкли. и оно никому не рѣжетъ уха; но у поствтителя, слышавшаго болѣе стройное и благоговѣйное церковное пѣніе, эти выкрики семинаристовъ не могутъ не вызывать чувства негодованія. Да не покажется кому либо все, сейчасъ сказанное, мелочью. Изъ сихъ воззваній состоитъ значительная часть богослуженія, особенно литургіи; ектеніями прерываются болѣе или менѣе продолжительныя чтенія для оживленія молитвенныхъ расположеній, что едва ли достигается описанными выкриками.

Самую обширную область простого церковнаго пѣнія составляютъ напѣвы: 8-ми гласовъ на „Господи, воззвахъ“, столько же на „Богъ Господь“, ирмосы воскресныя и праздничныя. У опытныхъ и старательныхъ пѣвцовъ напѣвы эти выходятъ недурно. Къ сожалѣнію, существуютъ значительныя разницы (варіанты) не только въ областныхъ напѣвахъ (кіевскій, московскій, ярославскій, саратовскій и др.), но и въ предѣлахъ одной епархіи, что мѣшаетъ однообразному и стройному ихъ выполнению. Если обратиться къ самому пѣнію, священныхъ пѣснопѣній: стихирь, тропарей и проч.—по напѣву гласа, то особенно здѣсь найдемъ много несообразностей. Общій и коренной недостатокъ состоитъ въ томъ, что первый звукъ музыкальной строки выполняется протяженно и съ особымъ удареніемъ на немъ, а прочія слова идутъ уже скороговоркой, слитно, превращаясь въ одинъ тягучій неразличимый сложный звукъ: послѣдній слогъ строки опять растягивается. Отсюда получается лишь чередованіе трудно различимыхъ звуковъ. При хорошихъ голосахъ и стройно выдержанномъ хорѣ, звуки эти кажутся даже пріятными, но въ нихъ не разберешь ни слова, если напередъ не знаешь самой стихирь, тропаря и проч. А потому пѣніе такого характера, даже и при кажущейся музыкальности, теряетъ всякую цѣлу. Если высокимъ достоинствомъ всякаго пѣнія считается ясная, отчетливая фразировка, по которой мы различаемъ каждое слово пѣвца, получающее въ пѣніи подобающее значеніе, то еще въ большей степени требованіе это приложимо къ церковному пѣнію, въ которомъ мелодія, напѣвъ имѣетъ второ-степенное значеніе, а вся суть—въ содержаніи, въ стихирѣ

или тропарѣ, который долженъ быть переданъ въ музыкальномъ речитативѣ, чтобы тѣмъ сильнѣе, неотразимѣе подѣйствовать на душу содержаніемъ священнаго гимна. Именно *речитативомъ* слѣдуетъ воспроизводить большинство церковныхъ пѣснопѣній всякаго музыкальнаго лада, или гласа, чтобы каждое слово было произнесено ясно и отчетливо, и каждому выраженію дано надлежащее тоническое удареніе и оттѣнокъ въ музыкальной строкѣ (въ предложеніи). Пѣнію не слѣдуетъ быть механично-ровнымъ и безучастно-последовательнымъ рядомъ звуковъ, какъ это обычно ведется; въ немъ должно слышаться нѣсколько главныхъ и второстепенныхъ удареній, подобно тому, какъ это слышится въ одушевленной плавной рѣчи искуснаго оратора. Повторяемъ—пѣніе по гласамъ должно обладать лучшими свойствами строго обдуманнаго речитатива, въ которомъ каждому отдѣльному слову дается столько звука, сколько значенія имѣетъ оно въ общей мысли. И тогда только оно будетъ вполне понятно и увлечетъ присутствующихъ въ храмѣ, возбуждая въ нихъ рядъ мыслей и чувствованій, вызываемыхъ содержаніемъ гимна, и объединяя ихъ въ общемъ молитвенномъ настроеніи. Подобное состояніе испытывается невольно при тихомъ и стройномъ пѣніи „Приндите—поклонимся“ на литургіи, или—пѣсни Богородицы на всенощной воскресной.

Примѣровъ неподобающаго пѣнія встрѣчается въ обиліи на каждой службѣ. Какъ на общезвѣстный примѣръ неряшливости, можно указать на пѣніе воскресныхъ тропарей *Ательскій соборъ удивися...* Несмотря на умильность и простоту этихъ гимновъ, и на частое ихъ выполненіе, они остаются для большинства молящихся неизвѣстными, именно вслѣдствіе вышеописаннаго способа выполненія, когда первое слово выкрикивается, а прочія отъ поспѣшности сливаются въ неразличимый гулъ, какъ бы въ одну звуковую линію. Многіе церковные гимны теряютъ свою прелесть и чарующее дѣйствіе именно вслѣдствіе отсутствія речитатива въ пѣніи. И даже умильнѣйшее по содержанію и нацѣву великое славословіе на всенощной еще сильнѣе дѣйствовало бы на душу, если бы музыкальная сторона въ немъ была больше согласована съ теченіемъ мысли и чувства, и если бы заботливость о бла-

гозвучіи, гармоничности, а иногда и эффектъ не заслоняли смысла отдѣльныхъ выраженій. Вообще, растянутасть не у жѣста и торопливость составляютъ господствующій недостатокъ обычнаго простаго церковнаго пѣнія.

Этими напѣвами осмогласія, съ присоединеніемъ знаменныхъ распѣвовъ, долго обходилась наша церковная практика и теперь довольствуется ими во многихъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества. Съ половины 18 в. къ намъ нахлынуло заморское, итальянское партесное пѣніе. Явилась масса ком- позиторовъ, большіе плохихъ. Они наводнили архіерейскіе хоры своими вычурными сочиненіями, рассчитанными исключительно на развлеченіе и увеселеніе публики разными музыкальными фокусами. Впрочемъ, одновременно съ ними появилось и нѣ сколько талантливыхъ композиторовъ, которые, находясь во главѣ императорской пѣвческой капеллы, очищали церковную музыку отъ непригодныхъ для нея пѣсней, и сами дали образцы церковныхъ композицій, которые нынѣ приняты всюду.

Существуютъ печатныя изданія сочиненій по церковной музыкѣ лучшихъ нашихъ композиторовъ: Боргнянскаго, Львова, Ломакіина, Бахметева, Турчанинова, изъ новѣйшихъ—Львовскаго, Архангельскаго. Въ числѣ работъ этихъ авторовъ много самостоятельныхъ, на произвольныя мелодіи свѣтской музыки, опернаго тона (таковы вообще духовные концерты), есть произведенія и подходящія къ строгому церковному характеру; но есть и болѣе или менѣе удачныя переложенія подлинныхъ старинныхъ церковныхъ напѣвовъ для исполненія пѣвческимъ хоромъ. Многія изъ этихъ работъ одобрены для церковнаго употребленія и выполняются съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Что сказать объ этихъ новыхъ работахъ церковной музыки?

Въ обществѣ нашемъ замѣчается три направленія относительнаго партеснаго итальянскаго пѣнія: одни совершенно равнодушны къ нему, другіе проникнуты особеннымъ пристрастіемъ къ нему и принимаютъ на себя значительные денежныя расходы по содержанію пѣвческихъ хоровъ; но встрѣчаются, въ небольшомъ числѣ, и такіе, которые не признаютъ за этимъ пѣніемъ никакого достоинства и предпочитаютъ всѣ

кому хору пѣвчихъ старинную (старообрядческую) одноголосицу (унисонъ) ради ея древности. Такое же различіе замѣчается и среди епархіальныхъ начальниковъ, архіереевъ, при которыхъ полагаются хоры пѣвчихъ, служащіе образцами для прочихъ, частныхъ, любительскихъ хоровъ при другихъ церквахъ епархіальнаго города и по уѣзднымъ городамъ.

Равнодушными и безучастными къ церковной музыкѣ могутъ быть лишь тѣ, кто вообще не чувствуетъ никакого интереса къ религіознымъ и богослужебнымъ вопросамъ, особенно если и у самихъ нѣтъ музыкальнаго слуха. Мнѣніе такихъ людей — съ извращенными понятіями или съ природнымъ недостаткомъ, не можетъ имѣть никакого вѣса. Повидимому, безучастными къ церковному партесному пѣнію являются и простые деревенскіе богомольцы; но появленіе пѣвческихъ хоровъ всюду при начальныхъ народныхъ училищахъ указываетъ съ другой стороны, на большую народную любовь къ пѣнію стройному, съ раздѣленіемъ на голоса, т. е. вообще къ партесному.

Къ любителямъ церковнаго пѣнія принадлежатъ всѣ, надѣленные музыкальнымъ слухомъ и вкусомъ. И въ самомъ дѣлѣ музыкальныя произведенія церковнаго характера содержатъ въ себѣ много привлекательнаго, особенно если сравнить его съ монотоннымъ и прискучившимъ обычнымъ напѣвомъ и при томъ, что не рѣдко, исполняемымъ нестройно и грубовато. Но должно сознаться, что несмотря на мелодичность, гармоничность, иногда задумчивость и вообще высокія достоинства новѣйшихъ музыкально-церковныхъ произведеній, ими должно пользоваться съ большимъ выборомъ и осторожностью.

Всѣ лучшія пѣсы, какъ: херувимскія, „Милость мира“, запричастные стихи — на литургіи, „Хвалите имя Господне“, „Нынѣ отпущаеши“ и т. д. на всенощной составлены для хора съ хорошими голосами, ибо авторы ихъ были управляющими придворной капеллой или близко стоящими къ ней лицами. Следовательно, они могутъ быть надлежаще исполнены лишь при хорошемъ составѣ хора и музыкально развитомъ репертѣ. Но оба эти необходимыя условія рѣдко встрѣчаются даже въ архіерейскихъ хорахъ, не говоря уже о частно-приходскихъ. Если и попадаются въ отдѣльности хорошіе голоса,

то большей частью необработанные, весь же составъ хора— лишь на первой, низшей степени музыкальнаго развитія. Что же касается регентовъ, то они почти всюду—доморощенные, не слыхали хорошаго, правильнаго пѣнія, держатся установившихся издавна пріемовъ, т. е. безотчетныхъ, неосмысленныхъ, часто—дикихъ. Отсюда выходитъ, что наиболѣе голосистые въ хорѣ желаютъ и стараются показать силу своего громогласія, удаля свою, иногда слащавость въ исполненіи solo, и регентъ радъ дать просторъ любимцамъ-пѣвцамъ, полагая въ нестройной крикливости всю прелесть и выбирая нарочно піесы, отличающіяся такимъ характеромъ. Таковы большею частью архіерейскіе хоры, ихъ пѣніе криливо, нестройно, съ рѣзкими переходами отъ *forte* къ *piano*, при полномъ отсутствіи плавности и выразительности; копіи съ нихъ, частно-приходскіе хоры, почти всегда ниже своихъ оригиналовъ, рассчитаны главнымъ образомъ на удовлетвореніе грубоватыхъ вкусовъ провинціальнаго купечества, пристрастнаго къ громкимъ solo и крикливымъ выполненіямъ игривыхъ фугъ въ духовныхъ концертахъ. Итакъ, даже прочно организованные пѣвческіе хоры рѣдко въ состояніи пропѣть, какъ слѣдуетъ, лучшія изъ церковно-музыкальныхъ произведеній и высказываютъ больше расположенія къ піесамъ сомнительной доброкачественности. Примѣру ихъ слѣдуютъ и едва сформировавшіеся хоры, и они берутся за тѣ же піесы, для нихъ пока непосильныя и въ концѣ концовъ своей неладицей разстраиваютъ молящихся и нарушаютъ благолшіе службы. Такіе хоры должны находиться подъ особымъ надзоромъ настоятеля церкви, съ воспрещеніемъ приниматься за то, чего они не могутъ удовлетворительно пропѣть.

Но строго судя, затруднительно даже многія изъ считающихся лучшими произведеніями для церковнаго пѣнія (херувимскія и „Милость мира“) признавать вполне соответствующими богослужебному характеру. Самый главный пунктъ несоответствія—часто перемежающіеся solo съ выкриками всего хора и частые нарочитые диссонансы. Выдѣленіе отдѣльныхъ голосовъ является чѣмъ-то искусственнымъ, нарочитымъ, рассчитаннымъ на особое вниманіе къ этой мелодіи и, слѣдо-

вательно, нарушающимъ тихое самоуглубленіе и общій подъемъ чувства, предполагаемый молитвеннымъ настроеніемъ въ церкви. Особенно же неудачной представляется композиція второй половины херувимской пѣсни: *яко да царя...* Обыкновенно она построяется въ противоположность протяжному и тихому теченію первой части, на подобіе концерта съ веселыми solo и громкими выкриками всего хора, напоминающими торжественный свѣтло радостный маршъ по окончаніи грустной церемоніи. Такое впечатлѣніе всегда вызываютъ эти концертныя „яко да царя“, стоящія въ рѣзкомъ противорѣчій съ первой половиною херувимской и портящія прежнее тихое молитвенное настроеніе. Но такъ, въ сожалѣнію, построены всѣ извѣстнѣйшія и общеупотребительныя херувимскія Бортиянскаго, Львова и даже новѣйшихъ композиторовъ, и отъ этого онѣ много теряютъ въ своемъ церковномъ направленіи. Неизвѣстно, какими соображеніями руководились при этомъ почтенные авторы: но очевидно, они не приняли въ расчетъ смысла словъ: *яко да царя...* выражающихъ цѣль предшествующихъ состояній и, слѣдственно, еще болѣе усиленное настроеніе того же характера. Болѣе предпочтительными оказываются херувимскія пѣсни Турчанинова и другихъ немногихъ, гдѣ одна и та же мелодія продолжается и во второй части ея, отчего не прерывается единство настроенія, какъ это и должно быть въ одной молитвѣ. Есть такой же композиціи одна херувимская Бортиянскаго, № 5-й такъ называемая *тактовая*; по своей простотѣ она можетъ быть легко выполняема совокупнымъ пѣніемъ всѣхъ молящихся и, по справедливости, могла бы быть рекомендуема во всеобщее употребленіе въ учебныхъ заведеніяхъ.

Почти въ такой же мѣрѣ замѣчается несогласіе мелодіи и гармонизаціи въ большинствѣ „*Милость мира*“... со словами сихъ молитвенныхъ возношеній. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній до того крикливы и своеобразны по мелодіи, что кажутся совершенно непригодными для церковнаго употребленія. Но они то по-преимуществу воспѣваются нашими хорами и приходятся наиболѣе по вкусу любителямъ громогласія. Особенно шумливо и эффектно въ смыслѣ solo и хоровыхъ вы-

криковъ составляются „Святъ, святъ“... Священнѣйшій изъ всѣхъ церковныхъ гимновъ „Тебе поемъ“... почти всегда умѣреннѣе въ смыслѣ звукового разнообразія и по мѣстамъ рассчитанъ на молитвенное настроеніе, хотя въ рѣдкихъ случаяхъ обходится безъ „возгласеній“. Вообще, этотъ отдѣлъ пѣснопѣній требовалъ бы коренной переработки. Нѣкоторые изъ композицій позднѣйшихъ авторовъ, напр., Львовскаго, по глубинѣ и душевности своихъ мелодій болѣе согласуются съ содержаниемъ сихъ воззваній и сопровождающихъ ихъ священнодѣйствій, но онѣ требуютъ хорошихъ голосовъ и умѣлаго выпозвенія. Среди этихъ музыкальныхъ произведеній едва ли не лучшимъ по своей мелодіи и гармонизаціи можетъ быть признана переработка пѣнъва, употребляемаго на литургіи св. Василія Великаго, известная подъ названіемъ „арославской“. Въ ней одна господствующая мелодія, влѣдствіе чего настроеніе молящагося не отвлекается, а, напротивъ, усиливается. Она легко можетъ быть усвоена и выполняема всѣми совокупно, что, по нашему мнѣнію, составляетъ послѣднюю степень развитія церковнаго пѣнія. Своимъ ровнымъ теченіемъ и оживляющими его модуляциями эта мелодія наилучше выражаетъ религіозную душевную жизнь, чуждую сильныхъ порывовъ во внѣ, во внутри—полную глубокихъ чувствъ, севопующихъ, постепенно затихающихъ и приносящихъ ей внутренней миръ и утѣшеніе.

М. Григоровскій.

(Окончаніе будетъ)

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Архіерейскія богослуженія.

25-го ноября, въ воскресенье, Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, совершилъ освященіе новоустроеннаго храма въ деревнѣ Гуты, Богодуховскаго уѣзда, при

сахарномъ заводѣ Товарищества Копытъ. Храмъ этотъ устроенъ на средства названнаго Товарищества для нуждъ жителей д. Гуты и служащихъ сахарнаго завода и экономіи. По размѣрамъ оный не великъ, вмѣстимостію на 500 человѣкъ, деревянный, но отличается красивой архитектурой въ русскомъ стилѣ, снабженъ хорошо живописью, водянымъ отопленіемъ и проч. удобствами, стоимость его до 40 тысячъ рублей. Въ 1905 году Его Высокопреосвященство и закладывалъ этотъ храмъ, а въ настоящемъ году по приглашенію строителей дозволилъ совершить его освященіе. Чинъ освященія начался въ 8 ч. 30 м. утра и совершился при большомъ стеченіи народа. Въ освященіи участвовали: ключарь кафедральнаго собора протоіерей І. Гончаревскій, благочинный 1-го округа Богодуховскаго уѣзда протоіерей о. Алексѣй Станиславскій, благочинный 2-го округа того же уѣзда священникъ о. Іоаннъ Золотаревъ, священникъ с. Губаровки, чинъ опредѣленный къ сей церкви, о. Платонъ Ведриискій, священникъ с. Полковой Никитѣвки о. Симеонъ Ботларовъ и священникъ с. Крючела о. Симеонъ Подольскій. Послѣ освященія храма Владыка совершалъ первую литургію, въ концѣ которой произнесъ проповѣдь о великомъ значеніи храма для христіанъ, какъ мѣста, въ которомъ освящаются всѣ важнѣйшіе моменты в случаѣ въ жизни христіанина отъ рожденія его и до смерти, и о значеніи храма даже послѣ смерти христіанина, ибо въ немъ совершаются постоянныя моленія о усопшихъ, здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ. Особенностію этой проповѣди была мысль о томъ, что храмъ есть стражъ, наблюдающій за вѣрою, благочестіемъ и доброю жизнію христіанъ, а колокольный церковный звонъ есть голосъ Божій отвлекающій людей отъ земныхъ заботъ и мірской суеты къ богомыслию и попеченію о душѣ и высшихъ духовныхъ благахъ,—призывающій людей къ исканію и молитвѣ. Проповѣдь эта, произнесенная съ высокимъ воодушевленіемъ и ясностію въ изложеніи, была выслушана съ глубокимъ вниманіемъ и интересомъ и произвела большое впечатлѣніе *). Торжественное архіерейское служеніе, особенно же рѣдко наблюдаемый, чинъ освященія храма, прекрасное пѣніе архіерейскаго хора, воодушевленіемъ и доступна для пониманія народа проповѣдь Архiepейскаго проповѣдника произвели сильное впечатлѣніе и надолго останутся драматны для тѣхъ, кто удостоился присутствовать на этомъ богослуженіи.

— 26 го ноября, въ понедѣльникъ, въ кафедральномъ соборѣ совершенно было торжественное богослуженіе по случаю воснаго

*) Она напечатана въ началѣ этой книжки.

праздника Георгіевскихъ кавалеровъ. Литургія была совершена соборнѣ военнымъ духовенствомъ, во главѣ съ благочиннымъ военнаго духовенства протоіереемъ о. К. Воскресенскимъ. Послѣ литургіи въ 11 ч. 30 мин. Его Высокопреосвященствомъ въ сослуженіи съ военнымъ и соборнымъ духовенствомъ былъ отслуженъ молебенъ св. великомуч. Георгію Побѣдоносцу, на которомъ, кромѣ военныхъ, присутствовало много молящихся. Послѣ молебна и многолѣтія Владыка окропилъ внесенныя въ церковь воинскія знамена св. водою, а протоіерей окропилъ св. водою войска, стоявшія на соборной площади, послѣ чего былъ парадъ георгіевскихъ кавалеровъ.

Изъ собора Его Высокопреосвященство переѣхалъ въ залъ дворянскаго собранія, гдѣ въ этотъ день собрался Харьковскій союзъ русскаго народа для празднованія въ честь своего покровителя св. великомученика Георгія Побѣдоносца. Въ 1 час. дня Владыка въ сослуженіи протоіерей о. І. Пячеты, ключаря кафедральнаго собора протоіерей І. Гончаревскаго, священника о. П. Скубачевскаго и священника о. А. Сокольскаго отслужилъ молебенъ св. Георгію Побѣдоносцу; предъ молебномъ же обратился къ союзникамъ съ рѣчью, въ которой провелъ сравненіе первыхъ временъ христіанства, — когда вѣрующіе составляли одну душу, проявляя это единодушіе не только во взаимныхъ отношеніяхъ, но и въ общей борьбѣ и отстаиваніи истины Христовой отъ враговъ ея, — съ настоящимъ временемъ, когда лучшимъ людямъ Россіи приходится вести борьбу и отстаивать сущенныя для русскихъ людей истины — православіе, самодержавіе и народность. Указавъ на то, что усиліяхъ въ этомъ дѣлѣ можетъ быть основанъ только на любви и единеніи, Владыка призвалъ на Русскій союзъ благословеніе Божіе и помощь небеснаго покровителя св. Георгія Побѣдоносца. По окончаніи молебна и многолѣтія, всѣмъ многолюднымъ собраніемъ пръв участіи хора архіерейскихъ певчихъ трижды былъ пропѣтъ народный гимнъ.

2-го декабря, въ воскресенье, Его Высокопреосвященство совершалъ литургію въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря въ сослуженіи съ монастырскимъ духовенствомъ.

— 4-го декабря, въ день св. великомученицы Варвары, Его Высокопреосвященство совершалъ литургію въ церкви Епархіальнаго женскаго училища, по случаю храмоваго праздника. Въ служеніи участвовали: предсѣдатель Совѣта училища протоіерей о. Іоаннъ Пячета, ключарь собора протоіерей І. Гончаревскій, духов-

пикъ училища протоіерей о. П. Вышемірскій, инспекторъ классовъ священникъ о. І. Котовъ и законоучитель священникъ о. І. Горавинъ. Пѣли воспитанницы училища. Проповѣдь сказана была о. инспекторомъ классовъ. Послѣ литургій былъ отслуженъ молебенъ св. великомученицѣ Варвары. Кромѣ воспитанницъ и служащихъ училища въ храмѣ было много постороннихъ молящихся. Предъ выходомъ изъ церкви Владыка поздравилъ училище съ храмовымъ праздникомъ и высказалъ ему свои благожеланія, послѣ чего преподалъ благословеніе. Изъ храма Владыка зашелъ въ квартиру г. начальницы училища, гдѣ пилъ чай.

— 6-го декабря, въ день тезоименитства Государя Императора Николая Александровича, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершалъ литургію въ кафедральномъ соборѣ въ сослуженіи: архимандритовъ — Аонасія и Аркадія, кафедральнаго прот. о. С. Любичаго, ключаря прот. І. Гончаревскаго, благочиннаго свящ. о. П. Вишнякова и священ. о. Г. Виноградова. Проповѣдь была сказана ректоромъ семинаріи о. Алексѣемъ Юшковымъ. Послѣ литургій былъ отслуженъ, при участіи градскихъ протоіереевъ и священниковъ, молебенъ св. Николаю съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому. На богослуженіи присутствовали представители равныхъ вѣдомствъ и учреждений, а также множество молящихся, такъ что соборъ не могъ вмѣстить всѣхъ, и потому многіе оставались внѣ храма.

9-го декабря, въ воскресенье, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершалъ литургію въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря въ сослуженіи монастырскаго духовенства.

Протоіерей І. Гончаревскій.

П Р А З Д Н О В А Н І Е

25-ти лѣтняго юбилея протодіакона Харьковскаго кафедральнаго собора, Василія Дмитріевича Вербидкаго, 21 ноября 1907 года.

21 ноября 1907 года, въ праздникъ Введенія во храмъ Пресви Богородицы, состоялось рѣдкое по своей задушевности и многолюдству участниковъ торжество чествованія о. протодіакона Харьковскаго кафедральнаго собора, В. Д. Вербидкаго, по случаю исполненія 25-ти лѣтій его службы въ санѣ протодіакона.

Предварительно описанія торжества, представляемъ краткія біографическія свѣдѣнія о юбилярѣ.

В. Д. Вербицкій родился въ 1855 году въ слободѣ Котельвѣ, Ахтырскаго уѣзда, и происходить изъ старинной „духовной“ семьи; онъ былъ сыномъ бывшаго настоятеля Котелевской Николаевской церкви и благочиннаго 2-го Ахтырскаго округа, протоіерея о. Дмитрія Вербицкаго. Семья эта была очень популярною въ Ахтырскихъ краяхъ, отличалась лучшими старинными, чисто-русскими традиціями, а также—врасотю, представительностію и сравнительнымъ долготѣіемъ нѣкоторыхъ членовъ. Мать В. Д. и старшая сестра и до свхъ поръ здравствуютъ. Въ этой то семьѣ крѣпли и развивались какъ тѣлесная представительность и органическая крѣпость В. Д., такъ и совершенство его благороднаго сердца и рѣдкаго добродушія.

Первоначальное образованіе В. Д. получилъ въ Ахтырскомъ духовномъ училищѣ, гдѣ уже въ 15—16 лѣтъ обнаруживалъ задатки исключительнаго по своей силѣ и красотѣ голоса. Его квартирный хозяинъ, бывший въ свое время также рѣдкимъ и по голосу, и по красотѣ служенія, соборный діаконъ (умершій въ санѣ священника), о. Василій Ракшевскій, слушая его пѣніе въ училищномъ хорѣ, а особенно произношеніе имъ діаконскихъ многолѣтій, кони онъ „наполнял“ свою квартиру, не разъ говорилъ: „Ну, ты, Васи, непременно будешь протодіакономъ; помнишь ты мое слово! Прійдется мнѣ-таки быть у тебя подъ началомъ, когда будешь пріѣзжать къ намъ, въ соборъ, съ архіереями на крестные ходы!“

Въ Харьковской духовной семинаріи, куда В. Д. перешелъ для продолженія образованія, по окончаніи курса въ духовномъ училищѣ, голосъ В. Д. сталъ крѣпнуть и формироваться очень быстро и замѣтно и кивался исключительнымъ даже среди многихъ другихъ пѣвцовъ, кони въ то время изобиловала наша семинарія. Хорошее, особенно церковное пѣніе, подъ управленіемъ товарища В. Д., А. А. Котляревскаго, впоследствии не безызвѣстнаго регента у насъ, въ Харьковѣ и даже въ другихъ южныхъ городахъ Россіи, стояло тогда въ Харьковской семинаріи очень высоко, и его украшала своимъ голосомъ болѣе всѣхъ В. Д. Но въ то время доступъ въ университетъ для воспитанниковъ духовныхъ семинарій былъ свободнымъ, и В. Д., вмѣстѣ съ другими, болѣе способными товарищами, увлекся общимъ теченіемъ и, по выдержаніи повѣрочнаго испытанія, по окончаніи 4 классовъ семинаріи, поступилъ въ число студентовъ медицинскаго факультета Харьковскаго университета. Между тѣмъ, со смертію отца, В. Д. очень

трудно приходилось въ матеріальномъ отношеніи, и онъ принужденъ былъ зарабатывать средства на прожитіе и для уплаты въ университетъ своимъ голосомъ, участвуя въ извѣстныхъ тогда Харьковскихъ церковныхъ хорахъ г.г. Гордовскаго, Котляревскаго и Лятинскаго. О силѣ и широтѣ діапазона голоса В. Д. въ этотъ періодъ Харьковскіе сторожники передаютъ множество интересныхъ, характерныхъ для голоса и для благожелательности В. Д. случаевъ. Такъ, когда на раннія литургіи иногда опоздають напр. тенора, а изъ басовъ окажется 1—2 голоса, то регентъ, въ крайнемъ затрудненіи, обращается къ В. Д. съ убѣдительною просьбою „выручить изъ бѣды“ и стати въ ряды теноровъ, и В. Д., ничтоже сумняся, съ своимъ могучимъ басомъ „исполняетъ“ почти впродолженіи всей литургіи теноровую партію, и дѣло улаживается къ общему благополучію. ( ) силѣ голоса этого пѣвца передаютъ также, что исполненіе имъ арій изъ „Жизни за Царя“ „Чуютъ правду“, гдѣ либо на Основѣ, при плаваніи на лодкѣ, бывало слышно по рѣкѣ, вечеромъ чуть не на университетской горкѣ... Такое могущество голоса, въ связи съ недостаткомъ средствъ и необходимостію добывать ихъ сложнымъ трудомъ церковнаго хориста, въ ущербъ университетскимъ занятіямъ, побудило В. Д. избрать своею спеціальностію служеніе искусству и поступить въ Московскую консерваторію. Тамъ ему предсказывали, съ его голосомъ и уже установившимся умѣніемъ владѣть имъ, самую широкую, блестящую будущность, но неодолимыя матеріальныя и другія препятствія принудили его вскорости же оставить консерваторію и возвратиться въ Харьковъ. Испытавъ много перемѣнъ въ настроеніи и избраніи жизненныхъ цѣлей, В. Д. почувствовалъ, наконецъ, старую, родовую привязанность къ Церкви Божіей и, установившись къ тому времени окончательно, твердо рѣшилъ принести свой природовой талантъ къ подножію алтара Божія. Съ радостію приняла его въ свое лоно родная духовная семья въ лицѣ бывшаго тогда епископа Харьковскаго, преосв. Іустина, который и рукоположилъ его въ санъ діакона къ Харьковскому кафедральному собору 21 февраля 1882 года, а 20 ноября того же года преосв. архіепископъ Аμβросій назначилъ его, на мѣсто умершаго протодіакона Невпрягина, сперва исправляющимъ должность протодіакона, а чрезъ нѣкоторое время и штатнымъ протодіакономъ Харьковскаго кафедральнаго собора, съ какового времени В. Д. непрерывно и служитъ въ этомъ санѣ уже 25 лѣтъ, украшая архіерейскія службы своимъ дивнымъ, мощнымъ и въ совершен-

ствѣ обработаннымъ голосомъ, который могъ бы сдѣлать честь любому столичному собору, и являясь гордостію всей Харьковской епархіи и даже всего юга Россіи. Въѣсть съ сими В. Д. обладает не только вслѣдствіемъ голосовымъ свѣтами для того, чтобы быть выдающимся протоіакономъ, но и владѣеть серьезнымъ музыкальнымъ образованіемъ, почему и до сихъ поръ извѣстенъ, какъ лучшій пѣвецъ въ Харьковѣ. Его участіе въ духовныхъ концертахъ всегда ожидается любителями и знатоками перваго пѣнія съ особымъ интересомъ и доставляетъ имъ высокое духовное наслажденіе. Его голосъ звучитъ одинаково сильно, мощно и въ то же время поразительно—мягко какъ въ низшихъ регистрахъ, такъ и на высокихъ нотахъ, доступныхъ лишь легкимъ баритонамъ, почему въ хоровыхъ нумерахъ пѣтъ болѣе густой октавы, какъ октава В. Д., равно какъ рѣдко у кого получаютъ столь чистые и легкіе высокіе тоны, какъ у того же В. Д., и потому-то даже опытные оперные пѣвцы и критики расходятся въ опредѣленіи, какія партіи были бы для В. Д. наиболѣе пригодными: партіи ли визкаго, мощнаго баса (напр. Сусанина въ „Жизни за Царя“), или же высокаго, свободнаго баритона (партіи „Евгенія Онегина“, „Валентина“ въ „Фаустѣ“ и др.).

Но при всѣхъ своихъ духовныхъ и тѣлесныхъ дарованіяхъ, доставившихъ ему возможность быть главнымъ сослуживцемъ Харьковскимъ святителямъ и рѣдкимъ духовнымъ пѣвцомъ—концертантомъ, В. Д. выработалъ въ себѣ поразительное самообладаніе, деликатность въ обращеніи съ низшими и равными, благожелательность въ отношеніи всѣхъ своихъ сослуживцевъ, почтительность и благородство въ отношеніи старшихъ, чѣмъ свискалъ не только всеобщее признаніе своихъ рѣдкихъ вышнихъ дарованій, но и глубокую любовь и уваженіе къ себѣ за свои рѣдкія же душевныя качества. Вотъ почему желаніе ознаменовать юбилей В. Д. присутствіями и различными подношеніями охватило почти всѣ духовныя и свѣтскіе слои Харьковскаго края и приняла довольно широкіе размѣры, въ которомъ, между прочимъ, благоволила принять участіе своими поздравленіями всѣ архипастыри, находящіеся въ живыхъ, съ коими Господь привелъ служить В. Д.

Всѣхъ полнѣе, сердечнѣе и трогательнѣе почтилъ юбиляра, конечно, нынѣ здравствующій Харьковскій Арахиастырь, Высокопреосвященныи Арсеній, благословившій организовать официальное чествованіе В. Д. 21 ноября н. г.—въ ближайшій день къ фактическому исполненію 25 лѣтняго юбилея его службы (20-го

ноября) и наиболѣе удобный срокъ для духовенства и горожанъ, какъ день великаго годового праздника. Инициаторомъ этого чествованія, вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствъ, явился старѣйшій въ епархіи благочинный 3 округа Купянскаго уѣзда, прот. Чернявскій, возбудившій предъ Архіепископомъ формальное ходатайство о разрѣшеніи указаннаго чествованія. Согласно съ этимъ была образована особая комиссія для собиранія подписныхъ денегъ и выработки порядка чествованія юбиляра со стороны епархіальнаго духовенства, при чемъ организовалась также особая комиссія изъ преданныхъ В. Д. лицъ отъ гражданъ гор. Харькова для ознаменованія этого счастливаго въ жизни В. Д. дня чѣмъ либо также достойнымъ со стороны гражданъ гор. Харькова. Результатомъ работъ этихъ лицъ в комиссіи явилось столь рѣдкое по своей задушевности чествованіе В. Д., которое и вышло въ значительной массѣ ему въ этотъ день привѣтствій, подарковъ и поздравленій.

Первымъ привѣтствовалъ В. Д. Высокопреосвященный Арсеній, яря томъ—въ самый день юбилея, въ 10 часовъ утра 20 ноября н. г., въ своихъ Архіерейскихъ покояхъ. Призвавъ къ себѣ В. Д., Преосвященный Арсеній облекъ его въ шелковую, дорогую, святую съ самого себя рясу, благословилъ его иконою пренод. Серафима, Саровскаго чудотворца, подарилъ ему съ. Евангаліе, молятвословъ и много своихъ поучительныхъ проповѣдей съ собственноручными надписями и при этомъ сказалъ ему столь сердечное привѣтствіе, что растрогалъ имъ и юбиляра, и бывшихъ при этомъ лицъ до глубины души, до слезъ. Онъ сказалъ приблизительно слѣдующее: „Вы, о. Протодіаконъ, прослужили въ своемъ санѣ 25 лѣтъ, изъ нихъ со мною около 5 лѣтъ. За время моего архіерейства и у меня было не менѣе 5-ти протодіаконовъ, но скажу Вамъ прямо, но обинуясь, что на съ кѣмъ мнѣ не было такъ пріятно и отраднo служить, какъ съ Вами! Служеніе Ваше образцовое, благолѣпное, величавое, но въ тоже время—и назидательное. И это—не столько потому, что у Васъ голосъ необычный, мощный и музыкальный, сколько потому, что Вы человекъ ровный, благородный, а главное—церковный. Скажу Вамъ болѣе: Вы всегда будете и для меня, и для всякаго архіерея дорогимъ и желаннымъ отцомъ Протодіакономъ даже и тогда, когда Вы будете уже на склонѣ лѣтъ, когда силы Ваши и голосъ Вашъ уже ослабѣютъ“..

Въ самый день предположеннаго чествованія В. Д. литургію въ кафедральномъ соборѣ пожелахъ совершить, не смотря на полу-

ченную накануне сильную простуду, высокопреосвященный Арсеній, которую и совершилъ благополучно въ сослуженіи двухъ архимандритовъ, четырехъ протоіереевъ и самого юбиляра. Храмъ былъ такъ переполненъ молящимся, что—какъ говорится—букаважно яблоку упасть было негдѣ. Архіепископъ Арсеній—самъ тонкій знатокъ и горячій любитель церковнаго художественнаго пѣнія, разрѣшилъ исполнить въ этотъ день въ первый разъ въ кафедральномъ соборѣ, при своемъ служеніи, цѣлкомъ всю давнюю, написанную въ строгомъ древне-церковномъ стилѣ, композицію литургіи П. И. Чайковскаго и исполненную строго-организованнымъ, первокласснымъ хоромъ м. С. Ведрянскаго, какъ бы въ особый почетъ юбиляра, удивительно стройно, художественно, съ яснымъ пониманіемъ мысли композитора. По окончаніи литургіи Владыка Арсеній, еще разъ поздравивъ юбиляра, разоблачился и сей часъ же уѣхалъ изъ собора, не имѣя свѣтъ остаться на все время молебна и привѣтствій юбиляру, а соборное и городское духовенство совершило благодарственное Господу Богу молебное пѣніе, съ провозглашеніемъ многолѣтія юбиляру, и было првступлено къ чтенію привѣтствій, адресовъ в къ подношенію вконъ и другихъ подарковъ.

Первымъ отъ лица причта и старосты кафедральнаго собора привѣтствовалаъ В. Д. кафедральный протоіерей С. П. Любицкій. Овъ сказалъ приблизительно слѣдующее: „Отецъ Протодіаконъ! Сегодня исполнилось 25 лѣтъ Вашей службы въ занимаемой Вами должности. Служба Ваша имѣетъ самую тѣсную связь съ пастырствомъ. Пастырство же имѣетъ свою цѣлю духовно возрождать пасомыхъ и руководить ихъ къ вѣчному спасенію—ученіемъ, совершеніемъ св. Таинствъ и богослуженія. Были времена въ жизни Церкви, въ вѣкъ Апостольскій, когда и во Христѣ діаконы принимали ближайшее участіе въ сѣваніи слова Божія и даже въ совершеніи св. Таинствъ, напр. таинства Крещенія. Нынѣ о.о. діаконы лишь *служатъ* епископамъ и пресвитерамъ. Но и это ихъ сослуженіе имѣетъ великое значеніе въ душепастырствѣ. Они возносятъ молитвы отъ лица пасомыхъ, указываютъ имъ порядокъ богослуженія, громко произносятъ слово Божіе въ Апостольскихъ и Евангельскихъ чтеніяхъ; провозношеніемъ о.о. діаконы могутъ производить глубокое дѣйствіе на сердца молящихся, особенно когда ихъ собственное настроеніе соотвѣтствуетъ произносимымъ словамъ молитвы. Когда Вы, о.о. протодіаконъ, произносите: „Миромъ Господу помолимся“, то эти слова производятъ особое дѣйствіе на душу,

потому что Вы сами отличаетесь необыкновеннымъ миролюбіемъ и незлобіемъ. Вы, отецъ протодіаконъ, прослуживъ въ своемъ высокомъ санѣ 25 лѣтъ, были лучшимъ и наиболѣе идеальнымъ сослужителемъ в Харьковскимъ епископамъ, в соборному духовенству. Обладая мощнымъ, яснымъ и музыкально обработаннымъ голосомъ, прозянося эктении и чтеніи изъ слова Божія громко и выразительно, увлекаая и плѣняя всѣхъ молящихся въ послушаніе Церкви, Вы въ то же время, будучи человекомъ мирнымъ в благороднымъ, по истиннѣ призывая всѣхъ къ миру и сердечной молитвѣ и этимъ сослужили великую службу душеспытству и приобрѣли сердечную къ себѣ привязанность всѣхъ своихъ сослуживцевъ. Дай же Богъ, чтобы эта наша совѣстная служба, въ мирѣ съ насомыи и другъ съ другомъ продолжалась еще многіе годы. Въ знакъ нашего къ Вамъ уваженія и благожеланія просимъ принять отъ насъ этотъ образъ святителя Николая которому Вы въ нашемъ храмѣ молитесь въ теченіе 25 ти лѣтій. Пусть оиъ своими святыи предъ престоломъ Божиимъ молитвами сохранитъ Вашу жизнь еще и еще на многіе и долгіе годы“. При этомъ, икону святит. Николая подалъ юбиляру соборный староста К. П. Уткинъ, сказавшій и отъ себя нѣсколько теплыхъ привѣтственныхъ словъ.

Отъ лица епархіального духовенства, выступилъ, затѣмъ, помощникъ благочиннаго 1-го округа церковей гор. Харькова, священникъ Д. Поповъ, состоявшій въ числѣ юбилейной комиссін и сказавшій въ привѣтствіе юбиляру слѣдующее:

„Достойнѣйшій о. Протодіаконъ, дорогой Василій Дмитріевичъ!

Я счастливъ, что на мою долю вынала высокая честь привѣтствовать Васъ отъ лица всего Харьковскаго духовенства въ столь рѣдкій, знаменательный день въ Вашей жизни! Прослуживъ непрерывно 25 лѣтъ въ санѣ кафедральнаго протодіакона, быть все это время столь образцовымъ руководителемъ о.о. діаконствъ, чтецовъ и пѣвцовъ на архіерейскихъ службахъ, нести на своихъ плечахъ наибольшее бремя благолѣпныхъ, но—въ то же время—и сложныхъ святительскихъ служеній,—какая это честь, какая это огромная заслуга предъ епархіей! Всю силу и великость этой заслуги можетъ во всей полнотѣ оцѣнить только тотъ, кто самъ, такъ сказать, выросъ на вѣросѣ, кто на себѣ испыталъ тяжесть богослужебнаго труда, участвуя самъ дѣятельно въ благолѣпномъ совершеніи богослуженія.

Поэтому, не сгустили мы красокъ, когда называли Васъ *достой-*

нашимъ Отцомъ Протодіакономъ. Это наименованіе Вы заслужили по праву—своею примѣрнѣйшею 25-лѣтнею службою въ своемъ высокомъ, трудномъ и отвѣтственномъ санѣ!

Вмѣстѣ съ сямъ, Вы заслужили это наименованіе и своимъ дѣяніемъ, на рѣдкость и на высокое духовное наслажденіе—мощнымъ и пѣвучимъ голосомъ. Кто его не знаетъ? Кто имъ не восхищается? Кто не свѣшитъ послушать Васъ на архіерейскихъ службахъ, на духовныхъ концертахъ и въ особыхъ „солныхъ“ исполненіяхъ Вами извѣстныхъ пѣснопѣній въ великомъ посту? Вѣдь, восхищеніе Вашимъ голосомъ и умѣнемъ владѣть имъ доходить до того, что люди, желавшіе бы урывать у Церкви Божіей лучшіе ея дары и алмазы для служенія міру и свѣтскому искусству, искренно сожалеютъ, что Вы—де поплы не по своей дорогѣ!..

Всѣмъ этимъ Вы являетесь нашею гордостію и составили себѣ славу далеко за предѣлами Харьковской епархіи.

Но мы называли Васъ не только „достоинѣйшамъ о. Протодіакономъ“; мы называли Васъ—и *дорогимъ* нашему сердцу Василіемъ Дмитріевичемъ. Знаемъ мы почти все Васъ, В. Д., уже давно, нѣкоторые—болѣе 30 лѣтъ. Много слышали о Васъ на мѣстѣ Вашей родины и перваго обученія въ Ахтырскихъ краяхъ; много ставились съ Вами въ жизни, ко многому въ ней и въ службѣ Вашей присматривались. И вотъ наше убѣжденіе: Вы—не только достойнѣйшій Отецъ Протодіаконъ, но—и благороднѣйшій чело-вѣкъ, съ доброю, открытою и правдивою душею! Кто не знаетъ доброты Вашего сердца, Вашей деликатности въ отношеніи низшихъ, особенно—невысшихъ ставленниковъ? Кто не знаетъ Вашей благожелательности и благодушія съ равными, Вашей благородной почтительности и такта въ отношеніи высшихъ? Одно имя В. Д. у всѣхъ обычно вызываетъ чувства благодарности, любви и уваженія къ Вамъ—носителю этого имени, и потому—то нся епархія и пожелала отмѣтить настоящій день въ Вашей жизни своимъ привѣтствіемъ и поднесеніемъ Вамъ св. образа.

Пріймите же, дорогой и родной всѣмъ намъ—Харьковцямъ В. Д., этотъ св. образъ съ такою же любовью къ намъ, съ какою мы его Вамъ подносимъ и къ Вамъ относимся, и да продлитъ Господь, Податель благъ всяческихъ, Ваше здоровье и Вашу жизнь еще на многіе и долгіе годы—для блага и украшенія церкви Божіей и въ предметъ восхищенія и Вашимъ служеніемъ, и Вашею доброю душею!

Вслѣдъ за сямъ благогнанный 2-го округа церевей г. Харькова, священникъ П. Воинниковъ подалъ юбиляру драгоценную икону Спасителя, сооруженную на средства епархіальнаго духовенства, собранныя по подпискѣ.

Затѣмъ отъ лица корпораціи Харьковской Духовной Семинаріи привѣтствовалъ В. Д. о. Ректоръ протоіерей А. М. Юшковъ, сказавшій слѣдующее:

„Достоуважаемый о. Протодіаконъ Василій Дмитріевичъ!

Корпорація Харьковской Духовной Семинаріи привѣтствуетъ Васъ въ день исполнившагося двадцатипятилѣтія Вашего полезнаго служенія Церкви Божіей. Не стану входить въ оцѣнку всей Вашей службы: это сдѣлано другими лицами, стоящими къ Вамъ въ болѣе близкыхъ отношеніяхъ. Скажу лишь о Вашемъ отношеніи къ нашей Семинаріи. Вы,—питомецъ этой семинаріи, не порвали съ нею связи по выходѣ изъ нея и оказались самымъ благодарнымъ и любящимъ сыномъ по отношенію къ воспитавшей Васъ матери—школы. Въ теченіе всего періода Вашего служенія въ санѣ протодіакона Вы ежегодно, а иногда и по нѣсколько разъ въ годъ, принимали участіе въ Богослуженіи въ нашемъ семинарскомъ храмѣ и своимъ чуднымъ голосомъ и благолѣпнѣмъ служеніемъ доставляли великое удовольствіе и утѣшеніе всѣмъ намъ. И что особенно цѣнно въ этомъ отношеніи, такъ это то, что пріѣзжали Вы къ намъ не по принужденію, а охотно, съ любовью. Поэтому, съ нашей стороны Вы заслужили, кромѣ глубокой благодарности, и любовь, которая побудила насъ принять участіе въ нынѣшнемъ ирэдникѣ Вашемъ. Въ знакъ нашей глубокой признательности къ Вамъ просимъ принять отъ насъ этотъ скромный подарокъ; пусть онъ, хотя изрѣдка, напоминаетъ Вамъ, что и на Холодной горѣ бьются сердца, подыня самыхъ теплыхъ чувствъ по отношенію къ Вамъ“.

При этомъ инспекторъ семинаріи Л. М. Багрецовъ поднесъ юбиляру цѣнный сребровызлащенный подарокъ (чайный приборъ).

Далѣе, отъ лица Харьковскихъ купцовъ С. Н. Жевержеева, Л. П. Соколова и Д. Ф. Офицерова, изъ коихъ послѣдній (г. Офицеровъ) состоитъ церковнымъ старостою Харьковской Крестовоздвиженской (Мироносицкой) церкви, прочтанъ былъ послѣднимъ адресъ слѣдующаго содержанія:

„Досточтимый Отецъ Протодіаконъ, Василій Дмитріевичъ!

Позвольте и намъ—троимъ Вашимъ почитателямъ принести

свои поздравленія въ этотъ знаменательный для Васъ день чествованія по случаю исполнившагося 25-лѣтія Вашего служенія въ санѣ протодіакона. Искренно желаемъ Вамъ силъ, здоровья и душевнаго спокойствія, чтобы мы могли еще долго любоваться Вашимъ чуднымъ голосомъ и наслаждаться Вашимъ прекраснымъ служеніемъ, а Вы въ добромъ здоровьи украшали бы долго еще занимаемое мѣсто и дослужили 50 тилѣтняго юбилея. И дай Богъ, чтобы мы и въ день 50-тилѣтія могли Васъ привѣтствовать. Какъ выраженіе нашего искренняго къ Вамъ уваженія, просимъ принять отъ насъ на память о сегодняшнемъ днѣ сей малый подарокъ. Съ уваженіемъ къ Вамъ: С. Н. Жевержеевъ, Л. П. Соколовъ и Д. Ф. Офицеровъ*. При этомъ юбиляру былъ врученъ отъ указавшихъ лицъ закладной листъ Харьковскаго Земельнаго Банка за № 48478, серія 7-я.

Наконецъ, въ соборѣ же прочтаныъ былъ отъ Харьковскаго архіерейскаго хора регентомъ М. С. Ведринскимъ слѣдующій адресъ:

„Глубокоуважаемый о. Протодіаконъ, Василій Дмитріевичъ!

На долю мою выпало рѣдкое счастье привѣтствовать Васъ отъ лица Харьковскаго архіерейскаго хора, которому Вы всегда были такъ близки и дороги, съ столь знаменательнымъ днемъ 25-лѣтняго Вашего служенія церкви. Не стану распространяться о Вашемъ талантѣ, какъ духовнаго пѣвца—артиста, скажу лишь одно, вспомните тѣ церковные концерты, не только въ родномъ городѣ, но и въ городѣ императора Петра, изъ которыхъ Харьковскій духовный хоръ во главѣ съ Вами, выходилъ всегда съ честью и гордостью. Низкій поклонъ Вамъ и многая, многая лѣта! Регентъ архіерейскаго хора: М. Ведринскій. Пѣвчіе: И. Горбатенко, А. Водченко, Г. Маторинъ, Ф. Устьяновъ, М. Иковичъ, М. Смалъ, Н. Хицанъ, Ф. Блючкинъ, П. Пасичниковъ, П. Федотъ, К. Приваловъ, В. Гречка, М. Прядкинъ, Св. С. Урбанскій, А. Житниковъ, М. Дмитренко, С. Акименко, В. Стрый, В. Красниковъ, П. Горащенко, А. Щукинъ, Т. Кушиновъ, В. Рубинскій, А. Ткаченко, П. Новоселенко, М. Гудима.

Этимъ привѣтствіями и подношеніями закончилось торжественное чествованія В. Д., совершенное въ кафедральномъ соборѣ.

Священникъ Д. Поповъ.

(Окончаніе будетъ)

Иноепархіальный отдѣлъ.

Обсужденіе вопросовъ общецерковныхъ и епархіальныхъ реформъ на Тверскомъ епархіальномъ съѣздѣ.

Тверской епархіальный съѣздъ духовенства, приступивъ къ обсужденію вопроса объ общецерковныхъ и епархіальныхъ реформахъ, не нашелъ возможнымъ въ своихъ засѣданіяхъ всесторонне обсудить этотъ вопросъ, въ виду его сложности и обширности самой темы, и намѣтилъ рядъ только вопросовъ, выдвинутыхъ самою жизнью съ тѣмъ, чтобы таковыя вопросы, по всестороннемъ ихъ обсужденіи на благочинническихъ съѣздахъ, были представлены послѣднимъ съ ихъ заключеніемъ комиссіи епархіальнаго съѣзда, которая должна выработать свѣтезь этихъ постановленій, вручить его выборному отъ епархіи на предстоящій церковный соборъ, какъ инструкцію, выражающую голосъ всего духовенства епархіи. Программу этихъ вопросовъ просить Его Высокопреосвященство разрѣшить отпечатать въ Тверскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

На семь протоколъ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 7 сентября 1907 года послѣдовала такая: «Восемнадцать вопросовъ по общецерковнымъ и епархіальнымъ реформамъ, намѣченныхъ депутатами въ прилагаемой программѣ, епархіальный съѣздъ духовенства призналъ для себя невозможнымъ всесторонне обсудить. Это вполне понятно и основательно выражено въ семь протоколъ: ибо и предсоборное присутствіе, въ лицѣ высшихъ іерарховъ, съ многочисленными комиссіями явѣстныхъ въ ученомъ мѣрѣ профессоровъ спеціалистовъ, въ теченіе цѣлаго года усиленно занималось обсужденіемъ подобнымъ вопросовъ по церковнымъ реформамъ и оставило намъ цѣлыя томы литературно обработанныхъ проектовъ предполагаемыхъ реформъ. Послѣ сего, совершенно неяснымъ представляется самое постановленіе съѣзда, подписанное 37 депутатами, каковымъ постановленіемъ всестороннее обсужденіе этихъ вопросовъ предоставляется благочинническимъ съѣздамъ, обыкновенно продолжающимся одинъ день. Предоставляю самимъ благочинническимъ съѣздамъ судить, насколько всесторонни и основательны могутъ быть ихъ постанов-

ленія по сѣмъ вопросамъ. Между тѣмъ сѣмъ протоколомъ поручается комиссіи сѣзда выработать свѣтезь (?) этвхъ благочинническихъ постановленій и вручить его выборному сѣду епархіи на предстоящій всероссійскій церковный соборъ—какъ инструкцію, выражающую голосъ всего духовенства епархіи». Такое постановленіе сѣзда затрудняюсь признать обязательнымъ въ исполненію какъ для благочинническихъ сѣздовъ, такъ и для комиссіи сѣзда. Самой сущности, степени умѣстности и неудоборѣшимости нѣкоторыхъ вопросовъ на благочинническомъ сѣздѣ я не касаюсь. Для духовенства епархіи, полагаю было бы полезно ознакомиться съ проектами реформъ, а желающимъ и могущимъ сказать что-либо доброе и общепольное предоставляются разные способы заявленія оффиціальнымъ и неоффиціальнымъ путемъ своихъ мнѣній, каковыя мнѣнія и тверское духовенство уже представляло въ свое время въ своихъ проектахъ по разнымъ вопросамъ и эти проекты въ свое время напечатаны». (Првл. къ № 18 «Твер. Еп. Вѣд.»).

Ходатайство Полтавскаго Епархіальнаго сѣзда.

Полтавскій епархіальный сѣздъ духовенства обратился къ мѣстному Преосвященному съ ходатайствомъ о томъ, а) чтобы всѣ жалобы на членовъ духовенства передавались на предварительное разсмотрѣніе благочинническихъ совѣтовъ и безъ дознанія, кромѣ исключительныхъ случаевъ, слѣдствія не назначались, такъ какъ часто для выясненія несостоятельности жалобы достаточно бываетъ дознанія; назначенное же по такимъ жалобамъ слѣдствие незаслуженно ложится позорнымъ пятномъ на обвиняемаго, б) чтобы жалобы съ резолюціями Владыки не вручались непосредственно жалобщикамъ, а окончательныя опредѣленія по жалобамъ сообщались виновнымъ чрезъ благочинныхъ, а не чрезъ полицію, какъ практикуется нынѣ, и в) чтобы анонимныя жалобы и письма оставались совершенно безъ вниманія. (Полт. Еп. Вѣд. № 39)

Разныя извѣстія и замѣтки.

Объ отношеніяхъ священниковъ къ псаломщикамъ.

Преосвященный Амвросій, викарій Волынской епархіи, по поводу нѣскольکو несовомѣрнаго отношенія священниковъ къ пса-

ломщикамъ въ западныхъ епархіяхъ, пишетъ: „Непроглядное, а иногда и бѣдственное положеніе нашихъ псаломщиковъ заслуживаетъ нашего серьезнаго вниманія особенно потому, что оно отражается на ихъ качествахъ или достоинствахъ ихъ службы. Нерѣдко со всѣхъ сторонъ слышатся упреки и жалобы, что наши псаломщики малограмотны, не умѣютъ порядочно ни пѣть, ни читать, а бывають-де иногда среди нихъ и порочные люди, пьяницы... Да, скажемъ и мы: все это правда. Но нужно спросить строгихъ судей такихъ псаломщиковъ: откуда набирается ихъ контингентъ большею частью? Не недоучки ли это, не изгнанники ли изъ монастырей и духовныхъ школъ за грѣхи или малоспособность? Много ли епархія употребила средствъ на надлежащую подготовку хорошихъ псаломщиковъ? И еще: имѣютъ ли наши псаломщики добрыхъ, старательныхъ и умѣлыхъ руководителей на мѣстахъ службы въ лицѣ своихъ священниковъ, какъ это, должно бы, полагаю, быть? Многие ли изъ священниковъ-то самыхъ умѣютъ хорошо, не говорю уже пѣть, но хотя бы порядочно, по церковному чтанью? А затѣмъ: охотно ли пойдутъ во псаломщики люди умѣлые, при настоящей припженности и необеспеченности этого служенія?“ (Болыи. Епарх. В. № 8).

Полезныя постановленія о.о. законоучителей.

Засѣданіе комиссіи о.о. законоучителей г. Перми по вопросу о постановкѣ преподаванія Закона Божія въ средней школѣ провело нѣсколько постановленій, достойныхъ общаго вниманія, а именно:

- 1) признать обязательное участіе, наравнѣ съ о.о. законоучителями, всѣхъ преподавателей и воспитателей учебныхъ заведеній въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія дѣтей; 2) ходатайствовать предъ учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ и учебнымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, чтобы они безъ промедленія давали печатные отзывы о новыхъ книгахъ и журналахъ въ особомъ „Библиографическомъ Листкѣ“, который долженъ обязательно выписываться во всѣ учебныя введенія; 3) ввести церковное пѣніе, какъ обязательный предметъ обученія, въ росписаніе ежедневныхъ уроковъ, а также организовать общее церковно пѣніе при богослуженіи; 4) въ виду деморализующаго вліянія на учащихъ всякаго рода увеселеній и особенно спектаклей, устраиваемыхъ подъ праздники и воскресные дни, возбудить вопросъ о воспрещеніи на будущее время устройства такихъ спектаклей и увеселеній подъ праздники.

Объ изданіи газеты въ новомъ 1908 году

КОЛОКОЛЪ

1) „Колоколъ“ первая и единственная въ Россіи ежедневная политическая, а вмѣстѣ и церковная литературная газета. При „Колоколѣ“ въ 1908 г. будетъ издаваться особымъ приложеніемъ иллюстрированный еженедѣльникъ (52 №), подъ заглавіемъ „Къ Русскому Народу“.

„Колоколъ“ (8-й годъ изданія)—органъ правой, національной, монархической печати, поставившей своей задачей вѣрноопределенное служеніе Церкви, Царю и Роднѣ въ великомъ дѣлѣ мирнаго обновленія и устройства церковно-общественной и государственной жизни Родины на исконныхъ творческихъ началахъ подъ девизомъ: господства на св. Руси православія, первенства русской народности, и царственной свободы Самодержавія, покоющагося на неразрывности союза и единенія Царя съ Народомъ, чрезъ народное представительство въ лицѣ „лучшихъ русскихъ людей“—въ Государственной Думѣ и Совѣтѣ безъ средостѣній и стараго бюрократизма, и новаго для Россіи конституціоннаго парламентаризма. Чуждаясь всякихъ партійныхъ крайностей, храня христіанскую терпимость, помня евангельскіе заветы о правдѣ Божіей, „Колоколъ“ будетъ отмѣчать все то достойное вниманія, полезное и доброе, что будетъ находить у людей другихъ партій и убѣжденій и звать къ единенію политически и духовно-разрозненныя честныя русскія силы. Въ этомъ отношеніи „Колоколъ“ является органомъ безпартійнымъ и безпристрастнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ редакція охотно открываетъ столбцы газеты духовенству и мірянамъ для свободнаго общія мнѣнія по вопросамъ нужды церкви и клира. Въ „Колоколѣ“ будутъ сообщаться подробныя и своевременныя отчеты собственныхъ корреспондентовъ о засѣданіяхъ Гос. Думы и предстоящаго Церковнаго Собора.

Въ общественно-политическомъ отдѣлѣ газеты—помѣщаются руководящія статьи по вопросамъ политикѣ, церковной и общественной жизни, телеграммы, новости дня и всѣ прочія газетныя свѣдѣнія о жизни столицъ и провинціи. Въ церковномъ отдѣлѣ—недутся ежедневныя сообщенія о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ высшей и епархіальныхъ властей, хроника церковно-приходской жизни православной Россіи, дѣтпися религиозно-бытовой жизни расколо-сектантства, инославія и иновѣрія.

Еженедѣльникъ „Колокола“ „Къ Русскому Народу“—предназначается для пастырей, въ качествѣ пособія и ихъ многотрудномъ дѣлѣ духовнаго и политическаго водительства паствой, а для народа—какъ путеводитель среди темныхъ распутий современной жизни и мысли. Въ еженедѣльникѣ „Къ Русскому Народу“ войдутъ церковно-апологетическія бесѣды, религиозно-бытовые очерки и беллетристическіе рассказы изъ народной и военной жизни, критическій популярный разборъ пропагандистской и политической социальной литературы. Нѣсколько выпусковъ, а также и отдѣльныхъ листовъ будутъ посвящены необходимымъ въ народномъ быту сельско-хозяйственнымъ вопросамъ и народной медицинѣ и гигиенѣ, отвѣты на запросы читателей и проч.

Въ фельетонахъ „Колокола“ будутъ печататься критическіе очерки общественной и церковной жизни, рассказы и повѣсти изъ жизни общества и народа, а также изъ жизни православнаго и инославнаго духовенства. Съ начала года начнетъ печататься въ „Колоколѣ“ новый бытвой романъ В. И. Крыжановской „Болотный цвѣтокъ“, который переноситъ читателя въ вышнюю жизнь высшаго польскаго общества, съ присущими ему чванствомъ и предрасудками, а также національной и религиозной потерпимостью.

Подписная годовая цѣна на газету „Колоколъ“ съ еженедѣльникомъ „Къ Русскому Народу“—шесть рублей, на полгода 3 руб., на 4 мѣсяца 2 р., на 2 мѣсяца 1 руб., на 1 мѣсяць 50 к. Вносящіе при подпискѣ годовую плату одновременно уплачиваютъ только 5 р. Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, 158.

Редакторъ А. В. Фелонинъ.

Издательница Ю. А. Сиворцова.

МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ВЪ НОВОМЪ 1908 ГОДУ.

Богословскій, Церковно-Общественный ежемѣсячный журналъ, органъ православной внутренней миссиі.

Какъ и въ истекшія XII лѣтъ изданія своего, „Мисс. Обзор.“ въ новомъ 1908 г. будетъ не только научно-спеціальнымъ, но и жизненно-популярнымъ органомъ, отзывчивымъ на всѣ чрезвычайныя событія и явленія, какъ церковной, такъ и государственной и общественно-народной жизни и мысли, осмѣщая ихъ свѣтомъ церковнаго православнаго ученія и истинно-научнаго знанія.

Отстаивая широкое пониманіе внутренней миссиі церкви, какъ силы не только охраняющей неизблещность святого православія, но и какъ дѣла духовно-творческаго, сознательнаго, и народно-просвѣтительнаго, „Мисс. Обзорѣніе“ поставляетъ своими задачами не одно только идейное и литературное руководительство миссіонерскимъ дѣломъ обличенія и вразумленія заблудшихъ съ цѣлью воссоединенія отпадшихъ съ православною церковью, но и огражденіе православно-вѣрующихъ отъ увлеченія расколо-сектантами, противохристіанскими релягиозными и безбожными лжеученіями нашего времени, а также содѣйствіе возвышенію христіанской жизни и церковнаго просвѣщенія православнаго народа, росту и процвѣтанію пастырской дѣятельности церковно-приходской жизни, подъему церковнаго самосознанія и дѣятельной любви къ церкви въ обществѣ и народѣ, и проч.

Редакція „Мисс. Обзорѣніе“ дастъ своимъ подписчикамъ: 1) 12 книжекъ журнала, въ объемѣ 10 и болѣе печатныхъ листовъ по прежней программѣ. 2) Избранныя Слова и Рѣчи синодальнаго миссіонера-протоіеря и церковно-политическаго дѣятеля протоіеря І. І. Восторгова, заключающія въ себѣ отклики на политическія и общественныя событія послѣднихъ лѣтъ. 3) Календарь для православнаго духовенства и церковныхъ людей, куда войдутъ всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя необходимы пастырю, какъ священнослужителю, проповѣднику-миссіонеру, общественному дѣятелю, руководителю народа.

СОДЕРЖАНІЕ КАЛЕНДАРЯ: Мѣсяцесловъ. Литургическія замѣтки; переходящіе дни богослуженія; праздники и высокотожественныя дни. Посты, для поминовенія усопшихъ, правила отпустовъ, правила церковнаго круга.—Выписки изъ церковнаго устава о соединеніи дневныхъ и праздничныхъ чтеній. Порядокъ чтенія кафизмъ. Указатель о пѣніи молебновъ, апостольскихъ и евангельскихъ чтеній. Темы для проповѣдей. Правила декламации церковно-проповѣдической и импровизации. Алфавитный перечень чудотворныхъ иконъ Божіей Матери съ краткимъ описаніемъ. Россійскій Императорскій Домъ. Святѣйшій Синодъ и списокъ епархіальныхъ, викариальныхъ и штатныхъ епископовъ, съ краткими датами о времени службы. Статистика. Церковная статистика. Миссіонерскій отдѣлъ. Каноническія и юридическія свѣдѣнія о правахъ и обязанностяхъ въ отношеніи церкви и вѣры пастырей и мірянъ. Вѣшняя жизнь пастыря въ ея отношеніяхъ къ семьѣ, обществу и народу (правила вѣшлаго благоповеденія). Высочайше утвержденное положеніе о созывѣ церковнаго собора. Церковно-школьный отдѣлъ. Церковно-приходская жизнь, Юридическій справочникъ. Политическія партіи и характеристика ихъ программъ. Библиографическій отдѣлъ. Первоначальная медіцинская и домашнія аптечки. Объявленія. Въ „Колоколѣ“ и „Миссіонерскомъ Обзорѣніи“ принимаютъ участіе болѣе ста сотрудниковъ.

Годовая подписная цѣна на „Мисс. Обзор.“: 6 р., на полгода 3 р. Подписавшіеся на журналъ „Мисс. Обзор.“ и газету „Колоколъ“—платятъ 10 руб. за оба изданія, при чемъ допускается разсрочка платежа, а именно 5 руб. вносятся при подпискѣ и 5 руб. послѣ Пасхи включительно до 1 мая. Внесшіе полностью 10 р. за оба изданія пользуются правомъ на полученіе „Симфоніи“, (новаго карманнаго формата) за полцѣны т. е. за 1 р. 50 к., вмѣсто 3 руб.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, 153.

Редакторъ „Мисс. Обзор.“ В. М. Сиворцовъ. Издательница Ю. А. Сиворцова.

ОТКРЫТА ОДПСКА НА 1908 ГОДЪ

(39-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

со многими приложеніями

НИВА.

Гг. подписчики «НИВЫ» получаютъ въ теченіе 1908 года:

62 №№ художественно-литературнаго журнала „Нива“, заключающаго въ себѣ романы, повѣсти и рассказы, гравюры, рисунки и иллюстраціи современныхъ событій.

40 книгъ „Сборника Нивы“, отпечатанныхъ четкими прифтоми на хорошо глазированной бумагѣ и содержащихъ:

Полное собраніе сочиненій въ 28 книгахъ Глѣба Ив. Успенскаго съ обширной критико-біографической статьею Н. К. Михайловскаго. Глѣбъ Успенскій—писатель гражданскій въ высшемъ смыслѣ этого великаго и близкаго намъ отчуждѣннаго слова. Общепризнанный всей русской критикой, истинный художникъ слова, Глѣбъ Успенскій, какъ тонкій психологъ, увлекательный и поучительный повѣствователь, по живости, жѣткости и типичности языка не имѣетъ себѣ равнаго.

Полное собраніе сочиненій въ 10 книгахъ Гергарта Гауптмана въ образц. перев. писателей, съ критико-біогр. очеркомъ. Гауптманъ, стоящій во главѣ всей современной драматической литературы, какъ писатель, представляетъ собою рѣдчайшее соединеніе философа съ поэтомъ. Произведенія Гауптмана обошли весь міръ и ставились на сценахъ Западной Европы и у насъ въ Россіи. Пьесы Гауптмана глубоко интересны не только на сценѣ, но и въ чтеніи: онѣ читаются, какъ романы, полныя драматическаго дѣйствія и движенія, всегда захватывающія искусно задуманной и выполненной фабулой.

Дневникъ и письма въ 2 книгахъ гр. Алексѣя Толстого. Касаясь самыхъ основныхъ вопросовъ жизни, литературы и искусства „Дневникъ“ и „Письма“ гр. А. К. Толстого явятся идейнымъ дополненіемъ къ его сочиненіямъ съ видѣ IV тома (11-й и 12-й книги) „Полнаго собранія сочиненій“.

12 книгъ „Ежемесячныхъ литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній“, содержащихъ романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ съ иллюстраціями и отдѣлы бібліографіи, смѣси, шахматныхъ и шашекъ, задачъ и разныхъ игръ. 12 №№ „парижскихъ модъ“, до 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на разнообразныя вопросы подписчиковъ. 12 листовъ рисунковъ (около 300) для руководящихъ, вышивальныхъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину. 1) „Стѣнной календарь“ на 1908 годъ, отпечатанный красками.

Подписная цѣна „Нивы“ со всеми приложеніями на годъ: съ пересылкою по всѣмъ мѣстамъ Россіи—8 руб. Допускается расрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока.

Новые подписчики, желающіе получить, кромѣ „НИВЫ“ въ 1908 г. со всеми ея приложеніями, еще 10 книгъ соч. гр. А. К. Толстого 1907 г., доплачиваютъ единовременно при подпискѣ, съ доставкой и пересылкой погород. 2 р. 50 к.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается бесплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

Журналъ „БѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсевія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Биографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“ В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Вло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихристѣ. Профес. А. Д. Бѣлева.—„Книга Руоу“. Преосвященнаго Иннокенгія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. О. С. Глаголева.—„Философія монизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Диницкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. И. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. И. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Спегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній: Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жаке, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплавали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Ракторъ Семинаріи, Протоіерей Алексій ЮШКОВЪ.
Дѣйстви. Статск. Совѣт. Константинъ ИСТОМИНЪ.